

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

12/2018 ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

12+

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АРХИВ XX ВЕКА

Хроника Великой Победы (1941—1945)..... 3

СТАТЬИ

Н.Л. Семёнова — Правительственная политика в Оренбургском крае в конце XVIII — первой половине XIX в. 7

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

К.Б. Назаренко — Алексей Михайлович Щастный 23

СООБЩЕНИЯ

Е.Д. Твердюкова — Хлебопечение в СССР в 1960-е — 1980-е гг. 42

С.В. Виноградов, Е.Е. Красноженова — Военный Сталинград в воспоминаниях современников (1942—1943 гг.) 55

Е.Г. Калкаев — К вопросу о начале «китайской операции» НКВД (1937—1938 гг) 66

М.М. Фролова — Военное духовенство в русско-турецкой войне 1877—1878 гг. (на Балканском фронте)..... 85

Выходит
с 1926 года

ООО
ЖУРНАЛ
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
Москва

МЕЖДУНАРОДНОЕ НАУЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

- И. Гаши, И. Мифтари** — Этническая и религиозная структура населения Косовского вилайета (1877—1912) 102

В ПОМОЩЬ УЧИТЕЛЮ ИСТОРИИ

- А.С. Столетова** — Русская деревня в жизни и творчестве В.И. Белова в 1960-е гг. 111

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

- В.В. Филатов** — Состав партийно-государственных кадров в системе управления уральским селом в конце 1920-х — 1930-х гг. 120

- Н.В. Кудрявцев, И.В. Скипина** — «Громкие дела» Тюменского губернского революционного трибунала.... 133

- А.К. Амирханова, Л.Б. Салихова** — Брак и формы его заключения в городах Дагестана: трансформация традиций 146

- Д. Квициани** — Модернизация и проблема государственно-территориального устройства Грузии в XX—XXI вв. 154

ИЗ ИСТОРИИ РЕЛИГИЙ

- С.Ю. Каргапольцев, И.Ю. Лапина** — Сампсониевский собор Санкт-Петербурга в исследовательской практике прошлого и настоящего 162

Хроника Великой Победы (1941—1945)

Александр Печерский

Аннотация. В нынешнем выпуске рубрики представлены воспоминания советского офицера Александра Печерского, организовавшего в 1943 г. восстание в нацистском лагере смерти Собибор близ польского города Люблин. Документ находится в Центральном архиве Министерства обороны Российской Федерации.

Ключевые слова: СССР, Великая Отечественная война, Красная армия, вторая мировая война, Германия, нацизм, Собибор, Министерство обороны Российской Федерации.

Abstract. “Voprosy Istorii” history journal presents memoirs of the Soviet officer Alexander Pechersky. He organized an uprising in 1943 in the Nazi death camp Sobibor near the Polish city of Lublin. The document is contained in Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation.

Key words: USSR, Great Patriotic War, Red Army, World War II, Germany, Nazism, Sobibor, Ministry of Defense of Russian Federation

В Центральном архиве Минобороны России в ходе научно-технической обработки архивных документов эвакогоспиталя № 2260 были выявлены новые свидетельства подвига советского офицера Александра Печерского, организовавшего в 1943 г. восстание в нацистском лагере смерти Собибор близ польского города Люблин. Речь идет о рассказе, который он записал во время нахождения в госпитале на излечении осенью 1944 года. А. Печерский попал туда после ранения, полученного в августе 1944 г. во время службы в 15-м отдельном штурмовом батальоне. На страницах истории эвакогоспиталя № 2660 остались его воспоминания о восстании в Собиборе и побеге из него. Печерский описал не только ужас нахождения в плену, бесчеловечное отношение к советским военнопленным со стороны гитлеровцев, но и привел пример гуманного отношения к немецким военнопленным, попавшим в плен Красной армии:

Публикацию подготовил П. А. Искендеров.

Продолжение. Начало см.: № 5—11.

«Я был в фашистском плену. Это жуткое слово — слово, которое оставляет рубец на всю жизнь. Человек становится калекой и если он получает не физическое увечье, то душевно он разбит.

Находясь на излечении в Э.Г.2660, где начальник капитан медслужбы Гореликов, ощущая здесь повседневную заботу не только как о бойце или офицере, но в первую очередь как о человеке — невольно вспоминаешь фашистский плен. Великий русский писатель М. Горький писал: «Человек — это звучит гордо» — человек гордо звучит в Великом Советском Союзе,

Только фашизм мог своим грязным сапогом и окровавленными руками затоптать, смять это гордое слово, поднятое великим Советским народом на должную высоту. Я помню поле боя, где фашистские изверги добивали раненых бойцов. Даже легкораненых, которые имели возможность ходить, все равно уничтожали. К чему им заботиться о человеке, когда человек в фашистском сознании, это ничто.

Я помню лагерь военно-пленных, где в большом разбитом бараке, на цементном полу лежали в свалке раненые советские бойцы и офицеры. Зловоние в бараке не давало дышать. Человек лежал и догнивал, а фашист, кричавший о «культуре», проходил мимо умирающих в страшных мучениях людей. Ветер, завывая, загонял во все щели хлопья снега.

Я видел пленных немцев у нас. Они были ранены. Все были забинтованы. Ненависть поднималась во мне. Почему им наравне с нашими бойцами оказывают помощь? В тот момент я забывал, что это делается в Советском Союзе, где на первом месте и прежде всего — человек.

Я помню минский СС «Арбецлагерь», по Широкой улице, где комендантом был «знаменитый» унтершарфюрер Вакс. Он был знаменит своими утонченными пытками и садизмом. Туда часто привозили с работ искалеченных людей. Их сваливали, как не нужный хлам. Без медицинской помощи они умирали. Их даже не убивали — к чему! Ведь они мучаются, а что может быть слаще для немца, как не страдание человека. Комендант Вакс приходил и любовался.

Я помню лагерь в Сабибуре. Это лагерь смерти. Там замучено около 2 000 000 мужчин, женщин, детей. Я пробыл там 22 дня. Туда ежедневно прибывали эшелоны с людьми по 2000 человек в каждом. Их организованно уничтожали. Выводили, строили по специальностям, говорили, что перед вселением в бараки они должны пойти в баню. Женщины в связи с «гигиеной» должны стричь волосы. Впустив людей в баню, закрывали двери и начинали работать электрические машины, нагнетавшие удушливый газ. Люди умирали мучительной смертью. Чтобы заглушить человеческие крики немцы гоняли по полю 300 гусей. Трупы вывозили на вагонетках и сжигали. И здесь немецкая расчетливость проявляла себя: женский волос собирался в мешки, человеческий жир в бочки и вместе с вещами замученных все это отправлялось в Германию.

Я был в первом лагере. Нас было около 600 человек. Мы организовали восстание и побег. Но мы не просто решили уйти, но и уничтожить всех немцев в лагере.

14-го Октября 1943 г. в 15.30 началось, по составленному заранее плану, уничтожение немцев. Было убито 11 офицеров, их убивали то-

порами. Мы бежали через проволочные заграждения и минированные поля. Бежал весь лагерь. Сколько погибло при перестрелке и облавах в лесу я не знаю.

Сейчас я лежу в госпитале. Невольно хочется выразить большую благодарность командованию госпиталя за то чуткое и отзывчивое отношение к раненым не только как к бойцам и офицерам, но в первую очередь как к человеку.

Организатор и руководитель
Сабибуровского восстания
техник-интендант 2-го ранга:
Печерский А. А.»

Центральный архив Министерства обороны. Эвакогоспиталь 2660. 1944, с. 96—98.

* * *

**Chronicle of the Great Victory
(1941—1945)**
Alexander Pechersky

In the Central Archive of the Ministry of Defense of Russia in the course of scientific and technical processing of archival documents of Evacuation hospital No. 2260 revealed new evidence of the feat of the Soviet officer Alexander Pechersky, who organized the uprising in the Nazi death camp of Sobibor, near Lublin, Poland in 1943. That is the story, which he recorded while being in the hospital for treatment in the autumn of 1944. He came there after being wounded in August of 1944, while serving in a separate assault battalion. He left his memories of the uprising in the Nazi death camp Sobibor and escaping from it for the history book of that hospital. In these records Pechersky not only described the inhuman treatment of Soviet prisoners of war by the Nazis, but also gave an example of humane treatment of German prisoners of war who were captured by the Red Army:

“I was in Nazi captivity. It’s an eerie word-a-word that leaves a scar for life. One becomes a cripple and if he gets no physical injury, mentally he was broken.

Being treated in Evacuation hospital No. 2660, where the chief captain of the medical service is Gorelikov, feeling here everyday concern not only as a soldier or officer, but primarily as a person — You recall the Nazi prisoner. Great Russian writer M. Gorky wrote: «Man sounds proud» — man sounds proud in the Great Soviet Union.

Only fascism could trample, crush, with its dirty boot and blood-stained hands, this proud word raised by the great Soviet people to the proper height. I remember the battlefield where the Nazi fiends were killing wounded soldiers. Even slightly wounded who had an opportunity to go, all the same were destroyed. What they care about the person! The person in the Nazi mind — this is nothing!

I remember the camp of military prisoners, where in a large broken barracks, on the cement floor Soviet soldiers and officers lay in a landfill wound-

ed. The stench in the barracks were not allowed to breathe. People lay and rot, and a fascist, screaming about «culture», passed people dying in terrible agony. The wind howled and drove snow flakes into all the cracks.

I saw captured Germans in USSR. They were injured. All were bandaged. Hatred was rising in me. Why are they on a par with our soldiers being treated? At that moment I forgot that it is done in the Soviet Union, where in the first place and above all — people.

I remember SS «Arbeitslager» in Minsk, on Shirokaya street, where the commandant was «famous» Unterscharfuehrer Waks. He was famous for his subtle torture and sadism. There were often crippled people brought of the work. They were dumped like useless junk. Without medical care, they died. They were not even killed — for what? After all, they suffer, and what could be sweeter for a German than a suffering person! The commandant Waks came up and admired.

I remember the camp in Sabibur. That was death camp. There about 2 000 000 men, women, children were tortured. I was there for 22 days. There were daily arriving trains with up to 2000 people each. They were destroyed in an organized manner. Output, built in the field, they were said that before moving in to the barracks they must go to the bath. Women in connection with «hygiene» should cut their hair. Letting people into the bath, the doors were closed and electric machines began to work injecting suffocating gas. People died a painful death. To muffle human screams, the Germans chased 300 geese on the field. The bodies were taken on trolleys and burned. Here, the German economy showed itself: a woman's hair was gathered in bags, human fat — in the barrels, and with things tortured all of this go to Germany.

I was in the first camp. There were about 600 of us. We organized a rebellion and an escape. But we not only decided to leave, but also to destroy all the Germans in the camp.

On the 14th of October, 1943 at 15:30 the destruction of the Germans began according to the pre-compiled plan. 11 officers were killed by axes. We ran through wire fences and mined fields. The entire camp fled. I do not know how many died in the shootout and raids in the woods.

I am in the hospital now. Involuntarily, I want to express my gratitude to the command hospital for a sensitive and sympathetic attitude to the wounded as soldiers and officers, but first and foremost as a person.

Organizer and Manager
of the Sabibur uprising technic-intendant
of the 2nd rank [signed]:
A. A. Pechersky”.

Central Archive of the Ministry of Defense, Evakogospital 2660. 1944.
p. 96—98.

Правительственная политика в Оренбургском крае в конце XVIII — первой половине XIX в.

Н.Л. Семёнова

Аннотация. На основе регионально-управленческого подхода автор попыталась проследить, как менялись цели и задачи правительственной политики государства в Оренбургском крае в конце XVIII — первой половине XIX в., в каком направлении происходили административно-территориальные преобразования и реформы управления. Анализ законодательных актов, архивных документов свидетельствует о том, что в последней четверти XVIII — начале XIX в. происходит определение административно-политического статуса Оренбургского края, складывается система военного управления во главе с генерал-губернатором, затем — военным губернатором, которые выполняли функции по военному, гражданскому и пограничному управлению. К началу 40-х гг. XIX в. административные приоритеты Российского государства меняются: начинается имперское «поглощение» Оренбургского края. На первый план выходят задачи дальнейшей социальной, политической, экономической интеграции края в состав империи, которая завершится в 80-е гг. XIX века.

Ключевые слова: Оренбургский край, регион, губерния, административно-территориальное деление, фронтир, правительственная политика.

Abstract. The article presents an attempt to apply the principles of regional-management approach to the study of governmental policy of the Russian Empire in the Orenburg region at the end of the XVIII — first half of the XIX centuries. The author tries to trace how the state's purposes and tasks were changing, which way administrative-territorial changes and governmental reforms took place. The analysis of legislative acts, archival documents results in the fact that in the last quarter of the XVIII — beginning of the XIX centuries there was defined an administrative-political status of the Orenburg region, was made a system of military government headed by a General-Governor, then by a military Governor functioning as a military, civil and borderline government. It showed the difference between the region and other Russian regions. By the beginning of the 40s of the XIX century Russian priorities had changed: Empire "absorption" of the Orenburg region began. New tasks of the further social, political, economic integration of the region into the Empire, which finished in the 80s of the XIX, were of great importance.

Key words: Orenburg region, Region, province, administrative-territorial division, frontier, government policy.

Семёнова Наталия Леонидовна — кандидат исторических наук, доцент Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета. E-mail: natalja_leonid@mail.ru.

Semenova Nataliya L. — candidate of historical sciences, associate professor at the Sterlitamak Branch at the Bashkir State University. E-mail: natalja_leonid@mail.ru.

Административно-территориальное устройство Российской империи традиционно подчинялось решению военно-административных, фискальных задач. При этом правительство, учитывая особенности отдельных регионов, способы их вхождения в состав России, уровень социально-экономического, политического развития, национальный состав, создавало различные модели управления, сохраняя при этом местные традиции. Объектами управления в XVIII—XIX вв. в Российской империи выступали не только основные административно-территориальные единицы — губернии, но и большие территориальные общности — края, выделяющиеся своими особенными чертами ¹.

Термин «край» обозначал, во-первых, пограничные районы государства, во-вторых, обширные территории, включавшие несколько губерний, в-третьих, регионы, имевшие особенности в системе управления, во главе с генерал-губернаторами либо военными губернаторами, которые обладали более широкими полномочиями и действовали на основе особого законодательства. Так, например, в результате административных преобразований Екатерины II было образовано Кавказское наместничество, которое в официальных документах называлось также Кавказский край. Он представлял собой «обширную страну, расположенную между Чёрным (с Азовским) и Каспийским морями на западе и востоке, и Европейской Россией, Турцией и Персией на севере и юге» ². 26 апреля 1883 г. было принято «Учреждение управления Кавказского края», устанавливавшее административно-территориальное деление края и определявшее порядок его управления.

В 30—40-е гг. XIX в. существовали Кавказский, Западный, Закавказский края, позже появились Прикаспийский, Привислинский, Прибалтийский, Туркестанский и Степной. Официальное название — Туркестанский край возникло после утверждения в 1886 г. «Положения об управлении Туркестанского края». Степной край или Степное генерал-губернаторство существовал с 1882 г. по 1917 г. в составе Акмолинской и Семипалатинской областей. Одним из объектов управления являлась Сибирь — не политическое, а географическое, исторически сложившееся пространство, административно оформленное рамками Сибирского генерал-губернаторства ³.

С конца XVIII в. и до 80-х гг. XIX в. объектом управления в Российской империи являлся Оренбургский край. Если Оренбургская губерния представляла собой обычную административно-территориальную единицу, то Оренбургский край территориально выходил за границы губернии и объединял обширный пограничный район. Определение Оренбургского края встречается во всеподданнейшем отчете военного губернатора В. А. Перовского за 1833 г.: «Под Оренбургским краем, в смысле правительственном, разумеется полоса земли, прилегающая пограничными точками своими: на севере — к Каме, на западе — к Волге, на юге — к Каспию, Аралу и Сыр-Дарье, а на востоке к реке Сара-су и горам Улу-тау» ⁴. Данное определение вошло и в «Военно-статистическое обозрение Оренбургской губернии», составленное полковником И. Ф. Бларамбергом совместно с офицерами Герном и Васильевым ⁵.

Перовский подчеркивал, что значение Оренбургского края определяется тем, что он имеет «лесистые, рудные хребты, вместе с плодородными равнинами южных оконечностей Урала... прилегает к двум главным артериям русской промышленности и к кочевьям полудиких среднеазиатских народов, следовательно имеет для государства двоякую важность как источник богатств, еще далеко неисчерпанных, и как оплот против племен, некогда обуревавших Европу своими вторжениями»⁶.

Как отмечал краевед А. И. Кривощёков в начале XX в., долгое время Оренбургский край был известен под названием «Башкирия», а свое «настоящее название... получил только со времени образования в 1734 г. Оренбургской экспедиции во главе со статским советником Кирилловым»⁷. Кривощёков писал, что Оренбургский край «...явился прочным оплотом против вторжения в центральную Россию диких азиатских кочевников, от которых раньше так много выстрадала русская земля».

Современный исследователь К. Мацузато, определяя Оренбургский край как Урало-Каспийский регион или Великий Оренбург, предлагает не рассматривать его исключительно как плацдарм для продвижения в Центральную Азию. Он уверен, что это был «полигон реформ»: здесь требовалось модернизировать корпоративную структуру общества, систему управления, основанную на «разъединенности власти»⁸.

Исследователи А. А. Чибилёв (мл.) и С. В. Богданов изучили историческую эволюцию границ Оренбургского края и пришли к выводам, что главные принципы правительственной политики в этом регионе определялись стремлением усовершенствовать систему управления и способствовать «развитию русского дела» на юго-восточных рубежах России⁹.

С. В. Любичанковский и И. В. Любичанковский рассмотрели Урало-Каспийский регион как особую зону освоения, фронтир. Край отличался поликонфессиональным и многонациональным составом населения, наличием казачьих войск. Фронтирный характер Оренбургского края сохранялся с XVI до начала XX века¹⁰.

Аналогичную точку зрения высказал историк Р. Н. Рахимов, который предпринял попытку сравнительно-исторического исследования Оренбургского края и Сибири как фронтирных районов¹¹. Первый он определил, как юго-восточный, а вторую — как восточный фронтиры Российской империи. Рахимов полагает, что именно на Южном Урале и в Поволжье разрабатывалась особая модель управления, которая была затем использована в Сибири. Для данной модели были характерны веротерпимость, наличие особого управления, местная земельная политика¹². Таким образом, в современной историографии присутствует четкое представление о том, что на Южном Урале сложилась особая модель управления, учитывающая особенности его геополитического положения в Российской империи и состав населения. Однако осмысления понятия Оренбургский край, четкого разграничения его с Оренбургской губернией, пока не произошло.

Целью данной публикации является попытка исследовать Оренбургский край как особый объект управления в Российской империи в конце XVIII — первой половине XIX в., проследить задачи, принципы

деятельности государства в крае, выяснить главное направление административно-территориальных преобразований.

Решение данных исследовательских задач предполагает использование законодательных актов, документов центральных и местных архивов. Материалы законодательства позволяют проследить этапы административно-территориальных преобразований Оренбургского края. В Российском государственном историческом архиве отложились материалы делопроизводства административных учреждений (документы фондов Комитета министров, Совета министра внутренних дел), которые дают возможность проанализировать взгляды правительственных кругов на задачи местного управления. Кроме того они содержат отчеты главных начальников Оренбургского края, документы, касающиеся структуры местного управления, обсуждения административно-территориальных реформ. В региональных архивах (Государственный архив Оренбургской области, Национальный архив Республики Башкортостан) сохранился комплекс материалов делопроизводства: дела о вступлении в должность главных начальников Оренбургского края, переписка губернских учреждений с центральными органами, отчеты военных и гражданских губернаторов, генерал-губернаторов по управлению краем.

В работе использованы исследовательские подходы, которые были разработаны и апробированы А. В. Ремнёвым при изучении административной политики в Сибири — региональный и управленческий¹³. Их применение позволяет комплексно рассмотреть процесс установления границ региона и управленческую динамику территории, понять, как менялись цели и задачи региональной политики Российской империи. Кроме того, этапы имперской интеграции, выделенные и обоснованные Ремнёвым на материалах Сибири, могут быть применены в сравнительно-исторических исследованиях для выяснения общих закономерностей установления социальной, правовой, административной однородности Российской империи¹⁴.

По мнению Ремнёва, процесс интеграции Сибири в имперское пространство прошел несколько этапов: первый этап был связан с первоначальным освоением, когда создавались опорные военно-промышленные пункты, определялась граница, создавались оборонительные рубежи, размещались регулярные и иррегулярные войска. На втором этапе, как пишет Ремнёв, правительство «оцентрировывало» новую территорию, создавало региональные центры государственной власти, которые выполняли военно-административные и фискальные функции. Следующей задачей государства стал выбор административно-политического статуса региона (наместничество, генерал-губернаторство, губерния, область). Наконец, на четвертом этапе Российская империя начала «поглощать» регион, создавая унифицированные управленческие структуры и сокращая сферы действия традиционных институтов¹⁵.

Данный процесс интеграции новых территорий в Российскую империю в современной историографии определяется как «стратегия промежуточных, переходных институтов»¹⁶. По мнению Б. Н. Миронова, в ходе колонизации в России возникла «аморфная полиэтническая империя, стабильность которой до определенного времени обеспечива-

лась бессистемностью, рыхлостью, мультикультурностью, возведенной в главный принцип имперского строительства»¹⁷.

С 30-х гг. XVIII в. началось активное освоение юго-восточных окраин Российского государства, появлялись проекты использования природных богатств Южного Урала, продвижения в Казахстан. В 1744 г. на юго-восточной окраине Российской империи была сформирована самостоятельная административная единица — Оренбургская губерния, в большей степени ориентированная на решение военно-колонизаторских задач государства. Она включала очень большую территорию: Уфимскую, Исетскую провинции, крепости по рекам Урал, Сакмара и Самара, земли зауральских башкир, Ставропольскую крепость. Протяженность губернии с севера на юг составляла 1430 км, с запада на восток — 1520 км¹⁸.

Оренбург был основан как центр, обеспечивающий безопасность границы и транзит имперской политики. Вслед за строительством Оренбурга были построены более двадцати крепостей. К концу 40-х гг. XVIII в. на Южном Урале уже существовала целая система крепостных линий: Самарская, Сакмарская, Нижнеяицкая, Верхнеяицкая, Исетская, Уйско-Тобольская. Здесь были расположены 41 крепость, 39 форпостов и редутов¹⁹.

Крепости стали укрепленными центрами, где располагались войска, откуда происходило распространение российского влияния. Таким образом, строительство крепостей на Южном Урале в 30—40-е гг. XVIII в. представляло собой «отцентровку» окраинной территории России. Интересы государства в крае в этот период, как считает Д.В. Васильев, определялись необходимостью обезопасить юго-восточные окраины, умиротворить казахов, развивать транзитную торговлю, использовать новых подданных для решения внешнеполитических задач²⁰.

Административно-судебная реформа Екатерины II, проводившаяся в Оренбургской губернии после подавления движения под руководством Е.И. Пугачёва 1773—1775 гг., привела к образованию Уфимского наместничества, состоявшего из Оренбургской и Уфимской областей. Екатерина II фактически «разукрупнила» губернии. Площадь Уфимского наместничества составляла 312 тыс. кв. км. Протяженность границы была 2,9 тыс. км. На юге и юго-востоке граница наместничества шла по рекам Урал, Уй и Тобол, а на севере — по рекам Кама, Буй. Северо-восточная окраина находилась в районе озер Чаша и Убиенное²¹.

Создание Уфимского и Симбирского генерал-губернаторства в 1781 г. определило административно-политический статус региона и оформило Оренбургский край как объект правительственной политики. Особенностью власти генерал-губернатора края являлось отсутствие четкого разграничения внутренних и внешних функций: он отвечал за устройство края, но самое главное — за внешнюю политику и пограничную линию, построенную в 1735—1743 годах. Оренбургская пограничная линия носила фронтирные черты подвижной зоны закрепления и освоения. Под властью генерал-губернатора находились регулярные войска, военно-служилые сословия — башкиры (в том числе проживавшие в Пермской, Вятской губерниях), мишари, оренбургские казаки. Была создана особая система управления казахскими жузами.

Пограничные власти решали политические вопросы, контролировали российско-среднеазиатскую торговлю. Учреждение института генерал-губернаторской власти фактически означало, что данная территория изымалась из-под действия общего законодательства и на ней действовала особая система военного управления.

При Павле I происходило дальнейшее уточнение административного статуса Оренбургского края и поиск оптимальной системы взаимоотношений региональной власти и центра. Император провел реформу управления, преследуя цели уменьшить расходы и дефицит государственного бюджета и усилить централизацию. Сократить государственный бюджет он планировал за счет экономии расходов на содержание местного управления и поэтому уменьшил число губерний до 41²². Согласно именному указу от 12 декабря 1796 г. «О новом разделении государства на губернии», вместо Уфимского наместничества была образована Оренбургская губерния, состоявшая из 10 уездов: Оренбургского, Верхнеуральского, Троицкого, Челябинского, Уфимского, Стерлитамакского, Бирского, Мензелинского, Бугульминского, Бузулукского. Белебеевский и Бугурусланский уезды, входившие в состав Уфимского наместничества, были упразднены²³.

Штат Оренбургской губернии был утвержден 31 декабря 1796 года. Местная администрация состояла из военного и гражданского губернаторов. Военный губернатор управлял всем Оренбургским краем, а гражданский губернатор — Оренбургской губернией, подчиняясь военному губернатору²⁴. Военный губернатор стал называться «главный начальник губернии», а гражданский — «начальник губернии»²⁵. Таким образом, реформы Павла I подтвердили особый статус Оренбургского края, во главе которого теперь был поставлен военный губернатор.

Барон О.А. Игельстром, ставший первым военным губернатором вновь образованной Оренбургской губернии, в январе 1797 г. прибыл к месту прохождения службы. В рапорте наместническому правлению от 29 января он сообщал, что под его «начальством по долгу военного губернатора все военные дела, полиция и все пограничные дела», а именно — «... киргизские, бухарские, хивинские, и от прочих подобных народов и потому господин обер-комендант, пограничная экспедиция и пограничный суд; вся полиция и внутри лежащие крепости и гарнизоны; все колодники и потому контора Оренбургская; все военные народы, как в Уфимской, так и в других губерниях находящиеся»²⁶. Военно-служилое население находилось в ведении военного губернатора по «отправлению ими военной службы, по домостроительству и по тяжёлым делам — в попечении губерний». 10 февраля 1797 г. генерал от инфантерии барон Игельстром вступил в должность, которая в официальной переписке имела название «Оренбургский военный губернатор, командующий Оренбургской дивизией, шеф Рыльского мушкетерского полка»²⁷.

Оренбургская дивизия, которой командовал военный губернатор, была образована в соответствии с Высочайше утвержденным расписанием армии на дивизии от 3 декабря 1796 года. Она включала: Оренбургский драгунский полк, Рыльский, Уфимский, Екатеринбургский мушкетерские полки, семь мушкетерских гарнизонных батальонов²⁸.

Для усиления пограничной линии правительство перевело башкир и мишарей в военное сословие и в 1798 г. учредило кантонную систему управления²⁹, которая стала моделью интеграции башкир, реализуемой через военную службу.

Наименование должности военного губернатора в конце XVIII в. содержало название «Оренбургский край», подчеркивало высокое положение главного начальника, его статус командира войск, расположенных в крае, и предметы его ведения. В представлениях оренбургского губернского правления за 1799 г., адресованных оренбургскому военному губернатору Николаю Николаевичу Бахметеву (находился в должности в 1798—1803 гг.), говорилось «Его превосходительству военному губернатору, заведующему гражданской частью, начальствующему пограничным Оренбургским краем»³⁰. Хотя в именных и сенатских указах Н. Н. Бахметев именовался так — «оренбургский военный губернатор, начальник Оренбургской губернии»³¹.

После реорганизации войск Оренбургского края и образования Оренбургской инспекции название должности военного губернатора Бахметева изменилось и выглядело следующим образом: «военный губернатор, заведующий гражданской частью, начальствующий пограничным Оренбургским краем, инспектор Оренбургской инспекции»³².

16 сентября 1803 г. император Александр I подписал документ «Извлечение главнейших предметов из Высочайшей инструкции, оренбургскому военному губернатору данной», определивший главные задачи местной администрации во главе с военным губернатором Г. С. Волконским (находился во главе края в 1803—1817 гг.): прекращение набегов «киргиз-кайсаков» и разграбления торговых караванов; надзор над гражданским управлением, борьба со злоупотреблениями; унификация организационного, хозяйственного и правового устройства казачьих войск края³³.

Последовавшие после этого структурные преобразования военных сил Оренбургского края были подчинены реализации именно этих задач. 5 февраля 1808 г. Александр I подписал указ, согласно которому Оренбургская инспекция реорганизовывалась в 23-ю пехотную дивизию в следующем составе: Рыльский, Уфимский, Екатеринбургский мушкетерские, Оренбургский драгунский полки и все гарнизоны пограничной линии³⁴. Под командованием начальника дивизии оказались и иррегулярные войска края — Уральское, Оренбургское казачьи войска, Ставропольское калмыцкое войско, башкирская и мещерякская конница. Начальником дивизии и оренбургским военным губернатором стал генерал от кавалерии Волконский, должность которого называлась теперь так: «оренбургский военный губернатор, заведующий гражданской частью, начальствующий пограничным Оренбургским краем, командующий 23-й пехотной дивизией»³⁵.

После Отечественной войны 1812 г. в русской армии была введена корпусная система управления. 18 декабря 1816 г. был образован Отдельный Оренбургский корпус, который объединил войска, размещавшиеся в Оренбургском крае³⁶. Современный исследователь Р. Н. Рахимов полагает, что главной задачей корпуса было несение пограничной службы на юго-восточной границе и обеспечение караванной торгов-

ли, поскольку вплоть до 1860-х гг. никаких планов завоевания Средней Азии у российского правительства не существовало ³⁷. Войска корпуса действовали против шаек или «сборищ» «хищных киргиз-кайсаков», поддерживаемых хивинским ханом. Они совершали набеги на российские пограничные территории, угоняли скот у башкир и казаков, грабили караваны с целью продажи их на рынках Хивы. В результате, Оренбургский корпус находился в состоянии войны, просуществовав до 10 августа 1864 г., когда был упразднен и переименован в войска Оренбургского края ³⁸. Командиром Отдельного Оренбургского корпуса являлся оренбургский военный губернатор, должность которого теперь называлась так: «оренбургский военный губернатор, управляющий гражданской частью, командир Отдельного Оренбургского корпуса» ³⁹. Оренбургские военные губернаторы П.К. Эссен (1817—1830); граф П.П. Сухтелен (1830—1833); граф В.А. Перовский (1833—1842; 1851—1857); В.А. Обручев (1842—1851) являлись одновременно командирами Отдельного Оренбургского корпуса на правах корпусного начальника. Такое название должности сохранялось до 1851 г. — до образования Оренбургского и Самарского генерал-губернаторства.

К концу первого десятилетия XIX в. Российская империя стала более уверенно проводить свою политику в казахской степи. Этому во многом способствовала позиция местной администрации, которая убеждала правительство, что залог успешных действий против кочевников — усиление позиций России в казахской степи ⁴⁰. В 1808 г. в состав Оренбургского края вошла Внутренняя (Букеевская) орда, находившаяся прежде в составе Астраханской губернии. Управление ею было передано оренбургской пограничной комиссии.

В 1811 г. территория Оренбургского края расширилась за счет земель в междуречье Урала, Бердянки и Илека, где был создан так называемый Новоилецкий район. Военный губернатор князь Волконский обосновывал перенос Оренбургской пограничной линии с р. Урал на р. Илек необходимостью прикрыть илецкие соляные промыслы и защитить путь, по которому соль доставлялась в Самару ⁴¹. Создание Новоилецкого района способствовало расширению территории Оренбургского края и продвижению границы России в глубь казахской степи.

Однако полностью решить задачи, выдвинутые правительством, и обеспечить охрану пограничной линии и прилегающей территории, не удалось. Об этом заявил в своей речи М.М. Сперанский, выступая 16 июня 1821 г. на заседании Азиатского департамента, посвященном вопросам управления казахами. Он констатировал слабое обустройство Оренбургской пограничной линии, результатом которого стали постоянные грабежи торговых караванов, набеги на прилинейных жителей. Сперанский был уверен, что необходимо пересмотреть всю систему защиты, «... собрав из дел исторических сведения, извлечь из самого опыта и бывших доселе происшествий начала к лучшему страны сей устройству» ⁴².

С оценками Сперанского совпадает мнение В.В. Григорьева, известного русского историка-востоковеда, с 1851 г. служившего в Оренбургском крае: «... в течении первой четверти XIX в. политика наша по отношению к Средней Азии была, и по целям, и по приемам, и по резуль-

татам, столь же безуспешна и мало достойна России, как и в XVIII веке. Никакими властолюбивыми замыслами мы не задавались; никого не стремились ни покорять, ни присоединять; все заботы наши ограничивались скромною целью добиться равноправности в торговых сношениях с мелкими оседлыми владениями Узбекистана, но и той, несмотря на все старания, никак не удавалось нам достигнуть. Купцы бухарские, хивинские, ташкентские, коканские разъезжали по всему обширному пространству России как у себя дома, в полной безопасности, закупали русские произведения из первых рук, на местах производства, а на свои привезенные к нам товары могли, пользуясь отсутствием конкуренции, устанавливать самые выгодные для них цены»⁴³.

В первой половине 20-х гг. XIX в. правительство определило статус Младшего и Среднего жузов в составе империи⁴⁴. В результате взаимодействия местной администрации Оренбургского края и центральной власти были приняты «Устав о сибирских киргизах» 1822 г. и «Утвержденное мнение Комитета Азиатских дел относительно преобразования управления Оренбургским краем» 1824 г., которые ликвидировали ханскую власть. Казахи стали разделяться на киргизов Сибирского ведомства и Зауральскую киргизскую степь Оренбургского ведомства, хотя при решении вопроса о разграничении территорий двух ведомств возникли споры, и проблема в первой половине XIX в. так и не была решена⁴⁵.

К концу первой четверти XIX в. из-за постоянных нападений на торговые караваны и правительственные экспедиции стала обсуждаться новая идея переноса Оренбургской пограничной линии в глубь степей⁴⁶. Наиболее слабым участком считалась часть пограничной Орской линии до Троицкой крепости, которая вдавалась в территорию Оренбургской губернии. Именно на этом участке проходили частые столкновения между кочевыми родами башкир и казахов. По мнению В.С. Кобзова, инициатором переноса линии стал оренбургский военный губернатор в 1830—1833 гг., командир Отдельного Оренбургского корпуса генерал-лейтенант, генерал-адъютант граф П.П. Сухтелен — талантливый военный инженер и энергичный администратор⁴⁷.

Однако он не успел осуществить свою идею из-за внезапной смерти. Новому военному губернатору генерал-лейтенанту В.А. Перовскому удалось убедить правительство, что перенос линии позволит сократить ее протяженность, а следовательно, и затраты на ее содержание. Кроме того, вновь присоединяемая территория богата золотом, лесами, водными ресурсами, а заселение ее казаками позволит отгородить внутренние кантоны губернии от набегов казахов⁴⁸.

В 1835—1838 гг. идея переноса линии была реализована: к землям Оренбургского казачьего войска было прирезано более 4 млн. десятин земли от Орска до р. Уй и образован Новолинейный район. Присоединение такой значительной территории увеличило площадь Оренбургского края. Реформа позволила выделить единую территорию Оренбургского казачьего войска, численность которого с 40 тыс. в 1840 г. увеличилась к 1 января 1847 г. до 158 528 душ обоего пола (79 343 мужского)⁴⁹.

Период пребывания Перовского в должности оренбургского военного губернатора отмечен многочисленными реформами и нововведе-

ниями в крае. Обращают на себя внимание всеподданнейшие отчеты, составленные в его канцелярии. Они отличаются полнотой и аналитическим характером⁵⁰. Одна из причин этого состоит в том, что по приглашению военного губернатора на службу в Оренбургскую губернию приехали известные ученые, которые и участвовали в составлении отчетов. Так, с 1836 по 1842 г. чиновником особых поручений при военном губернаторе состоял выпускник Царскосельского лицея, исследователь, картограф Я.В. Ханыков. Именно ему Перовский поручил составить свой итоговый «Отчет по управлению Оренбургским краем с 1833 по 1842 год» перед отъездом в столицу в 1841 году⁵¹.

Содержание отчета военного губернатора помогает определить особенности положения Оренбургского края в системе управления Российской империи. Всеподданнейший отчет разделен в соответствии с главными предметами ведения военного губернатора как начальника Оренбургского края: первая часть — по гражданскому управлению; вторая — по военно-пограничному. Причем объем первой части более значительный, чем второй.

Перовский писал, что ни одна из целей, намеченных при учреждении Оренбургской губернии, за сто лет не была выполнена: «...набеги кайсаков уменьшились только от собственного их ослабления; между тем оберегательные способы границы не в состоянии были бы удержать несколько обширного восстания; торговля увеличилась, но сосредоточена была вся в руках азиатцев; наконец влияние наше на соседних владельцев, если не уменьшилось, то не сделалось значительнее»⁵².

Подводя итоги своего девятилетнего периода службы в крае в качестве главного начальника, Перовский писал, что Оренбургская губерния вместе с Астраханской, частями Саратовской, Вятской, Пермской губерний и Западной Сибирью составляли, подобно «Новороссийскому краю и Закавказью, одну полосу, требующую общего и согласного преобразования». Реформы должны были проходить по следующим направлениям: «1. Устройство инородцев. 2. Образование военных поселений. 3. Ссылные. 4. Водворение переселенцев из государственных крестьян. 5. Исследование естественных богатств и промышленных сил. 6. Приискание способов к развитию последних и в особенности преобразование горной, соляной промышленности и лыководства. 7. Распространение образования и христианства между иноверцами. 8. Обезопасение восточной границы империи. 9. Упрочение влияния на Туран. 10. Развитие караванной и Каспийской торговли»⁵³. Таким образом, военный губернатор наметил целую программу преобразований.

Перовский полагал, что первым делом нужно заняться устройством коренного башкирского населения, поскольку оно — самое «многочисленное и наиболее нуждающееся в устройстве сословие Оренбургского края. Бедственное положение их известно было правительству»⁵⁴. Разорение башкир следовало «... от излишнего обременения службой... от насильственного изменения их образа жизни... от распоряжений, кои не оправдываясь действительною необходимостью, противны основным понятиям народа»⁵⁵. Однако Перовский считал, что башкирский народ «... лишен был всех внутренних способов для принятия даже са-

мого малосложного преобразования». Поэтому он отказался от решительного преобразования — составления общего положения для войска, а ограничился небольшими, но как он сам писал, «более верными улучшениями»⁵⁶.

У правительства и императора отсутствовало четкое мнение по данному вопросу. Хорошо известно, что в 1837 г. в письме цесаревичу Александру Николаевичу, путешествовавшему по России, Николай I писал о положении башкир: «башкиры добрый народ, но я полагаю, что полезнее со временем обратить его в хлебопашцы, ибо пользы военной от него нет, зло же может когда-нибудь от них произойти. Вообще дикий вооруженный народ иметь за собой не удобно»⁵⁷.

По ходатайству Перовского была введена должность командующего войском со своей канцелярией и институт попечительства. Кантонным начальникам были даны «наставления относительно важнейших предметов должностей своих, определены и пояснены служебные обязанности войска; облегчены прочие повинности и без отягощения народа созданы значительные войсковые доходы; определены правила для охранения поземельной собственности от растраты и истребления; приняты меры к ограждению вотчинных прав башкир от незаконных притязаний и к скорейшей развязке дела о припущенниках»⁵⁸. Перечисленные меры, как отмечал военный губернатор, «не совершили преобразования башкир», немедленное проведение которого Перовский не считал полезным и безопасным, но обеспечили их благосостояние.

Позиция Перовского в отношении башкирского населения полностью соответствовала принципам правительственной политики. Военный министр Н.О. Сухозанет в январе 1859 г. направил оренбургскому и самарскому генерал-губернатору А.А. Катенину «Записку по делу о расформировании башкирских полков с целью распространения между ними обычаев и привычек гражданских лиц»⁵⁹. Записка была составлена на основе сведений, извлеченных из дел упраздненного департамента военных поселений. Военный министр писал, что из обзора дел видно: «... правительство никогда не имело намерения обратить часть его (Башкиро-мещерякского войска. — *Н.С.*) в казачье войско, напротив, не усматривая в представлениях оренбургского начальства твердых убеждений о том: какое место должен занять этот многочисленный народ в составе государственного бытия, оно, не решалось ни на какие общие устройства его будущности, и допускало одни лишь частные меры и улучшения, наиболее соответствующие его видам»⁶⁰. Именно этим задачам были подчинены все основные шаги правительства: усиление Оренбургского казачьего войска, новое устройство пограничной линии и постепенное обложение большей части башкирского народа денежным сбором вместо военной службы. Сухозанет заключал: «... оказывается, что башкиры, как войско совершенно не нужны для государства и в этом виде составляют скорее тягость и неприятную заботу правительства»⁶¹. Однако перевод башкир в разряд государственных крестьян был осложнен сохранявшимся вотчинным правом и запутанностью земельных отношений, в связи с чем возникали многочисленные судебные процессы⁶².

Обсуждение в правительстве вопроса о реформах среди башкирского населения свидетельствовало о том, что с 40-х гг. XIX в. в Оренбургском крае начался процесс постепенного «имперского поглощения», который продолжался в 1850—1860-е гг. и завершился в 1881 г. отменой Оренбургского генерал-губернаторства. К этому времени Оренбургская губерния фактически утратила пограничный характер, граница отодвинулась в глубь казахской степи. Кроме того, Российская империя, как доказывает Васильев, перешла к использованию элементов прямого управления в казахской степи, постепенно создавая имперские учреждения, адаптированные к региональной специфике ⁶³.

Данные выводы по Оренбургскому краю полностью укладываются в общероссийскую концепцию, представленную в монографии Миронova ⁶⁴. Автор считает, что в 1860-е гг. (хотя и с некоторым различием во времени в разных регионах), правительство «переосмыслило» и «переконцептуализировало» свою этноконфессиональную политику, сформулировав идею сближения русских с «иностранцами» ⁶⁵. Эта идея нашла выражение в политике унификации административного устройства, управления и суда, распространения русской культуры и обучения на русском языке. Армия стала комплектоваться на основе всеобщей воинской повинности ⁶⁶.

Сходную точку зрения высказал японский историк К. Мацузато. Он полагает, что центральное правительство подталкивало местную власть в лице генерал-губернатора А. Безака к реформе по ликвидации башкирского войска, стремясь к тому, чтобы преобразования произошли синхронно и были согласованы с крестьянской реформой ⁶⁷. Исследователь считает, что цель правительства состояла в том, чтобы «преодолеть общую изоляцию иностранцев», тем более, что «Башкирская реформа, также как и Казачья реформа была проведена в течении 1860-х гг., когда военные действия России в Центральной Азии достигли своей кульминации» ⁶⁸. Поэтому главная причина реформ заключалась в том, что «... Уфимская и Самарская губернии должны были быть трансформированы в обычные гражданские губернии при первой же возможности, для того чтобы переместить генерал-губернаторство на восток от Оренбурга в степь» ⁶⁹.

В отчете генерал-губернатора А.П. Безака за 1863—1864 гг. говорилось, что реформы необходимы, поскольку территория края огромная — 1 млн. 200 тыс. кв. миль, население составляет 4 млн. 200 тыс. чел. и подчиняется разным министерствам ⁷⁰. Оренбургская и Самарская губернии (образована в 1850 г.), составляющие генерал-губернаторство, находились в ведомстве Министерства внутренних дел, территория двух казачьих войск и Башкирского войска — Военного министерства, территория Внутренней Орды — Министерства государственных имуществ, оренбургских киргизов — Министерства иностранных дел ⁷¹.

Процесс реформирования военно-служилого населения завершился 2 июля 1865 г. с упразднением кантонной системы управления. Башкиры переходили в подчинение общих уездных и губернских по крестьянским делам присутствий и мировых посредников. По мере дальнейшего продвижения русского влияния в Казахстан и Среднюю Азию, Оренбургский край окончательно превратился во внутренний район империи.

Таким образом, в первой половине XIX в. Оренбургский край представлял собой обширную пограничную территорию на юго-востоке Российской империи, включавшую земли Оренбургской губернии (12 уездов), территорию проживания башкир в Вятской, Пермской, Саратовской губерниях, земли Уральского казачьего войска, приуральские кочевья Внутреннего казахского жуза (Букеевской орды), территорию Новолинейного и Новоилецкого районов. Территория края в первой половине XIX в. постоянно расширялась: юго-восточная граница Российского государства носила подвижные фронтирные черты и все больше отодвигалась в глубь казахской степи. Здесь проходила внешняя граница Российской империи, была построена Оренбургская пограничная линия, вдоль которой размещались регулярные и иррегулярные войска.

Политика правительства в отношении Оренбургского края была дискретной, зависела от господствовавших взглядов на природу взаимоотношений центра и регионов, территориальных и ведомственных интересов, географических условий, типа социально-экономических отношений, этноконфессиональной ситуации, военно-политических и экономических приоритетов. В XVIII в. усилия правительства в Оренбургском крае были направлены на освоение региона, обеспечение безопасности пограничной линии, развитие транзитной торговли через Оренбург.

В последней четверти XVIII — начале XIX в. происходило определение административно-политического статуса Оренбургского края, складывалась система военного управления во главе с генерал-губернатором, затем — военным губернатором, выполнявшими функции по военному, гражданскому и пограничному управлению. Кантонная система, введенная среди башкир и мишарей, стала наиболее оптимальной формой интеграции коренного населения в общероссийскую систему. Кроме того, служба на пограничной линии иррегулярных войск обходилась казне гораздо дешевле, чем привлечение для ее охраны регулярных войск. Одновременно с этим правительство создавало систему пограничного управления казахскими жузами, проводило ряд реформ, направленных на совершенствование управления регулярными и нерегулярными войсками.

Цели правительственной политики в Оренбургском крае в конце XVIII-40-х гг. XIX в. в Оренбургском крае принципиально не изменились по сравнению с предшествующим периодом и были связаны с повышением безопасности пограничной линией и защитой торговли и правительственных экспедиций. Происходило расширение территории края за счет переноса пограничной линии в глубь казахской степи.

В начале 40-х гг. XIX в. административные приоритеты государства менялись: начался переход к постепенному имперскому «поглощению» Оренбургского края. На первый план вышли задачи дальнейшей социальной, политической, экономической интеграции края в состав империи. Разрабатывались планы новых административно-территориальных изменений, а именно — разделения Оренбургской губернии на две. Начался процесс перевода башкир из военно-служилого в гражданское состояние: в 1848 г. кантоны разделены на два вида — служилые и неслужилые. В 1855 г. насчитывалось 9 служилых кантонов и 19 не-

служилых. С 1861 г. население кантонов подчинялось общей полиции. В 1865 г. кантонная система управления была упразднена.

Анализ правительственной политики в Оренбургском крае в конце XVIII — первой половине XIX в. свидетельствует о том, что выводы Ремнёва, сделанные на материалах Сибири, подтверждаются и на материалах интеграции Оренбургского края в Российскую империю. Действовала четкая последовательность: по мере расширения государственных границ России и включения в состав империи новых территорий происходила смена «задач властного присвоения задачами властного освоения». Региональная политика Российской империи преследовала главную конечную цель — социальную, правовую, административную однородность. Выбирая пути и методы решения данной задачи, правительство учитывало региональное своеобразие территорий.

Примечания

1. Сибирь в составе Российской империи. М. 2007, с. 21.
2. БРОКГАУЗ Ф.А., ЕФРОН И.А. Энциклопедический словарь. Т. XIII. СПб. 1894, с. 318.
3. РЕМНЁВ А.В. Самодержавие и Сибирь: Административная политика второй половины XIX — нач. XX вв. Омск. 1997.
4. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 1281, оп. 4, д. 146, л. 2—2об.
5. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. 14. Ч. 1—3. СПб. 1848, с. 1.
6. РГИА, ф. 1281, оп. 4, д. 146, л. 2—2об.
7. КРИВОЩЁКОВ А.И. Исторические судьбы Оренбургского края. Краткий очерк заселения и развития края. Уфа. 1913, с. 3.
8. МАЦУЗАТО К. Управляя пространством: Урало-Каспийский регион и проблемы регионального управления империи. В кн.: Местное управление в пореформенной России: механизмы власти и их эффективность. Сводные материалы заочной дискуссии. Екатеринбург-Ижевск. 2010, с. 428, 438.
9. ЧИБИЛЁВ А.А. (мл.), БОГДАНОВ С.В. Картографический анализ исторической эволюции границ Оренбургской губернии. — Уральский исторический вестник. 2016, № 2(51), с. 131—132.
10. ЛЮБИЧАНКОВСКИЙ С.В., ЛЮБИЧАНКОВСКИЙ А.В. Урало-Каспийский регион как историко-географический феномен (XVI — начало XX вв.). — Самарский научный вестник. 2017, т. 6, № 1 (18), с. 104.
11. РАХИМОВ Р.Н. Оренбургская и Сибирские пограничные линии в XVIII — первой половине XIX в. как юго-восточный и восточный фронтиры России. — Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013, вып. 10 (126), с. 103—109.
12. Там же, с. 108.
13. РЕМНЁВ А.В. Ук. соч.
14. Сибирь в составе Российской империи, с. 21.
15. Там же, с. 22—23.
16. МИРОНОВ Б.Н. Управление этническим многообразием Российской империи. СПб. 2017, с. 150.
17. Там же, с. 422.
18. ЧИБИЛЁВ А.А. (мл.), БОГДАНОВ С.В. Ук. соч., с. 127—128.
19. История Башкортостана с древнейших времен до 60-х гг. XIX в. Уфа. 1996, с. 224.
20. ВАСИЛЬЕВ Д.В. Россия и Казахская степь: административная политика и статус окраины. XVIII — первая половина XIX века. М. 2014, с. 246.
21. ЧИБИЛЁВ А.А. (мл.), БОГДАНОВ С.В. Ук. соч., с. 129—131.
22. КЛОЧКОВ М.В. Очерки правительственной деятельности Павла I. Пг. 1916, с. 412.

23. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ) с 1649 года. Собрание I. СПб. 1830, т. 24, № 17634.
24. Там же.
25. Там же, т. 27, № 20713.
26. Государственный архив Оренбургской области (ГА ОО), ф. 6, оп. 1, д. 40, л. 1—1об.
27. Там же, ф. 6, оп. 1, д. 42, л. 57.
28. ПСЗ, т. 43, № 17606.
29. Там же, т. 25, № 18477.
30. ГА ОО, ф. 6, оп. 1, д. 450, л. 1.
31. Там же, д. 418, л. 1—2.
32. Там же.
33. ПСЗ, т. 27, № 20938.
34. Там же, с. 67.
35. Там же, с. 69.
36. Там же.
37. РАХИМОВ Р.Н. Отдельный Оренбургский корпус: проекты и реалии воюющей окраины в николаевскую эпоху. В кн.: Русский сборник: Исследования по истории России. Т. VII. М. 2009, с. 172.
38. Там же, с. 166.
39. Там же, ф. 6, оп. 3, д. 5418, л. 61.
40. РАХИМОВ Р.Н. Отдельный Оренбургский корпус: проекты ..., с. 173.
41. КОРТУНОВ А.И. Создание Новоилецкого района Оренбургского казачьего войска и особенности его заселения в первой половине XIX в. — Известия Самарского научного центра Российской Академии наук. 2013, т. 15, № 5, с. 13.
42. ВАСИЛЬЕВ Д.В. Ук. соч., с. 315.
43. ГРИГОРЬЕВ В.В. Русская политика в отношении к Средней Азии. Исторический очерк. Сб. государственных знаний. Т. 1. 1874. <http://rus-turk.livejournal.com/269770.html>.
44. ИЗБАСАРОВА Г.Б. Имперская власть и дебаты по определению границ земель казахов Оренбургского и Сибирского ведомств в первой половине XIX в. — Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2016, № 3, с. 13.
45. Там же, с. 21.
46. КОБЗОВ В.С. Военно-административная структура Оренбургского казачьего войска в XVIII — первой половине XIX в. Челябинск. 1996, с. 12—26.
47. Там же, с. 14.
48. Там же.
49. Там же, с. 26.
50. РГИА, ф. 1281, оп. 4, д. 146.
51. Там же. Документальная публикация отчета с комментариями была осуществлена И.М. Гвоздиковой: ГВОЗДИКОВА И.М. Отчет оренбургского военного губернатора В. А. Перовского по управлению краем (1833—1842). Документальная публикация. Уфа. 2010.
52. РГИА, ф. 1281, оп. 4, д. 146, л. 3.
53. ГВОЗДИКОВА И.М. Ук. соч., с. 85.
54. Там же, с. 34.
55. РГИА, ф. 1021, оп. 1, д. 100, л. 1об.
56. Там же.
57. РАХИМОВ Р.Н. Проекты реформ Башкиро-мещеряцкого войска. Первая половина XIX века. В кн.: Victoria. Gloria. Fama. Сб. материалов международной научной конференции, посвященной 300-летию Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. Ч. III. СПб. 2003, с. 77—81.
58. ГВОЗДИКОВА И.М. Ук. соч., с. 36.
59. Научный архив Республики Башкортостан (НА РБ), ф. И-2, оп. 1, д. 10077.
60. Там же, л. 14об.
61. Там же, л. 22.
62. РАХИМОВ Р.Н. Проекты реформ Башкиро-мещеряцкого войска..., с. 80.
63. ВАСИЛЬЕВ Д.В. Ук. соч., с. 250.

64. МИРОНОВ Б.Н. Управление этническим многообразием Российской империи. СПб. 2017.
65. Там же, с. 234.
66. Там же.
67. МАЦУЗАТО К. Ук. соч., с. 436.
68. Там же, с. 431.
69. Там же, с. 433.
70. РГИА, ф. 1263, оп. 1, д. 3098б, л. 3—3об.
71. Там же.

Алексей Михайлович Щастный

К. Б. Назаренко

Аннотация. Алексей Михайлович Щастный (1881—1918) был морским офицером, участником русско-японской и первой мировой войн. В историю он вошел как командующий Балтийским флотом во время Ледового похода (март-май 1918 г.) из Гельсингфорса в Кронштадт, когда было спасено от захвата немцами основное ядро кораблей флота. Обвинение Щастного в антисоветской деятельности и его расстрел 22 июня 1918 г. вызвали жаркие споры о возможности применения смертной казни в Советской России, а впоследствии вокруг фигуры Щастного сформировался ряд мифов. В публикации делается попытка с опорой на источники охарактеризовать политическую деятельность Щастного с сентября 1917 по июнь 1918 г. Делается вывод о том, что обвинения, содержащиеся в приговоре, имели под собой серьезные основания.

Ключевые слова: Алексей Михайлович Щастный, биография, Балтийский флот, русская революция 1917 г., Ледовый поход.

Abstract. Alexey Mikhailovich Shchastny (1881—1918) was a naval officer, veteran of the Russian-Japanese and First World Wars. He went down in history as the commander-in-chief of the Baltic Fleet during Ice Cruise of the Baltic Fleet (March-May 1918) from Helsingfors to Kronstadt, when the main core of the ships of the fleet was rescued from capture by the Germans. Shchastny's accusation of anti-Soviet activities and his shooting on June 22, 1918 caused heated debates about the possibility of using the death penalty in Soviet Russia, and subsequently a number of myths formed around Shchastny's figure. The article attempts, based on sources, to describe the political activities of Shchastny from September 1917 to June 1918. It is concluded that the charges contained in the verdict had serious grounds.

Key words: Alexey Mikhailovich Shchastny, biography, Baltic fleet, Russian revolution of 1917, Ice Cruise of the Baltic Fleet.

Алексея Михайловича Щастного, капитана 1-го ранга, которого иногда объявляют адмиралом, можно назвать символической фигурой в истории русского флота XX века. Из моряков, пустившихся в 1917—1918 гг. в плавание по бурным волнам революции, лишь П. Е. Дыбенко может составить ему пару. Оба моряка на мгновение, по историческим меркам, были вознесены на вершины политической жизни России, оба прикоснулись к штурвалу государственного корабля и оба были от него отброшены. Но если Дыбенко прожил еще 20 лет после того, как перестал быть важной политической фигурой, то жизнь Щастного оборвалась одновременно с его падением с политического Олимпа. Опираясь на флот, оба они попытались стать политическими лидерами, и обоих ждал крах. Вокруг этих личностей десятилетия продолжается борьба, и каждого из них называют то героем, то негодяем.

Назаренко Кирилл Борисович — доктор исторических наук, профессор Института истории Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: k.nazarenko@spbu.ru.

Nazarenko Kirill B. — doctor of historical sciences, professor in the Institute of History, St. Petersburg State University. E-mail: k.nazarenko@spbu.ru.

Алексей Михайлович Щастный родился 4 октября 1881 г.¹ в Житомире, в семье артиллерийского офицера Михаила Михайловича Щастного, который в 1908 г. вышел в отставку в чине генерал-лейтенанта.

В 1898 г. Алексей закончил Киевский кадетский корпус и поступил в специальные (старшие) классы

Морского корпуса, минуя общие (младшие). Поскольку его отец не был связан с морским ведомством, Щастному потребовалось показать на вступительных экзаменах весьма высокие результаты — по существовавшим тогда правилам, абсолютное преимущество при поступлении в корпус имели дети строевых флотских офицеров.

В мае 1901 г. Щастный был выпущен мичманом, затем некоторое время служил на канонерских лодках Балтийского флота, в 1903 г. был назначен на Дальний Восток, на эскадренный броненосец «Севастополь»², служил минным офицером на канонерской лодке «Манджур». После ее интернирования в Шанхае в апреле 1904 г. был переведен на крейсер «Диана», в составе экипажа которого летом 1904 г. принимал участие в отражении ночных атак японских миноносцев, в обстреле береговых позиций японцев в бухте Тахэ, в бою в Жёлтом море 28 июля 1904 года. После интернирования крейсера «Диана» в Сайгоне, 28 августа 1904 г., Щастный отбыл в Россию. В соответствии с международным правом, как член команды интернированного военного корабля более в боевых действиях он не участвовал. За русско-японскую войну был награжден орденом Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом и серебряной медалью защитника Порт-Артура, а позднее — нагрудным знаком защитника Порт-Артура.

Во время русско-японской войны он служил под началом двух офицеров, которые позднее займут ключевые посты в руководстве русского флота — командиром «Севастополя» был Н.О. фон Эссен, будущий командующий Балтийским флотом (1908—1915), а командиром «Дианы» — А.А. Ливен, будущий начальник Морского генерального штаба (1911—1914), который давал высокую оценку Алексею Михайловичу.

После войны Щастный окончил Минный офицерский класс и стал минным офицером 1-го разряда, после чего был назначен исполняющим должность флагманского минного офицера штаба Командующего морскими силами Балтийского моря (1909—1912). Он считался крупным специалистом по радиотелеграфному делу. Следует пояснить, что в то время радиотелеграфная специальность на русском флоте еще не была самостоятельной, а относилась к минному делу вместе со всей

электротехникой. В апреле 1913 г. Алексей Михайлович был произведен в капитаны 2-го ранга, а с начала 1914 г. стал старшим офицером новейшего линкора «Полтава»³. В 1916—1917 гг. командовал эсминцем «Пограничник». С февраля 1917 г. Щастный служил в штабе Балтийского флота. За годы первой мировой войны он был награжден орденом Св. Анны 2-й степени с мечами, мечами к ордену Св. Станислава 2-й степ., полученному ранее в «очередном» порядке⁴.

В 1914 г. Алексей Михайлович женился на вдове Антонине Николаевне Сердюковой, урожденной Приемской (1881—1922), у которой уже была дочь Галина (1913—1982), усыновленная Щастным. В браке родился сын Лев (1915—2002). Лев Алексеевич Щастный участвовал в Великой Отечественной войне, воевал на Ленинградском фронте, в 1985 г., наряду с другими ветеранами, был награжден орденом Отечественной войны 2-й степени⁵.

Биография Щастного до 1917 г. не выделяется на фоне биографий сотен офицеров русского флота. Как и многие, он честно воевал в русско-японской и первой мировой войнах, вносил посильный вклад в совершенствование военной техники, рос в чинах, получал награды.

Революционная буря 1917 г. вывела Щастного на историческую авансцену. С сентября 1917 г., когда он впервые заявил о себе, как о политическом деятеле, до расстрела в июне 1918 г. не прошло и года, но именно этот отрезок его биографии достоин пристального внимания.

В мае 1917 г. Щастный стал флаг-капитаном по распорядительной части штаба Балтийского флота, в июле был произведен в чин капитана 1-го ранга⁶. В это время на флоте сменилось несколько командующих. Напомним, что после убийства А. И. Непенина матросы избрали командующим флотом вице-адмирала А. С. Максимова, позднее утвержденного в этой должности Временным правительством. Поскольку Максимова подозревали в том, что он может возглавить выступление против правительства, 1 июня его со скандалом сняли с поста командующего, который занял контр-адмирал Д. Н. Вердеревский (начальник штаба флота в апреле 1917 г.). В защиту Максимова активно высказывались матросы, и лишь его собственное согласие со снятием с поста позволило замять скандал.

В свою очередь, Вердеревский потерял пост командующего 5 июля 1917 г. за разглашение перед Центробалтом приказа помощника морского министра Б. П. Дудорова направить в Петроград корабли для поддержки Временного правительства и топить суда, самовольно идущие в столицу. Вердеревский был отдан под суд, однако во время Корниловского мятежа, 30 августа, не только освобожден из-под ареста, но и назначен морским министром.

7 июля командующим Балтийским флотом стал капитан 1-го ранга А. В. Развозов, произведенный в контр-адмиралы лишь 10 дней спустя. Таким образом, еще при Временном правительстве для офицеров, не имевших адмиральского чина, открылась дорога к высшим командным постам на флоте, что было абсолютно исключено до Февральской революции.

Можно предположить, что эти бурные события стали важнейшей политической школой для Щастного. Из них он мог сделать однознач-

ные выводы: матросы Балтийского флота стали реальной политической силой, правительство с ними считается, действия в согласии с матросскими выборными органами (прежде всего, с Центробалтом) в конечном счете ведут к успеху, даже в том случае, если вызывают репрессии со стороны властей. Что касается Временного правительства, то оно крайне слабо, не может последовательно проводить в жизнь собственные решения и «спускает с рук» неповиновение себе. Единственный способ проводить в жизнь те или иные решения — делать это в согласии с Центробалтом (как действовал Вердеревский).

После провала попытки установления военной диктатуры Л. Г. Корнилова, 1 сентября 1917 г. Россия была провозглашена республикой. Вечером 3 сентября на заседании Центробалта «Щастный сообщает о получении из Петрограда известий, что Россия объявлена демократической республикой. Щастный хочет поднять на мачте красный флаг и сигнал. (Аплодисменты)»⁷. Имелось в виду, что он предлагал поднять красные стеньговые флаги днем и зажечь красные топовые огни ночью.

В этой ситуации Щастный чутко уловил настроение матросов, что свидетельствует о его недюжинных политических способностях. Заметим, что поступок Щастного был нетипичным для флотских офицеров того времени, которые лишь пассивно наблюдали за происходившими событиями. Некоторые делали первые попытки сопротивляться революционному потоку, хотя бы на словах. Тем не менее, это сопротивление могло привести к трагедии. Так, во время Корниловского мятежа матросами были расстреляны четыре офицера балтийского линкора «Петропавловск» — лейтенант Б. П. Тизенко, мичманы Д. М. Кандыба, М. Е. Кондратьев и К. Д. Михайлов после того, как они отказались дать подписку о том, что не поддерживают выступление Корнилова и готовы подчиняться ЦИК Советов. На вопрос, будут ли они подчиняться командующему флотом, если тот перейдет на сторону Корнилова, офицеры (с оговорками) ответили «да», что категорически не устроило матросов.

Во время Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде Щастный вновь проявил неординарные для строевого офицера качества политического аналитика. Вечером 24 октября 1917 г., вернувшись из Петрограда, он передал офицерам штаба Балтфлота: «По его сведениям, в столице кризис власти, причем конъюнктура складывается в пользу большевиков»⁸. Характерно, что именно он был послан в Петроград, чтобы разведать политическую обстановку. Также симптоматично, что Щастный дал абсолютно верный прогноз развития событий в столице, хотя мог наблюдать их лишь до своего отъезда в Гельсингфорс, то есть раннего утра 24 октября. А ведь восстание приняло решительный характер лишь с вечера этого дня, когда В. И. Ленин пришел в Смольный!

25 октября 1917 г. начальник оперативного отдела Штаба командующего флотом Балтийского моря капитан 1-го ранга И. И. Ренгартен записал в дневнике: «15 час[ов]. Меня призвал [контр-адмирал князь М. Б.] Черкасский, у него сидел “хитрейший из хитрейших” — А. М. Щастный»⁹. Затем следует рассказ о том, что начальник штаба командующего Северным фронтом С. Г. Лукирский прислал шифрованную телеграмму с требованием посылки войск и артиллерии в Петро-

град на помощь Временному правительству. В штабе Балтийского флота не были расположены «защищать Керенского и его правительство», поэтому Ренгартен предложил ответить, что приказание «исполнено быть не может». На это «оба мужа (Черкасский и Щастный. — *К.Н.*) обозвали меня “простецом”»¹⁰ и предложили ответить, что телеграмму не удалось расшифровать, и что за перепиской штаба установлен контроль со стороны Центробалта. Далее Ренгартен заметил на страницах дневника, что фактически Центробалт тогда еще не контролировал переписку штаба, такой контроль был установлен лишь 26 октября.

Этот лживый ответ надежно «прикрывал» командование флотом на случай возможной победы Временного правительства — его было бы невозможно обвинить в невыполнении приказа. Следует подчеркнуть, что такой стиль поведения — сознательный отказ от выполнения приказов, прикрытый глубоко продуманным ложным объяснением — нетипичен для кадрового офицера. В этой ситуации Ренгартен выступает как офицер, тогда как Щастный и Черкасский — как политические деятели, ведущие собственную игру.

Мнение окружающих о «хитрости» Щастного подтверждают и показания бывшего главного комиссара Балтийского флота Е. С. Блохина, данные 5 июня 1918 г.: «... я всегда докладывал, что он такой хитрый, что в его душу не влезешь»¹¹.

После победы Октябрьской революции Совнарком оказался, по сути, должником военных моряков, сыгравших важнейшую роль в вооруженном восстании в Петрограде и в установлении советской власти на местах. Реальная власть в Гельсингфорсе (главной базе Балтийского флота, где зимовали его основные силы) перешла к Центробалту, а командующий флотом и его штаб постепенно оказались не у дел.

В профессиональном руководстве флота начался разброд. 19 ноября на совещании штабных офицеров было решено не признавать Совнарком, но оставаться на своих местах до открытия Учредительного собрания, которое ожидалось 28 ноября¹². Новое совещание 20 ноября решило все же признать назначенного советской властью капитана 1-го ранга М. В. Иванова морским министром (в действительности, он был назначен лишь одним из членов Военно-морской коллегии). В тот же день на заседании Центробалта состоялось формальное и неискреннее примирение Развозова и Иванова.

Несомненно, Щастный разделял антисоветские симпатии офицеров штаба, среди которых он был своим, но на совещаниях активно не выступал и не попал в данном контексте на страницы дневника Ренгартена — главного источника информации о положении дел в штабе Балтфлота в те дни.

В течение ноября Центробалт и Военно-морская коллегия делали упорные попытки «навести мосты» между революционным и «старым» руководством флота. Однако складывается впечатление, что к концу ноября Дыбенко и непосредственно поддерживавшая его группа настолько уверились в собственных силах и возможностях, что сочли ненужным «торг» с прежними руководителями флота. Они решили ограничиться «наймом» некоторого количества технических руководителей из старых специалистов, взяв руководство полностью в свои руки. В связи с этим

5 декабря Развозов был снят с поста командующего флотом и отправлен в отставку, а на флоте введено коллегиальное управление.

Такой поворот событий поначалу вызвал бурный протест офицеров. На своем собрании в Гельсингфорсе 4 декабря «голосами всех против 2-х принята резолюция, от которой товарищи (то есть большевики и сочувствующие им. — *К.Н.*) пришли в ужас»¹³. На другой день кают-компаний (то есть офицерские коллективы) ряда кораблей заявили об отказе поддержать протест против коллективного руководства. В итоге, 17 декабря офицеры приняли резолюцию об отказе от единой позиции и предоставлении каждому офицеру права решать самостоятельно вопрос об отношении к новым порядкам на флоте. Власть перешла к оперативному отделу Центробалта, при котором в качестве военного специалиста оказался капитан 1-го ранга А. А. Ружек.

В конце декабря 1917 г. — начале января 1918 г. политическое влияние матросов и их лидера Дыбенко достигло пика. По его инициативе и под его непосредственным руководством было разогнано Учредительное собрание. Матросы не стеснялись прямо нарушать или по-своему исполнять распоряжения Ленина, в то же время Дыбенко все больше стремился к собственному единовластию в Морском ведомстве и к игнорированию демократических флотских органов.

9 декабря 1917 г. Щастный был назван флаг-капитаном по оперативной части. При этом остается неясным, в составе какого учреждения он занимал эту должность — штаба флота или оперативного отдела Центробалта. В тот день на заседании этого органа власти он огласил «Временное положение о технической деятельности Центробалта»¹⁴. В январе 1918 г. Щастный занял пост первого помощника начальника Военного отдела Центробалта Ружека, став вторым по статусу профессиональным моряком Балтийского флота. 13 января 1918 г. он сделал доклад в Центробалте по вопросу о демобилизации запасных и объяснял новым членам Центробалта, что побудило принять решение о переходе флота на вольный найм¹⁵. 17 января Щастный докладывал о событиях гражданской войны в Финляндии¹⁶. 22 февраля он «объяснял ход действия германского наступления» и зачитывал радиogramмы, полученные от СНК и верховного главнокомандующего¹⁷, в том числе, вероятно, и декрет «Социалистическое отечество в опасности». Фактически, уже в середине января Щастный, оттеснив Ружека, оказался главным военно-морским специалистом, взаимодействующим с Центробалтом.

Следует подчеркнуть, что до сих пор в историографии нет четкого представления о номенклатуре должностей руководства Балтийского флота, их полномочиях и персональном составе применительно к январю-февралю 1918 года. Это связано с серьезным противостоянием между Центробалтом и центральным руководством Морского ведомства (фактическим главой которого был Дыбенко). Готовившееся с середины января и опубликованное 30 января 1918 г. «Временное положение о комиссарах Морского комиссариата»¹⁸ вводило назначение комиссаров вместо выборных матросских органов. Уговорить Центробалт подчиниться этому решению удалось только после того, как А. М. Коллонтай 19 февраля заявила, что комиссары назначаются, якобы, лишь на переходный период от нового флота к старому, а даль-

ше снова будут действовать выборные органы¹⁹. 20 февраля появился приказ о вступлении в управление Балтийским флотом главного комиссара Н. Ф. Измайлова и начальника военно-морского отдела Ружека²⁰. 4 марта Центробалт был объявлен несуществующим²¹, хотя еще за три дня до этого в своем воззвании к морякам отвергал возможность сложения с себя полномочий²².

2—5 марта 1918 г. в боях к западу от Нарвы потерпел поражение матросский отряд Дыбенко. Это поражение было не только его личным фиаско (исключение из партии большевиков 15 марта), но и сильнейшим ударом по идее революционной армии, построенной на началах добровольности и выборности командного состава. Руководство Советской России, прежде всего, Ленин, встало на путь строительства более-менее традиционной регулярной армии, с назначаемым командным составом и с широким использованием военных специалистов²³. Л. Д. Троцкий стал наркомом по военным (с 14 марта) и по морским делам (с 6 апреля), а в роли главного флотского военспеца при нем оказался контр-адмирал В. М. Альтфатер.

12 марта 1918 г. была вновь введена должность начальника морских сил Балтийского флота (то есть командующего флотом), на которую был назначен Развозов. Через восемь дней он был снят с этого поста, а его преемником стал Щастный. Существует несколько версий назначения Щастного командующим флотом. По одной из них, он был избран советом флагманов (то есть органом, состоявшим из высокопоставленных офицеров) 24 марта 1918 г. и лишь затем утвержден центральным органом советской власти²⁴. Если стать на такую точку зрения, то Щастный не мог не выглядеть в глазах лидеров страны как «адмиральский ставленник». С другой стороны, необходимо отметить, что осенью 1917 г. он был одним из самых младших капитанов 1-го ранга русского флота (на 25 октября 1917 г. он занимал 242-е место в списке по старшинству из 255 капитанов 1-го ранга)²⁵. То, что столь молодой офицер был избран своими коллегами командующим флотом, говорит о высоком авторитете Щастного среди сослуживцев. 29 марта было введено временное положение об управлении Балтийским флотом, которое предусматривало должность начальника Морских сил Балтийского моря и главного комиссара при нем. Никаких выборных коллегиальных органов на флоте не предусматривалось²⁶.

Таким образом, Щастный стал командующим флотом в момент упадка влияния выборных органов в Вооруженных силах Советской России и начала постепенного перехода к централизации и руководству сверху. Он оказался у истоков регулярного Красного флота наряду с другими «старыми» офицерами — контр-адмиралом Альтфатером и вице-адмиралом М. П. Саблиным, который в это же время стал командующим красным Черноморским флотом. По логике вещей, поворот к единоначалию должен был привести Щастного, Саблина и других офицеров к мысли о поддержке советской власти, которая обратилась к превращению «хаоса» в «порядок».

Обстановка в Гельсингфорсе дополнительно осложнялась гражданской войной в Финляндии, которая началась 14 января с нападения белофиннов на части русской армии и флота, расположенные на тер-

ритории великого княжества. Правда, в первые недели конфликта казалось, что красные финны имеют перевес и одержат победу. Следует подчеркнуть, что в этом случае вопрос об эвакуации Балтийского флота из Финляндии, очевидно, не встал бы, и Гельсингфорс остался бы его главной базой. По условиям Брестского мирного договора, русский флот должен был находиться на своих базах (очевидно, включая и Гельсингфорс) и не выходить в море. Однако 3 апреля 1917 г. на полуострове Гангэ (Ханко) высадились первые части германских войск, что привело к перелому в финляндской гражданской войне и остро поставило вопрос о необходимости вывода русского флота для его спасения.

По словам известного мемуариста, капитана 1-го ранга Г. К. Графа, «когда в апреле 1918 года вопрос о переходе флота из Гельсингфорса в Кронштадт сильно обострился ввиду занятия германцами Финляндии, англичане проявили самый живейший интерес к его судьбе. Морской агент кэптен Кромби несколько раз ездил в Гельсингфорс, чтобы добиться от капитана 1 ранга А. М. Щастного потопления флота. Это требование было мотивировано боязнью, что корабли достанутся немцам. Одновременно Кромби вел переговоры и с тайной организацией морских офицеров, имевшей целью уничтожение флота, если бы оправдались слухи о передаче его немцам, согласно секретным пунктам Брест-Литовского договора... Все старания Кромби ни к чему не привели. А. М. Щастный определенно заявил, что он во чтобы то ни стало переведет флот в Кронштадт. Офицерская организация тоже отказалась без явных доказательств топить свои корабли. Вопреки заверениям англичан, что немцы обязательно заберут и используют флот, он спокойно перешел в Кронштадт. Оказалось, что насчет его Германия не имела никаких домогательств»²⁷. Таким образом, Граф свидетельствует о наличии самостоятельных контактов Щастного с английскими представителями.

Под руководством Щастного проходило заключение с немцами Гангэудского соглашения 5 апреля, по которому оставалась надежда на сохранение за Россией тех кораблей, которые не смогут уйти из Гельсингфорса к моменту занятия города немцами²⁸.

Старший лейтенант В. А. Кукель, одно из главных действующих лиц потопления Черноморского флота 18 июня 1918 г. писал: «И если ко всему этому учесть психологию того момента, всю сложность политической и военной обстановки, всю трудность отделения кажущейся опасности от действительной, все противоречие уже наметившейся в то время “белой” и “красной” идеологии...»²⁹, то только тогда можно понять всю противоречивость и запутанность положения, в котором оказались моряки, что на Чёрном море, что на Балтике.

Как командующий, Щастный организовал легендарный Ледовый поход Балтийского флота. В результате было спасено от захвата немцами и финнами 236 кораблей и судов, включая 6 линкоров, 5 крейсеров, 59 эсминцев, 12 подводных лодок. К тому моменту, когда 12 апреля немецкие войска вошли в Гельсингфорс, в нем все еще оставалось 38 русских боевых кораблей и 48 торговых судов, часть которых удалось вывести в Кронштадт позднее, в соответствии с Гангэудским соглашением. Сам Щастный ушел из Гельсингфорса 11 апреля на посыльном судне «Кречет». Переход был завершён ко 2 мая. Этот период его биографии

положительно оценивается всеми авторами, независимо от их политической ориентации. Даже в том случае, когда фамилия самого Щастного вовсе не упоминалась, сам Ледовый переход признавался подвигом ³⁰.

С декабря 1917 по март 1918 г. матросский состав Балтийского флота значительно изменился. К началу марта были официально демобилизованы моряки срока службы 1910 г. и старше, а флот был переведен на вольный найм. Значительное число моряков, активно поддерживавших Октябрьскую революцию и советскую власть, добровольно ушло с флота в составе бесчисленных матросских отрядов, направившихся во все концы страны для поддержания завоеваний революции. Численность личного состава Балтийского флота сократилась с ноября 1917 по июнь 1918 г. с 80 до 15 тыс. человек, причем основное сокращение пришлось на период до Ледового похода. Таким образом, флот покинули самые активные сторонники большевиков и наиболее недовольные своим положением матросы, призванные из запаса в начале первой мировой войны. Оставшийся личный состав был значительно более склонен к сотрудничеству с офицерами, чем раньше. В условиях Ледового похода части офицерства во главе со Щастным удалось восстановить свой авторитет в глазах матросов и доказать, что они являются незаменимыми специалистами, без которых гибель флота станет неизбежной.

Завершение Ледового похода отнюдь не означало окончательного спасения Балтийского флота. Сохранялась угроза для Кронштадта и Петрограда, прежде всего, со стороны финской границы. Уже в конце апреля напряженность возникла вокруг форта «Ино», который был важным элементом береговой обороны в восточной части Финского залива, но находился на территории великого княжества Финляндского. Форт был занят советскими войсками, правда их дисциплина и боеспособность оставляли желать много лучшего. После победы белых в гражданской войне в Финляндии, 24 апреля 1918 г. к форту подошел крупный отряд белофиннов, которые потребовали его сдачи. Представители коллективного руководства кронштадтских моряков распорядились о выдвижении для поддержки «Ино» в случае возможного штурма линкора «Республика» и о формировании сухопутного отряда для усиления обороны форта ³¹. В то же время в Москве очень опасались того, что вспышка боевых действий у форта может привести к срыву Брестского мира. Об этом говорят указания обязательно согласовывать с Москвой возможное принятие «агрессивных мер» ³². Щастный 28 апреля распорядился подготовить форт к взрыву, а до этого момента оборонять его, «дабы он никоим образом в целом виде [не] перешел бы в руки белогвардейцев и немцев» ³³. Немецкое командование отказывалось установить демаркационную линию в Финском заливе до тех пор, пока форт находится в руках русских ³⁴, что давало ему рычаг давления на Москву.

29 апреля 1918 г. открылся 3-й съезд моряков Балтийского флота. Как раз в это время произошло очередное обострение советско-германских отношений, связанное с уходом кораблей Черноморского флота из Севастополя — из-под носа немецких войск (29—30 апреля 1918 г.). Оккупация немецкими войсками Крыма была явным и циничным нарушением Брестского договора. Видимо, эти действия немцев побудили руководство Советской России еще раз обратить внимание на Балти-

ку. Вечером 3 мая была дана директива наркомата по морским делам о разработке плана уничтожения судов, фортификационных сооружений и запасов в Кронштадте «на тот случай, если бы вопреки ожиданию оказалось невозможным удержать Кронштадт и флот в наших руках»³⁵. 7 мая произошел обмен телеграммами между Кронштадтом и Москвой по поводу подготовки кораблей к взрыву и установления демаркационной линии в Финском заливе.

Директиву о взрыве кораблей Щастный огласил на 3-м съезде, что вызвало очередную бурю эмоций у моряков. Особенно настойчиво среди них муссировался тот факт, что правительство пообещало щедрое денежное вознаграждение матросам, которые должны будут подготовить корабли к взрыву. Это обещание трактовалось как оскорбительное для моряков и свидетельствующее о наличии «немецкого золота» у большевиков. Однако такое обещание было более чем понятно в свете требований повышения жалованья, которые выдвигали матросы весной-летом 1917 г. и их острого интереса к проблемам материального обеспечения в этот период. Особых же надежд на сознательность и организованность оставшихся на кораблях моряков правительство справедливо не питало.

События подтвердили своевременность отдачи приказа о минировании флота. 8 мая германское правительство потребовало передать форт «Ино» Финляндии. В результате форт был взорван по личной инициативе его коменданта К.М. Артамонова поздно вечером 14 мая 1918 года³⁶. По этому поводу было назначено следствие, закончившееся официальным признанием правильности действий коменданта. О важности форта для немцев и белофиннов свидетельствует факт размещения здесь немецкого подразделения³⁷.

Эти события накалили обстановку на Балтийском флоте до предела. Ярким проявлением поднявшейся бури стало выступление в Минной дивизии Балтийского флота 11 мая. В этот день матросы и офицеры дивизии на митинге приняли резолюцию: «Ввиду угрожающего положения в Петроградском округе, а вместе с ним и флоту от вражеского нашествия постановила: 1) Петроградскую коммуну ввиду ее полной неспособности и несостоятельности предпринять что-либо для спасения родины и Петрограда распустить. 2) Всю власть по обороне и управлению Петроградским округом вручить морской диктатуре Балтийского флота. 3) Немедленно войти в тесную связь со всеми рабочими Петрограда и демобилизованными солдатами и офицерами армии на предмет взаимной поддержки и организации реальной силы для обороны Петрограда...»³⁸ Следует особенно подчеркнуть, что лидерами этого выступления и инициаторами принятия резолюции были офицер — лейтенант Г.Н. Лисаневич и эсер, матрос Ф.У. Засимук. Выступление кадрового офицера (Лисаневич окончил Морской корпус в 1914 г.) в качестве вожака матросского митинга было событием уникальным для второй половины 1917 — первой половины 1918 года. Это лишний раз свидетельствует о росте авторитета офицеров в матросской среде после ухода с флота значительной части моряков и Ледового похода.

Лозунг «морской диктатуры» в отдельно взятом городе был не такой уж фантастической. 1 августа 1918 г. его реализовали в Баку в виде диктатуры Центрокаспия (Центральный комитет Каспийской флоти-

лии). В ходе этих событий был распущен бакинский Совет, закрыты большевистские газеты, в Баку высадились английские войска, были арестованы двадцать шесть бакинских комиссаров. Центрокаспий пришел к власти в условиях угрозы захвата Баку турецкими войсками. Тем не менее, его действия не смогли воспрепятствовать оккупации Баку турками и немцами. Таким образом, реализация лозунга «морской диктатуры» в действительности означала свержение советской власти, а ситуации в Петрограде в начале мая и в Баку в конце июля 1918 г. были похожи до буквальных совпадений.

12 мая в 2 часа дня в помещении бывшего Морского корпуса было собрано пленарное заседание всех частей флота. Оно вошло в историю как «митинг в Морском корпусе». На нем была «в основном одобрена» резолюция Лисаневича и Засимука, а попытки наркома А. В. Луначарского и большевика — лейтенанта Ф. Ф. Раскольникова переубедить собравшихся ни к чему не привели. По некоторым сведениям, звучали призывы вручить власть в городе лично Щастному³⁹. На митинге матросы отказались выдавать своих вожakov (Лисаневича и Засимука) для суда. Граф в своих мемуарах свидетельствует о том, что «на многочисленных митингах, на которых выступали и офицеры, там стали раздаваться речи против власти комиссаров и призывы к открытому восстанию. Наряду с этим, готовился и план овладения Петроградом после переворота на флоте»⁴⁰.

Волнения в Минной дивизии дали повод для обвинений Щастного на суде в том, что он «под различными предлогами на случай намеченного им, Щастным, переворота задерживал минную дивизию в Петрограде»⁴¹.

Несколькими днями раньше (9 мая) состоялось совещание военных деятелей с руководством Петрокоммуны, на котором «некоторые военспецы требовали от Петрокоммуны невмешательства в их дела и создания внепартийной армии»⁴². Нам неизвестен персональный состав этих военспецов, но среди них мог быть и Щастный.

13 мая 3-й съезд Балтийского флота принял резкую резолюцию, осуждавшую выступление Минной дивизии, исключавшую Лисаневича и Засимука из числа моряков и содержащую секретный пункт об их аресте и передаче в ЧК⁴³. 18 мая постановление съезда было утверждено Коллегией наркомморя, но вплоть до 26 мая (день отъезда в Москву) Щастный приказа по флоту об аресте Лисаневича и Засимука не издал, оправдываясь тем, что по техническим причинам его нельзя было напечатать⁴⁴. Очевидна вся надуманность этой отговорки — приказ можно было написать от руки, а размножения секретного приказа вовсе не требовалось.

На следующий день (14 мая) Щастный выступил на 3-м съезде моряков. Сохранился собственноручный конспект его выступления, где есть такая фраза: «... какое творчество за 6 месяцев в отношении флота произошло[?]»⁴⁵ Правительство и Морское высшее управление. Телеграмма об уничтожении К[роншта]дта»⁴⁶. Очевидно, он хотел задать риторический вопрос об отношении советского правительства к флоту с начала ноября 1917 г., то есть, вероятно, с момента фактического признания штабом Балтийского флота нового руководства Морского мини-

стерства. В качестве ответа подразумевается ссылка на развал высшего управления флотом и директиву о взрыве кораблей. В своем докладе, насколько можно судить по отрывочному, не всегда читаемому конспекту, Щастный собирался остановиться на ряде острых политических вопросов. В частности, он указывал на то, что «офицеры не верят, после захвата наших земель, в способность Правительства отстаивать Россию (карту показать)», на необходимость «сдержать внутреннюю междоусобицу», которая способствует реализации планов немцев, на необходимость «сдерживать взаимные нападки» Луначарского и Раскольникова — с одной стороны и моряков — с другой. Щастный заявлял, что он «протестует против озлобления крайних парт[ий], ибо последствием будет повторение черноморских эксцессов (имелись в виду убийства офицеров в Севастополе в феврале 1918 г. — *К.Н.*) и объявление флота немцами вне закона», что «резолюция об аресте председателя [матросского комитета] Минной дивизии — не есть выход из положения, а подливает масла в огонь (прочит[ать] телеграмму [Троцкого с требованием ареста Засимука и Лисаневича?] и указать на возможность самосуда)». Щастный внес в конспект: «... я хочу делать то, что вы [моряки флота, делегаты съезда] считаете нужным, но из этого ничего не выходит... Я не вижу и не понимаю, чего хочет правительство, [я не вижу и не понимаю] чего хотят политические официальные деятели» ⁴⁷. Эти высказывания стали основанием для обвинения Щастного на суде в том, что он «вел контрреволюционную агитацию... разглашая секретные документы относительно подготовки на случай необходимости взрыва Кронштадта и флота» ⁴⁸.

Если все, внесенное в конспект, было сказано на съезде (а оснований для сомнений в этом нет), то становится очевидным, что Щастный, «хитрейший из хитрейших», по словам Ренгартена, вел политическую игру, пытаясь опереться на моряков — делегатов съезда, подыгрывая их стихийно-демократическим настроениям, флотскому патриотизму, желанию дать, наконец, отпор обнаглевшим немцам и финнам и противопоставляя себя и рядовых моряков «правительству» и «политическим официальным деятелям».

Вероятно, в эти дни Щастный высказывался и по другим острым политическим вопросам. Во время следствия его обвиняли также в публичной критике «Положения об управлении флотом» за недемократичность. «Временное положение об управлении Балтийским флотом», отменившее коллективное руководство им, было подготовлено бывшим контр-адмиралом Альтфатером и принято Совнаркомом 8 апреля 1918 года ⁴⁹. Представители офицерства, оставшиеся верными Красному флоту, казалось бы, обязаны были стремиться к восстановлению привычной дисциплины и ликвидации всяких «демократических» учреждений и порядков, поэтому такая критика из уст Щастного должна быть признана лицемерной политической игрой на стихийно-демократических чувствах моряков. Критика Щастным положения об управлении флотом нашла отражение в приговоре, где утверждалось, что он «вел контрреволюционную агитацию... ссылаясь на якобы антидемократичность утвержденного СНК и ЦИК Положения об управлении флотом» ⁵⁰.

В последний день своей работы, 24 мая, съезд дал наказ делегации, отправленной в Москву для «выяснения вопроса о дальнейшей судьбе флота»: «[Необходимо твердо] сказать, что флот будет взорван только после боя или когда станет ясно, что иного выхода нет. Назначение наград за взрыв кораблей недопустимо. Необходимо установление демаркационной линии [с немцами] при участии Совкомбалта (Совет комиссаров Балтийского флота, — *К.Н.*). При отказе от установления демаркационной линии [руководством Советской России?] флот сам ее установит. Что в Брестском договоре [сказано] о флоте?»⁵¹ Отметим, что личный состав флота в наказе замахнулся на осуществление внешнеполитической акции (установление демаркационной линии с немцами), что было очевидным покушением на полномочия правительства.

К этому можно добавить анализ еще одного конспекта Щастного, который он датировал 25 мая и озаглавил: «Мотивы ухода [с поста командующего флотом]». В качестве доказательств «разложения флота» в нем приводятся, кроме прочих аргументов, «деятельность Г[лавного] К[омиссара]», «узурпация власти», а также указывается на такие явления, как «аморальное отношение к жертвам — Жемчужин», «Сакс в роли жандарма»⁵². Под главным комиссаром флота подразумевался назначенный 14 мая И. П. Флеровский, сменивший на этом посту Блохина. С. Е. Сакс — большевик, прапорщик по морской части, член коллегии Наркомата по морским делам. Говоря об аморальном отношении к жертвам, Щастный имел в виду факт расстрела финскими белогвардейцами 8 мая 1918 г. в Гельсингфорсе остававшегося там с группой кораблей комиссара Б. А. Жемчужина и, по мнению Щастного, отсутствие должной реакции на это со стороны советского правительства. Позднее, во время допроса по делу Щастного, бывший главный комиссар флота Блохин сказал: «я говорил с ним (Щастным. — *К.Н.*), он говорит, что как это ваши друзья ничего не предпринимают, ваши товарищи гибнут, а со стороны правительства шагов [протеста] нет... мне было жалко Жемчужина как товарища, потому что мы спали вместе в одной каюте. Мне было обидно, что вы (центральные советские органы. — *К.Н.*) не дали никакого протеста»⁵³. Заметим, что это обстоятельство нашло отражение в приговоре Щастному, который был обвинен в том, что «вел контрреволюционную агитацию... лживо внушал, что Советская власть безучастно относится к спасению флота и жертвам контрреволюционного террора»⁵⁴.

Страсти на Балтике продолжали кипеть. 25 мая команды Минной дивизии приняли две резолюции, в которых говорилось о решимости защитить Лисаневича и Засимука от ареста, «использовав для этого в полной мере все доступные для Минной дивизии средства», а также выдвигались требования избрания нового Учредительного собрания и перевыборов в Советы⁵⁵. Таким образом, часть моряков Балтийского флота перешла к выдвижению конкретных политических лозунгов, направленных против большевиков, да еще с угрозами применения силы.

Именно в этот момент Щастный выехал в Москву (вероятно, вместе с делегацией представителей Балтийского флота) и 27 мая был арестован. Забегая вперед отметим, что арест Щастного вызвал протест совета

флагманов Балтийского флота (30 мая) ⁵⁶. Высшее профессиональное руководство флота высказало солидарную позицию, шедшую вразрез с действиями советской власти, но при этом совпадавшую с позицией части рядовых матросов, что делало эту демонстрацию еще опаснее. Кажется не случайным, что в тот же день был издан приказ Троцкого по Военному и морскому ведомству о необходимости быстрого и точного исполнения распоряжений начальства всеми служащими ⁵⁷.

При обыске у Щастного были отобраны, кроме других бумаг, шесть фотокопий делопроизводственных документов. Они имеют все признаки сходства с «документами Сиссона», детальное изучение которых было проделано В.И. Старцевым ⁵⁸ и Г.Л. Соболевым ⁵⁹. В их работах окончательно доказан факт фальсификации этих документов и установлен их автор — литератор польского происхождения А.М. Оссендовский (Фердинанд Оссендовский).

В первом из изъятых у Щастного документов (исх. № 815 от 3 марта 1918 г.) содержится требование к Совнаркому немедленно прекратить деятельность «народного комиссара по морским делам Дыбенко» и «матросов с военного транспорта “Океан”» Мясникова, Забелло, Белозерова и Буданова, которые «не только противодействуют осуществлению плана приобретения Германским правительством кораблей Балтийского флота, но в сообществе с оборонческими анархическими группами готовят флот к военным действиям или самоуничтожению» ⁶⁰.

Во втором документе (исх. № 1333 от 30 марта) немцы выражают удовлетворение по поводу отстранения главного комиссара Балтийского флота Измайлова и недовольство назначением на эту должность Блохина, «так как Блохин числится в оборонческой группе бывшего Морского комиссара Дыбенко» ⁶¹. О другой копии этого документа упоминает Старцев ⁶².

В третьем документе (исх. № 1427 от 9 апреля) говорится о том, что немецкие агенты во главе с капитанами Миллером и Бахом на вербовали в Кронштадте людей, которые готовы взорвать корабли, могущие принять участие в боевых действиях против немцев. Среди намеченных к взрыву — «Петропавловск», «Андрей Первозванный», «Рюрик» и «Пётр Великий» ⁶³.

В четвертом документе (исх. № 1462 от 9 апреля) немцы заявляют, что у них есть сведения о намерении группы матросов передать часть судов Балтийского флота финской красной гвардии для защиты Выборга и Бьорке. «Считаем своим долгом указать, что этот акт будет признан нашим верховным командованием достаточным поводом для оккупации Петербурга и требования полного разоружения Кронштадта и находящихся в порту военных кораблей», — говорится в нем ⁶⁴.

В пятом документе (исх. № 1469 от 10 апреля) выражается беспокойство немцев в связи с тем, что русские матросы ведут наблюдение за моряками-эстонцами на кораблях Балтийского флота. Целью этого является разоблачение связей эстонцев с немецкими агентами ⁶⁵.

Шестой документ представляет собой копию четвертого, датированную 19 апреля ⁶⁶.

При рассмотрении этих документов бросается в глаза ряд противоречий. С одной стороны, немцы в марте якобы хотели получить корабли

и боролись с их возможным взрывом, а, с другой, — уже в апреле они сами вербовали агентов для их подрыва, причем настолько успешно, что для этого им хватило буквально несколько дней. Среди «намеченных к уничтожению немецкими шпионами» судов всего один из четырех новейших линкоров флота «Петропавловск», один устаревший линкор «Андрей Первозванный», единственный из трех имевшихся броненосный крейсер «Рюрик» и не имевшее ни малейшей боевой ценности учебное судно «Пётр Великий». К тому же, этот корабль был переименован в «Республиканец» распоряжением коллегии Военно-морского революционного комитета еще 10 ноября 1917 г., за пять месяцев до того, как его «заминировали» «немецкие шпионы» ⁶⁷.

Исходя из того, что известно о «кухне» Оссендовского, можно предположить, что он подгонял свои «документы» под свершившиеся события и, очевидно, взял первые попавшиеся «громкие» названия кораблей флота и вставил их в свое произведение. Если бы немецкие шпионы действительно собрались взрывать Балтийский флот, их первоочередной целью должны были стать новейшие линкоры — «Петропавловск», «Полтава», «Гангут» и «Севастополь», все прочие корабли флота имели значительно меньшую боевую ценность.

Документы Сиссона упоминались в самом начале приговора Щастному. Он обвинялся в том, что «подготавливал условия для контрреволюционного государственного переворота... С этой целью, воспользовавшись тяжким и тревожным состоянием флота, в связи с возможной необходимостью, в интересах революции, уничтожения его и кронштадтских крепостей, вел контрреволюционную агитацию в Совете комиссаров флота и в Совете флагманов: ... предъявлением в их среде о якобы имеющемся у Советской власти секретном соглашении с немецким командованием об уничтожении флота или о сдаче его немцам, каковые подложные документы отобраны у него при обыске» ⁶⁸.

Верил ли сам Щастный в то, что эти документы действительно исходили из немецкого Большого генерального штаба или все же понимал их подложность, но пользовался ими для достижения нужного эффекта? Вряд ли можно будет когда-либо ответить на этот вопрос. Также не понятно, зачем он привез эти фотокопии в Москву? Очевидно, не для того, чтобы передать их своему начальнику — наркому Троцкому, поскольку они были изъяты у Щастного при обыске, а не отданы Троцкому до ареста. Нельзя исключать, что Щастный собирался показать эти бумаги кому-то из высокопоставленных моряков в Москве.

Откуда Щастный мог получить несколько «документов Сиссона»? Известно, что до 13 мая 1918 г. документы видел «лейтенант Бойс из британской разведывательной службы» ⁶⁹. Поскольку британская разведка была знакома с «документами Сиссона», получить и распространять их вполне мог и британский военно-морской атташе Кромби. Вообще деятельность британской разведки в Петрограде весной-летом 1918 г. нуждается в дальнейшем изучении. Функционирование в городе связанной с Британией организации «ОК», состоявшей из офицеров русской морской разведки и контрразведки, которая работала по меньшей мере до весны 1921 г., свидетельствует об эффективности подобной деятельности ⁷⁰.

В этой связи нельзя не процитировать немецкого генерала Р. фон дер Гольца, командовавшего немецкими войсками в Финляндии весной 1918 г.: «Англичане взяли под контроль незамерзающее мурманское побережье и Мурманскую железную дорогу. Оттуда они могли бы оказывать давление на Петербург, свергнув там власть большевиков и получив в свое распоряжение русский флот в Кронштадте, все еще находившийся под контролем старорежимных царских офицеров и занимавший достаточно самостоятельную позицию по отношению к петербургским властителям...»⁷¹ Практически так же выглядела ситуация в глазах Ленина: «Мурман на севере, чехословацкий фронт на востоке, Туркестан, Баку и Астрахань на юго-востоке — мы видим, что почти все звенья кольца, скованного англо-французским империализмом, соединены между собой»⁷².

Суд над Щастным, состоявшийся в июне 1918 г., стал знаковым событием. Именно на нем был вынесен первый официальный смертный приговор в Советской России. Как отмечает И. С. Ратьковский, «дело А. М. Щастного выходило за рамки политического процесса, вызвав дискуссию о применении смертной казни»⁷³. Протест против приговора со стороны левых эсеров стал одним из клиньев, вбитых между ними и большевиками.

Смертный приговор Щастному был вынесен 21 июня, а в ночь на 22 июня 1918 г. приведен в исполнение у здания Александровского военного училища.

О судьбе арестованного Щастного высказался уже снятый со всех постов и сам прошедший через суд Дыбенко. 1 июня он присутствовал на пленарном заседании представителей экипажей кораблей и морских частей Кронштадта с участием членов Совкомбалта, на котором обсуждалась в том числе и деятельность Щастного. Дыбенко призывал доставить бывшего командующего из Москвы в Кронштадт для суда и проводил неожиданную параллель между ним и генералом Корниловым, заявив, что последний был жертвой клеветы, поскольку «выяснилось, что Корнилов был ярким противником политики Керенского и его знаменитого приказа о наступлении 18 июня» 1917 г.⁷⁴, а неумеренные обвинения Корнилова со стороны большевиков в поддержке наступления создали ему героический ореол в глазах сторонников войны. Дыбенко высказал опасение, что раздувание обвинений в адрес Щастного создаст ему такой же ореол героизма.

Действительно, вокруг осуждения Щастного быстро возник ряд антибольшевистских мифов. Получили распространение цитаты, якобы из приговора по его делу, которые ничего общего не имеют с подлинным текстом. Например, известный собиратель слухов о красном терроре С. П. Мельгунов приводит такую «цитату»: ««Щастный (так в тексте. — *К. Н.*), совершая геройский подвиг, тем самым создал себе популярность, намереваясь впоследствии использовать ее против советской власти»... 22-го мая (так в тексте. — *К. Н.*) Щастный был расстрелян “за спасение Балтийского флота”»⁷⁵. Согласно одному из вариантов мифа, Щастный был близок к разоблачению большевиков, как германских агентов, собиравшихся уничтожить Балтийский флот в угоду немцам, за что и был казнен⁷⁶. По другому варианту, Щастный был расстрелян в связи с про-

исками англичан, и тут большевики выступают уже как агенты Великобритании ⁷⁷.

Со смертью Щастного не окончилась его политическая биография. Если в советской историографии он едва упоминался или не упоминался вовсе (как, например, в официальной истории Балтийского флота, изданной в 1978 г. ⁷⁸), то с перестройкой ситуация резко изменилась. В 1990 г., по инициативе помощника начальника Управления военных трибуналов В.Е. Звягинцева, был поставлен вопрос о возможности пересмотра «дела Щастного». В 1992 г. его именем была названа улица в Житомире. В 1995 г. он был официально реабилитирован. Звягинцев, инициатор его реабилитации, посвятил Щастному один из очерков книги с говорящим названием «Трибунал для флагманов» и опубликовал материалы его следственного дела, к сожалению, без соблюдения норм издания исторических источников ⁷⁹. В современной литературе господствует панегирический тон в отношении Щастного, а самого его представляют невинной жертвой ⁸⁰.

Исходя из того, что известно о ситуации в стране весной-летом 1918 г., представляется, что все пункты обвинительного приговора в отношении Щастного соответствовали реальности и не были вымыслом. Щастный попытался в апреле-мае 1918 г. действовать теми методами, которые имели успех осенью 1917 г., когда с опорой на матросов можно было диктовать свою волю властям. Но время изменилось. Бурный всплеск стихийного демократизма сменился тенденцией к централизации. Попытка политической деятельности Щастного провалилась. Его корабль потерпел крушение в бурном политическом море.

Примечания

1. До 1 (14) февраля 1918 г. даты даются по старому стилю, после этой даты — по новому.
2. Список лейтенантам и мичманам: Исправлено по 2 июля. СПб. 1904, с. 772.
3. Список личного состава судов флота, строевых и административных учреждений морского ведомства: Исправлено по 11 апреля 1916 г. Пг. 1916, с. 173.
4. Щастный Алексей Михайлович. Биографическая (просопографическая) база данных «Офицеры флота». URL: <http://офицерыфлота.рф/Men/Details/2146>.
5. Щастный Лев Алексеевич. Электронный банк документов «Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.». URL: <http://podvignaroda.ru/?id=1524469856&tab=navDetailManUbil>.
6. Список старшинства офицерских чинов Флота и Морского ведомства. Пг. 1917, с. 15.
7. Протоколы и постановления Центрального комитета Балтийского флота. М.-Л. 1963, с. 175.
8. [РЕНГАРТЕН И.И.] Октябрьская революция в Балтийском флоте: (Из дневника И.И. Ренгартена). — Красная летопись. 1927, т. 25, с. 48.
9. Там же, с. 51.
10. Там же.
11. Протокол допроса Л.Д. Троцким Е.С. Блохина и Е.Л. Дужека от 5 июня 1918 г. В кн.: Дело командующего Балтийским флотом А.М. Щастного: Подлинное следственно-судебное дело. М. 2013, с. 144.
12. [РЕНГАРТЕН И. И.] Ук. соч., с. 66.
13. Там же, с. 89.
14. Протоколы и постановления Центрального комитета Балтийского флота..., с. 300.
15. Там же, с. 362.

16. Там же, с. 369.
17. Там же, с. 418.
18. Российский государственный архив военно-морского флота (РГА ВМФ), ф. р-342, оп. 1, д. 467, л. 61—62об.; ф. р-5, оп. 1, д. 157, л. 103. Приказ по флоту и морскому ведомству № 114.
19. Протокол заседания ЦКБФ 18 февраля 1918 г. (нов. ст.). В кн.: Протоколы и постановления Центрального комитета Балтийского флота..., с. 412.
20. Приказ по флоту... В кн.: Балтийские моряки в борьбе за власть Советов. Ноябрь 1917 — декабрь 1918. Л. 1968, с. 85.
21. Приказ по флоту № 108. Там же, с. 86.
22. Протоколы и постановления Центрального комитета Балтийского флота..., с. 421.
23. См. об этом: МОЛОДЦЫГИН М.А. Красная Армия: Рождение и становление, 1917—1920. М. 1997.
24. ТОЧКИН Ф.В. К 90-летию Ледового похода Балтийского флота в 1918 г. В кн.: Россия в XX веке: проблемы политической, экономической и социальной истории. СПб. 2008, с. 439—440.
25. Там же.
26. Временное положение... В кн.: Балтийские моряки в борьбе за власть Советов..., с. 87—89.
27. ГРАФ Г.К. На «Новике». Балтийский флот в войну и революцию. СПб. 1997, с. 431—432.
28. Гангзудское соглашение... В кн.: Балтийские моряки в борьбе за власть Советов..., с. 133—135.
29. КУКЕЛЬ В. А. Правда о гибели Черноморского флота 18 июня 1918 г. Пг. 1923, с. 10.
30. См., напр.: КРИНИЦЫН Ф.С., ГРЕЧАНЮК Н.М., ДМИТРИЕВ В.И. Дважды Краснознаменный Балтийский флот. М. 1978.
31. Постановление... В кн.: Балтийские моряки в борьбе за власть Советов..., с. 143.
32. Телеграмма начальника... Там же, с. 145.
33. Предписание... Там же, с. 147.
34. Донесение А.П. Зеленого. Там же, с. 157.
35. Директива... Там же, с. 162.
36. Рапорт... Там же, с. 158—160.
37. ГОЛЬЦ Р. Моя миссия в Финляндии и Прибалтике. СПб. 2015, с. 88.
38. Резолюция... В кн.: Балтийские моряки в борьбе за власть Советов..., с. 163.
39. ТОЧКИН Ф.В. Ук. соч., с. 442.
40. ГРАФ Г.К. Ук. соч., с. 347.
41. Известия ВЦИК. 1918, 22 июня.
42. ЕЛИЗАРОВ М.А. Левый экстремизм на флоте в период революции 1917 года и Гражданской войны (февраль 1917 — март 1921 гг.): Дисс. докт. ист. наук. СПб. 2007, с. 285.
43. Постановление... В кн.: Балтийские моряки в борьбе за власть Советов..., с. 164.
44. Стенограмма допроса Щастного. В кн.: Дело командующего Балтийским флотом А.М. Щастного..., с. 134—135.
45. В квадратных скобках — предлагаемая версия восстановления текста конспекта А.М. Щастного.
46. Конспект, написанный рукой А.М. Щастного. В кн.: Дело командующего Балтийским флотом А.М. Щастного..., с. 87.
47. Там же, с. 89—92.
48. Известия ВЦИК. 1918, 22 июня.
49. ДАЙНЕС В.О. Альтфатер Василий Михайлович. В кн.: Реввоенсовет Республики. 6 сентября 1918 г. — 28 августа 1923 г. М. 1991, с. 120.
50. Известия ВЦИК. 1918, 22 июня.
51. Наказ... В кн.: Балтийские моряки в борьбе за власть Советов..., с. 176.
52. 25 мая. Мотивы ухода. В кн.: Балтийский флот в Октябрьской революции и гражданской войне. М.-Л., с. 93—94.
53. Протокол допроса Л.Д. Троцким Е.С. Блохина и Е.Л. Дужека от 5 июня 1918 г..., с. 151.
54. Известия ВЦИК. 1918, 22 июня.
55. Подробнее см.: ШМЕЛЁВ А.В. «Мятеж» Минной дивизии в июне 1918 г. В кн.: Труды III международных исторических чтений, посвященных памяти профессора, Генерально-

- го штаба генерал-лейтенанта Николая Николаевича Головина (1875—1944). СПб. 2013, с. 169—200.
56. РГА ВМФ, ф. р-5, оп. 1, д. 109, л. 25.
57. Там же, д. 96, л. 357.
58. СТАРЦЕВ В. И. Ненаписанный роман Фердинанда Оссендовского. СПб. 2001.
59. СОБОЛЕВ Г. Л. «Тайный союзник»: Русская революция и Германия. 1914—1918. СПб. 2009.
60. Копии документов, изъятых в портфеле А. М. Щастного. Документ 1. В кн.: Дело командующего Балтийским флотом А. М. Щастного..., с. 103—104.
61. Там же. Документ 2, с. 104—105.
62. СТАРЦЕВ В. И. Ук. соч., с. 184—187.
63. Копии документов, изъятых в портфеле А. М. Щастного. Документ 3. В кн.: Дело командующего Балтийским флотом А. М. Щастного..., с. 105.
64. Там же. Документ 4, с. 106.
65. Там же. Документ 5, с. 107.
66. Там же. Документ 6, с. 108.
67. Военно-морской революционный комитет: Сб. документов. Л. 1975, с. 135.
68. Известия ВЦИК. 1918, 22 июня.
69. СТАРЦЕВ В. И. Ук. соч., с. 151.
70. Подробнее см.: ЗДАНОВИЧ А. А. Органы государственной безопасности и Красная армия: Деятельность органов ВЧК — ОГПУ по обеспечению безопасности РККА (1921—1934). М. 2008.
71. ГОЛЬЦ Р. Ук. соч., с. 57.
72. ЛЕНИН В. И. ПСС. Т. 37. с. 7—8.
73. РАТЬКОВСКИЙ И. С. Красный террор и деятельность ВЧК в 1918 году. СПб. 2006, с. 92—93.
74. Из протокола пленарного заседания... В кн.: Балтийские моряки в борьбе за власть Советов..., с. 182.
75. МЕЛЫГУНОВ С. П. «Красный террор» в России 1918—1923. Берлин. 1924, с. 59.
76. См., напр.: ЗВЯГИНЦЕВ В. Е. Трибунал для флагманов. М. 2007; ЕГО ЖЕ. Дело командующего Балтийским флотом А. М. Щастного. В кн.: Дело командующего Балтийским флотом А. М. Щастного..., с. 20—79.
77. СТАРИКОВ Н. В. Ликвидация России: Кто помог красным победить в Гражданской войне. СПб. 2010, с. 87—90.
78. КРИНИЦЫН Ф. С., ГРЕЧАНЮК Н. М., ДМИТРИЕВ В. И. Ук. соч.
79. ЗВЯГИНЦЕВ В. Е. Трибунал для флагманов...; ЕГО ЖЕ. Дело командующего Балтийским флотом А. М. Щастного, с. 20—79.
80. См., напр.: ВАСЕЦКИЙ Н. А. Троцкий: Опыт политической биографии. М. 1992, с. 123—124; ШОШКОВ Е. Н., НАМОРСИ А. М. Щастный: (Трагическая биография в событиях, датах и комментариях). СПб. 2001. В несколько меньшей степени панегиричности: РАБИНОВИЧ А. Досье Щастного: Троцкий и дело героя Балтики. — Отечественная история. 2001, № 1, с. 61—82.

Хлебопечение в СССР в 1960-е — 1980-е гг.

Е. Д. Твердюкова

Аннотация. Хлеб традиционно являлся основой рациона населения нашей страны. С начала 1960-х гг. статистика фиксировала изменения в пищевых привычках советских граждан, в том числе падение потребления хлебопродуктов. В публикации дается анализ состояния хлебопекарной отрасли в период позднего социализма, обеспеченности населения хлебопродуктами, качества хлеба и его потребительских оценок.

Ключевые слова: хлеб, хлебопечение, потребление, поздний социализм.

Abstract. Bread traditionally was a basis of a diet of the population of our country. Since the beginning of the 1960th the statistics fixed changes in eating habits of the Soviet citizens, including falling of consumption of bakery products. In publication the analysis of a condition of baking branch in the period of late socialism, security of the population with bakery products, quality of bread and its consumer estimates is given.

Key words: bread, bread baking, consumption, late socialism.

Важным социально-экономическим показателем развития страны является объем потребления населением хлеба, качество и цена хлебопродуктов. В советский период эти данные имели для власти также политическое значение, служили ориентирами, характеризующими качество жизни простых граждан. В историографии имеется множество работ, посвященных проблемам продовольственного (в том числе хлебного) снабжения СССР, но в них освещаются преимущественно кризисные периоды истории¹. Относительно спокойное время позднего социализма с этой точки зрения освещено недостаточно. В общественном мнении наравне с представлением о хроническом дефиците основных продуктов в большинстве регионов страны существует стереотип о высоком их качестве. В этой связи хотелось бы выяснить, что представляла собой хлебопекарная отрасль в СССР в 1960-е — 1980-е гг., достаточной ли была обеспеченность хлебом населения страны, каким было качество хлеба и как потребители оценивали его ассортимент и вкусовые свойства.

Твердюкова Елена Дмитриевна — доктор исторических наук, профессор Института истории Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: e.tverdyukova@spbu.ru.

Tverdyukova Elena D. — doctor in historical sciences, professor at the St. Petersburg State University (Institute of History). E-mail: e.tverdyukova@spbu.ru

В силу исторических условий и бытовых традиций хлеб являлся основным продуктом в структуре питания населения СССР. В 1960-е гг. рациональной считалась норма потребления 120 кг хлебопродуктов (хлеба, муки, крупы, бобовых и макаронных изделий) в год ². Однако фактическое потребление заметно превышало эти показатели. Через государственную и кооперативную торговлю в 1965 г. было продано (в пересчете на муку) 30,4 млн. т хлебопродуктов, в 1970—32,2 млн., в 1975—35,2 млн., в 1980—37,9 млн., в 1985—38,9 млн., в 1990 г. — 40 млн. тонн ³. На душу населения приходилось: в 1965 г. — 156 кг, в 1970—149, в 1975—141, в 1980—139, в 1985 и 1990 гг. — по 133 кг ⁴.

Как известно, для обществ с высоким благосостоянием характерно увеличение потребления высокопитательных продуктов (молока, мяса) и уменьшение хлеба, крупы и картофеля. Рацион граждан СССР становился со временем более сбалансированным, поэтому удельный вес в нем хлебопродуктов падал. В РСФСР уже к началу 1980-х гг. производство и потребление хлебобулочных изделий стабилизировалось на уровне около 20 млн. т в год с устойчивой тенденцией к снижению потребления, хотя и выработка, и реализация продолжали превышать так называемые рациональные нормы. Население страны за счет хлебопродуктов примерно на одну треть покрывало потребности организма в белках, почти наполовину — в углеводах и витаминах (В и Е), более чем наполовину — в минеральных солях ⁵.

Накануне распада СССР хлеб являлся единственным продуктом, достаточность которого в своем рационе граждане оценивали, как близкую к 100%. В частности, 97,7% жителей РСФСР указали в ходе опросов, что не испытывают дефицита в хлебе (в то время как макаронными изделиями и крупами полностью обеспечивались лишь 80,8% опрошенных, картофелем — 77,2, молочными продуктами — 56,9, сахаром — 49,4, рыбопродуктами — 21,8, мясопродуктами — 20,3, овощами и фруктами — 20,3%) ⁶.

Выпечка хлеба к середине 1960-х гг. была сосредоточена в нескольких ведомствах (в трестированном хлебопечении вырабатывалось 60,8% продукции, в потребкооперации — 29,7, в Министерстве путей сообщения — 4,3, в ОРСах промышленных министерств — 4, в прочих — 1,2%). Из 19,2 тыс. предприятий 1022 находились в подчинении Министерства пищевой промышленности СССР и 12,2 тыс. действовали в составе потребительской кооперации. Лишь 584 заведения по степени оснащения относились к категории хлебозаводов, остальные являлись небольшими пекарнями, значительная часть которых оставалась немеханизированной ⁷. Для последующих десятилетий была характерна концентрация производственных мощностей. В 1976 г. на 16 308 хлебопекарных предприятиях Минпищепрома СССР было занято более 320 тыс. чел. (23% от общего количества работников). Они снабжали продукцией 95% городского и 15% сельского населения ⁸. В 1990 г. в составе Министерства пищевой промышленности СССР числилось 2,5 тыс. крупных хлебозаводов и около 500 механизированных пекарен ⁹.

Хлебобулочные изделия считались достаточными товарами, но торгоя ими и в период позднего социализма нередко протекала с перебоями. Трудности в обеспечении отрасли мукой из-за неэффективной

аграрной политики Н. С. Хрущёва и неурожаев 1963—1964 гг. обусловили переход на выработку формового хлеба вместо подового, снижение производства булочных изделий. В рамках мероприятий по экономии хлеба (в соответствии с постановлениями Бюро ЦК КПСС по РСФСР и Совета Министров РСФСР от 29 августа 1963 г. и 28 сентября 1963 г.) все хлебопекарные предприятия перешли на выпечку хлеба с содержанием примесей: 30% к сортам муки грубого помола и 20% к сортовой муке. Для Москвы и Ленинграда добавки составляли 20 и 10%. Для внедрения новых рецептов пришлось переоборудовать 60 предприятий, 44 цеха, более 300 поточных линий. Законсервированы были 32 пекарни, 171 цех и поточная линия, ранее использовавшиеся для выпечки мелкоштучных изделий. Среднесуточное производство хлеба сократилось с 35,6 т в сентябре до 34,5 т в октябре. В качестве «добавок» использовалась мука из ячменя, кукурузы, гороха. В октябре расход подсортированной муки составил 178 тыс. тонн. В ряде сельских районов Ростовской, Воронежской, Куйбышевской, Горьковской, Саратовской, Омской областей, Алтайского края, Башкирской и Чувашской АССР фиксировались перебои в обеспечении даже ржаным хлебом, а хлеб из пшеничной муки 2-го сорта распродавался за 2—3 часа торговли¹⁰. Из регионов, где была организована выработка «забайкальского» хлеба из смеси пшеничной муки — обойной и 2-го сорта — поступали предложения организовать выпечку пшеничного хлеба хотя бы для детей, больных и пенсионеров¹¹.

«Хлебные» очереди возникали и в Москве. Писательница Н. Саррот рассказала К. Паустовскому о том, как их наличие объяснил французским туристам советский гид: «... москвичи хотят купить апельсины, спрос на которые в связи с ростом благосостояния увеличивается с каждым днем»¹².

На закрытом партийном собрании Главного управления торговли Ленгорисполкома 12 сентября 1963 г. до присутствующих довели информацию об изменении рецептов. Управление хлебопекарной промышленности повысило нормы влажности печеного формового хлеба на 2%, увеличило нормы расхода соли на 1%, рекомендовало использовать ячменную муку (не более 20% в ржаном и 10% в пшеничном хлебе)¹³. В результате принятых мер Ленинград в 1963—1964 гг. был обеспечен ржаным и обойным хлебом, но несколько ограничен в пшеничном.

В 1965 г. «добавки» к муке были отменены, но ограничение по нормам продаж (2 кг в одни руки) сохранялось. Особенно большие трудности с приобретением печеного хлеба испытывали жители сельских местностей. В 1971 г. в Совет Министров СССР поступило 24 соответствующие жалобы. Как выяснилось в ходе проверок, в 12 случаях население не могло купить хлеба по причине несвоевременного завоза, ремонта хлебопекарен и т.д. В других случаях постоянно в продаже имелся белый, а ржано-пшеничного не хватало на полный день торговли. В 4 из 10 жалоб жителей села, поступивших в 1971 г. в Комитет народного контроля СССР для проверки из Президиума Верховного Совета СССР, высказывалось недовольство ограничением норм продажи. Продукты завозились в сельпо 2—3 раза в неделю, так что население питалось черствым хлебом, по меркам стандарта — «с просроченным

сроком реализации». Вывешивание правила отпуска хлеба в одни руки, действительно, выглядело неуместным в сельских магазинах, ведь покупатели брали по 5—8 буханок на несколько дней.

Правда, порой продукция хлебозаводов шла не на семейный стол. Факты скупки хлеба для прокорма скота фиксировались в Ульяновской и Куйбышевской областях ¹⁴. В Смоленской области за скормливание хлеба свиньям была осуждена нарсудом гражданка Моисеенкова ¹⁵. Массовые подобные случаи отмечались в ряде регионов и в середине 1980-х годов. По оценкам инспекторов Комитета народного контроля СССР, сельские магазины Псковской области за 1986 г. продали для прокорма скота и птицы 75,6 тыс. т печеного хлеба, за 9 месяцев 1987 г. 52,6 т, или почти 40% от общей реализации. Население, имевшее на подворье 288,4 тыс. голов скота, не могло приобрести комбикорма, выделявшиеся только под сдачу мяса. При этом в момент рейда хлеба в магазинах не имелось вовсе или был очень узкий ассортимент: как правило, ржано-пшеничный и 1—2 вида булочных изделий ¹⁶.

Надо сказать, однако, что на государственном уровне на фуражные цели расходовалась значительная часть продовольственной пшеницы высокого качества. По данным инспекторов Комитета народного контроля СССР, в 1986 г. на корм скоту было направлено более 800 тыс. т пшеницы с содержанием клейковины 21—25%, закупленной в Канаде ¹⁷. И это при том, что хлебопекарные предприятия испытывали недостаток в высокосортном сырье.

В СССР считалось, что показателем благополучия населения служит рост потребления пшеничного хлеба. Масштабы его выработки постоянно увеличивались. В 1937 г. предприятия системы Министерства пищевой промышленности СССР выпустили хлеба из обойной муки 6420 тыс. т, из смеси ржаной и пшеничной муки — 167 тыс. т, а из пшеничной муки первого и высшего сортов — только 134 тыс. тонн. В 1975 г. соответствующие показатели составили 1 539, 4 821 и 5 656 тыс. тонн ¹⁸. Таким образом, за четыре десятилетия производство белого хлеба выросло в 42 раза. Но ассортимент продукции оставался небольшим. В середине 1960-х гг. он был представлен, главным образом, формовым весовым хлебом. Штучных изделий, включая батоны и булки, насчитывалось всего 28,4% от общей выработки. В 1967 г. даже в Москве обеспеченность ими находилась на уровне 60%. Выработка в месяц на одного городского жителя сдобных изделий составляла всего 255 г, бараночных — 192, сухарных — 45 граммов ¹⁹.

Те же тенденции сохранялись до конца 1980-х годов. Согласно постановлению Совета Министров СССР от 23 октября 1986 г., предприятиям распределялись задания по выработке хлеба из пшеничной муки высшего сорта, увеличению производства мелкоштучных, сдобных изделий, продукции с полезными добавками. В рецептурах предусматривалось использование муки более высоких сортов, увеличение расхода дрожжей, снижение влажности и кислотности готовой продукции. Выработка новых шести сортов хлеба уже в 1987 г. составила около 60% общего производства хлебобулочных изделий в стране, а удельный вес хлеба с использованием ржаной муки по России превысил 38% ²⁰. Цены на новые сорта устанавливались на 15—20% выше. Соответственно вы-

росли затраты населения на приобретение хлеба в торговой сети. На хлеб и хлебобулочные изделия граждане СССР потратили (включая общественное питание) в 1980 г. 8 406 млн. руб., в 1985 г. — 8 854 млн. руб., в 1989 г. — 10 253 млн. рублей²¹. Средняя розничная цена покупки составляла, соответственно, 0,26 руб., 0,27 руб. и 0,34 руб. за килограмм²². При этом лишь 3,9% жителей Москвы и 2,4% Ленинграда с пониманием отнеслись к повышению цены²³.

Покупателей возмущала не только необходимость переплачивать, но и исчезновение из торговой сети привычных сортов хлеба. В Москве, например, потреблявшей 2 300—2 700 т хлеба в сутки, за десять месяцев 1987 г. на 2 233 т уменьшилась поставка столового подового хлеба, на 8 416 т — нарезных батонов из муки 1-го сорта, на 9 764 т — городских булок и саяк, на 815 т — сушек. В дефиците оказались рижский, диетический и диабетический сорта. При этом мощности 52 пекарен, которые могли бы восполнить недостающий спрос, использовались наполовину. Заводы произвольно искажали заявки предприятий торговли, навязывали ассортимент. С молчаливого одобрения Управления хлебопекарной и макаронной промышленности предприятия сняли с производства без согласия торговых организаций 37 наименований мелкоштучных изделий, а также традиционные виды хлеба — подмосковный, славянский, житный. Просьбу Мосхлебторга возобновить выпуск Управление проигнорировало²⁴.

Аналогичные данные были собраны в ходе социологического опроса, проведенного Министерством хлебопродуктов СССР. Ассортимент хлебобулочных изделий в промышленных центрах (Новосибирск, Иваново, Воронеж, Челябинск, Волгоград, Могилев и др.) составлял от 50 до 150 пунктов. Однако существенную часть списка занимали изделия одного наименования, но различной массы (сорторазвесы), а также изделия, выработка которых была незначительна в общем объеме производства. Предприятия Новосибирска, например, фактически выпекали 70 наименований хлебобулочных изделий, а с учетом сорторазвесов — 87²⁵. 33,5% москвичей и 20,5% ленинградцев просили обеспечить как можно более широкий выбор. 12,5 и 16% соответственно были согласны на узкий ассортимент, но лишь при наличии в продаже привычных (любимых) сортов²⁶.

Свежесть хлеба назвали главным условием покупки 41 и 59,2% опрошенных. По стране в целом 43,8% горожан покупали бы постоянно горячий хлеб, но лишь 38% были готовы заплатить за него более высокую цену. Среди москвичей эта форма торговли была популярна у 64% опрошенных (и 45% были готовы доплачивать), среди ленинградцев — у 71% (61% был готов доплатить)²⁷.

У многих потребителей имелись претензии к качеству и вкусу хлебобулочных изделий. Как считала гражданка Тарасова из Новокузнецка, «наши “специалисты” хлебного дела из муки крупчатки делают такое “чудо”, что на него можно только глядеть, а есть невозможно. Травы-травой. Такое впечатление, что эти кирпичики проходят через специальную камеру, которая вытягивает из них начисто вкус и запах... Купишь в силу необходимости такой кирпичик... Попробуешь кусочек, а остальная часть килограмма остается неиспользованной»²⁸.

В СССР была создана разветвленная система контроля за качеством продукции. Особое место в ней принадлежало республиканским Государственным инспекциям по качеству товаров и торговле (Госторгинспекциям). Их сотрудники имели право выносить решения о забраковке (запрете выпуска в розничную торговлю) и снижении в сортности нестандартных товаров, о прекращении приемки или о введении особого ее режима на предприятиях-бракоделах, где устанавливались факты систематического выпуска продукции, не соответствовавшей требованиям стандартов, технических условий, образцов-эталонов, когда полный запрет ее реализации считался нецелесообразным по причинам народно-хозяйственного значения.

По итогам своих рейдов инспекции составляли Обзоры качества промышленных и продовольственных товаров. Обзоры, подготовленные Госторгинспекцией РСФСР, частично сохранились в архивных фондах Министерства пищевой промышленности РСФСР (РГАЭ), частично (с 1972 г.) публиковалась ограниченным тиражом с грифом «Для служебного пользования».

В кризисном для хлебоснабжения 1963 г. Госторгинспекция РСФСР провела 18,2 тыс. проверок на заводах и пекарнях, а также в 6643 розничных магазинах. Инспекторы констатировали ухудшение качества продукции из-за переработки некондиционной муки и использования заменителей. Хлебобулочные изделия получались темными по цвету, их мякиш стал более плотным и грубым, ухудшились вкусовые свойства, при наличии примеси ячменной муки даже ощущался горьковатый привкус. Для предотвращения продажи населению некачественного хлеба инспекторы прекращали приемку от 31 предприятия и вводили ее особый режим на 14 хлебозаводах и пекарнях ²⁹.

Как отмечалось выше, «добавки» к муке при выпечке хлеба были отменены в 1965 г., однако качество продукции далеко не всегда соответствовало стандартам. В 1967 г. брак на предприятиях в отдельных случаях достигал 70% от проверенного количества. Госторгинспекция РСФСР за три квартала 1967 г. забраковала около 4 тыс. т хлеба ³⁰.

Хлеб признавался нестандартным из-за непропеченного мякиша, повышенной влажности и кислотности, загрязненных, горелых или, наоборот, бледных корок, деформации от неправильной укладки. Большая часть хлебобулочных изделий браковалась еще на предприятиях. Например, в 1970 г. в торговле было снято с продажи 107 т (всего лишь 2,1% от некачественного хлеба) ³¹. Однако случалось, что вопреки предписаниям инспекторов, хлеб все же попадал в розницу. На Владивостокском заводе № 2 в течение третьего квартала 1972 г. инспекторы забраковали 20 т (12%) из-за повышенной кислотности, крупных трещин. Однако признанная ГТИ нестандартной продукция частично (9800 кг) была реализована, в результате к предприятию применили экономические санкции: изъяли в доход госбюджета прибыль в сумме 49 руб. и исключили продукцию из отчетных данных о выполнении плана ³². Столь скромные санкции не могли существенно повлиять на уровень производства. В 1977 г. на предприятиях Приморского края вновь отмечалось неблагоприятное положение с качеством хлебных изделий ³³. Но даже более серьезное наказание рублем не гарантиро-

вало доброкачественность выпечки. Некоторые предприятия-бракоделы упоминались на страницах Обзоров регулярно. Например, в 1976 г. на Белгородском хлебокомбинате инспекторы забраковали 6,3 т, или 13,4% продукции, в том числе 4 т хлеба украинского нового по закалу мякиша (наличию в нем плотного, влажного слоя), кислому вкусу, недовесу 3,5—4,5%, горелым верхним коркам. Как выяснили проверяющие, хлеб вырабатывался на переброженных заквасках, нарушались режимы выпечки. На линии по выработке булочных изделий дозировка вспомогательного сырья производилась приблизительно, неравномерно, что вело к недоложению сахара и жира ³⁴. Через несколько лет на комбинате в связи с систематическим выпуском нестандартного хлеба этого сорта вводился особый режим его приемки, материалы рассматривались горкомом КПСС ³⁵.

За 1975 г. управления Госторгинспекции по хлебу и бакалейным товарам выдали 3274 предписания (в 1974 г. — 2794), по которым было снято с плана выработки продукции более чем на 12 млн. руб. (в 1974 г. — 9 млн) и изъято в бюджет 638 тыс. руб. прибыли (в 1974 г. — 547 тысяч) ³⁶. Материалы отдела рассматривались в Совете Министров РСФСР, после чего им было издано постановление «О мерах по увеличению производства и улучшению качества мелкоштучных хлебобулочных изделий в РСФСР». Вопросы низкого качества печеного хлеба, муки и крупы поднимались также на Коллегии Министерства пищевой промышленности РСФСР ³⁷.

Однако многие потребители по-прежнему высказывали недовольство вкусовыми свойствами хлеба. В 1979 г. в центральную печать поступило более 400 писем соответствующего содержания. Пенсионерка Дошкина из Уфы жаловалась на то, что «хлеб очень плохой, кислый, с затхлым запахом, быстро плесневеет, особенно черный». Жительница Ленинграда описывала купленный в магазине хлеб так: «Верхняя корка черная — горелая, форма буханки плоская. Разрезали, а он, бедняжка, сырой, липкий, на нож налип, как замазка. Через день кусок покрылся плесенью». Пенсионерка Трушенальн из Москвы считала, что до войны хлеб был вкуснее: «Вспоминаю батоны ржаного хлеба довоенного качества — в каждой лунке — тмин. А городские булочки? — мягкие, пышные, ароматные, с хрустящей корочкой. Теперь городские булочки покупают только для котлет» ³⁸.

В итоговом Обзоре Госторгинспекции за 1979 г. сообщалось только о прекращении или введении особого режима приемки на 39 предприятиях Минпищепрома РСФСР и применении экономических санкций: исключении из планов 5859 т продукции на сумму 1254 тыс. руб. и изъятии в бюджет 76 тыс. руб. прибыли в связи со систематическим выпуском нестандартных хлебных изделий. Назывались также основные предприятия-бракоделы, но среди них не значились хлебозаводы, на продукцию которых жаловались в своих письмах потребители.

Одной из самых распространенных причин забраковки являлось отклонение (свыше 3%) от установленного веса продукции. Например, недовес в 1972 г. фиксировался в изделиях предприятий Тамбовской, Иркутской, Тульской, Свердловской, Волгоградской, Воронежской, Калининградской, Псковской областей, города Омска, Алтайского, Крас-

ноярского краев, Татарской и Карельской АССР ³⁹. Но факты появления на прилавках неполновесных буханок и булок (а по существу обмана покупателей) выявлялись регулярно. В 1986 г. почти во всех проверенных магазинах Псковского, Великолукского продторгов и других райпо обнаруживалась продукция с отклонениями в весе до 10%. Отдельные буханки весили 640, 680, 770 г вместо положенных 950. По недовесам снималось с продажи в магазинах по 1,5—0,7 т хлеба ⁴⁰.

Факты попадания в хлеб посторонних предметов фиксировались в единичных случаях. В 1966 г., например, в продукции Симферопольского комбината были обнаружены швейная игла и кусок резины, в хлебе Алуштинского комбината — болт, тряпка, жук-хрущак ⁴¹. Возможно, инспекторы отмечали в своих отчетах только массовые дефекты. На крупных же хлебозаводах существовали лучшие возможности для контроля над технологическим процессом. На страницах Обзоров лишь изредка и без подробностей упоминались нарушения дисциплины по предотвращению попадания посторонних предметов.

В целом данные об итогах проверок с 1960-х до конца 1980-х гг. на промышленных предприятиях (Минпищепрома РСФСР и Роспотребсоюза), базах, холодильниках и в розничной торговой сети не позволяют однозначно судить об улучшении качества выпечки. Хотя масштабы брака и снижения в сортности сокращались в абсолютных числах, в процентном отношении ко всей проинспектированной продукции они выросли примерно с 2% до 3,5—3,9%, а в 1988 г. даже до 5,1%. Количество изданных Госторгинспекцией РСФСР приказов о прекращении приемки и введении особого ее режима также увеличилось — с нескольких десятков до двух сотен ⁴².

С уверенностью можно сказать, что в пекарнях потребкооперации дела обстояли гораздо хуже, чем на крупных хлебозаводах. Так, в 1975 г. в системе Минпищепрома браковки имели место при 54% проверок, в Роспотребсоюзе — при 71% ⁴³. Продукция Читинского облпотребсоюза, например, нередко браковалась полностью по причине отклонения массы от 3,5 до 11% ⁴⁴.

Большинство предприятий потребкооперации, вырабатывавших хлеб, проверялись один раз в году. Нередко это обуславливалось сложными природно-климатическими условиями, затруднявшими доступ к отдаленным пекарням. На 1 января 1986 г. в составе Центросоюза в СССР действовало 9 274 хлебопекарных предприятия, свыше 4,6 тыс. из них нуждались в техническом перевооружении и реконструкции, около 2 тыс. пекарен находились в аварийном состоянии. Более половины оборудования требовало замены ⁴⁵. Из 174 тыс. рабочих кооперативной хлебопекарной промышленности 124 тыс. (71%) были заняты ручным трудом ⁴⁶. Например, на Волоконовском хлебокомбинате (Белгородская область) были изношены тестоделители, водомерные и солемерные бачки, мукопросеиватели, компрессоры. Вручную проводились операции по перемещению деж, формовке мелкоштучных и сдобных изделий, посадке тестовых заготовок в печь и их выгрузке. Вода дозировалась ведрами, соль добавлялась в сухом виде. Плохое техническое состояние приводило к систематическому нарушению рецептур — недозакладке жира, яиц, прессованных дрожжей ⁴⁷.

В российской потребкооперации в середине 1980-х гг. действовало около 3 тыс. лабораторий, осуществлявших контроль за сырьем, соблюдением рецептур, технологических процессов в хлебопечении. Однако браковалось 7—7,5% проинспектированной продукции, а по ряду регионов процент забраковки регулярно значительно превышал средний по РСФСР — в Алтайском крае, Архангельской, Мурманской областях, Коми, Мордовской, Тувинской АССР⁴⁸.

В целом по стране, по данным республиканских инспекций, за годы 11-й пятилетки процент забракованных изделий остался на уровне 1980 г. — 8,5%. В 1986 г. он вырос до 9,1%. На предприятиях Киргизского потребсоюза инспекторы забраковали 26,7% проверенного хлеба, Казахского — 25,5%, Узбекского — 22,2%, Белорусского — 15,4%. В 1987 г. республиканские Госторгинспекции забраковали 2192 т хлеба и хлебобулочных изделий (3,6% от проверенного объема)⁴⁹.

Повсеместно на заводах не соблюдались технологические регламенты. Установки дозировочного оборудования рецептурных станций были неисправны или бездействовали, температурные режимы в печах не выдерживались. На головном хлебозаводе № 3 Ижевска, оснащенном новым оборудованием, производственные мощности из-за поломок и простоев были загружены на 39%. Мука расходовалась без взвешивания, маргарин, соль, сахар закладывались в тесто на глазок. Выпечка велась в неисправной печи. В результате выбраковывалось до 80% батончиков. В момент проверки в 1987 г. на комбинате скопилось 120 т нестандартного хлеба, им были завалены все производственные помещения. В течение года завод выпустил 896 т некондиционных изделий, что в 31 раз превышало допустимые нормы⁵⁰.

В конце 1980-х гг. потери хлебопекарной промышленности СССР, вызванные производственным браком и нереализованной продукцией, составляли в расчете на муку около 100 тыс. т в год⁵¹. На предприятиях скапливались запасы из-за несвоевременной отправки в торговую сеть и возврата розницей. Потерявший свои потребительские свойства хлеб, без плесени, загрязнений, посторонних включений, а также деформированный, выпущенный с нарушением технологического процесса, из сырья плохого качества, поступал на переработку. Ее технология регулировалась Правилами организации и ведения технологического процесса на хлебопекарных предприятиях. В соответствии с ними черствый хлеб из пшеничной сортовой муки перерабатывался в хлебную крошку и сахарную муку (панировочные сухари), а из ржаной и пшеничной муки обойных сортов — в хлебную крошку, а также шел на так называемую мочку. Хлеб замачивался в воде или молочной сыворотке в соотношении 1:2 и протирался через сито с ячейками размером до 5 мм или измельчался специальной машиной. Мочку вносили при замесе теста, а также при приготовлении жидкой закваски. В зависимости от вида изделий дозировка мочки составляла 2,5—10% к массе муки. Добавление ее не разрешалось при выработке хлебобулочных и бараночных изделий из пшеничной муки первого и высшего сортов (лишь в виде тонкодисперсной однородной мочки в количестве 2% от массы муки)⁵². Однако на практике, как свидетельствовали отчеты торгинспекторов, дозировка муки и мочки нередко производилась приблизительно. В дело шел

и заплесневевший хлеб, на что жаловались покупатели. Например, как сообщал гражданин Сартаков из Кисловодска, свежий хлеб имел «нерастворенные кусочки старого заплесневелого хлеба»: «И черствеет он, и плесневеет на следующий день. Посмотрите, сколько его выбрасывается». И нередко даже белый хлеб наполовину состоял «из комков нерастворенного черствого хлеба»⁵³.

В итоге около 60% опрошенных (в том числе 63% москвичей, 57% ленинградцев) сообщали, что в их семьях хлеб залеживается и выбрасывается. По расчетам Всесоюзного научно-исследовательского института по изучению спроса населения на товары народного потребления и конъюнктуры торговли (ВНИИКС), у населения скапливалось в год не менее 1 млн. т черствого хлеба, то есть более 5 кг на человека в год. 39,4% опрошенных заявили, что выбрасывают хлеб, поскольку он быстро черствеет; 22,9% отметили плохое качество, неудовлетворительный вкус; 21,9% не использовали хлеб, приобретенный несвежим в магазине; 10,3% признались, что купили более необходимого количества; 2,8% причиной назвали большой вес хлеба, не разрезанного в магазине⁵⁴. Таким образом, более половины опрошенных высказывали недовольство качеством и вкусовыми свойствами хлеба.

Основными производственными причинами недостаточно высокого качества хлебобулочных изделий служили отклонения от требований нормативно-технической документации по физико-химическим, органолептическим показателям, неудовлетворительное состояние оборудования, нарушения условий хранения и транспортировки готовой продукции. Выпуск стандартной муки от общего объема производства снизился с 80% в 1980 до 53% в 1986 году. На Украине, в Белоруссии, Грузии, Молдавии и других республиках при наличии в отрасли зерна высокого качества вырабатывалось 72—97% нестандартной муки⁵⁵.

В условиях нестабильного качества сырья (и расширения объемов переработки муки с низкими хлебопекарными свойствами, в том числе в связи с хроническим дефицитом ресурсов продовольственного зерна), внедрение поточных (непрерывных) технологических процессов приводило к снижению вкусовых качеств продукции. Предприятия должны были выполнять задачи по обеспечению экономии ресурсов любыми средствами. Заводы переходили на ускоренные технологии, что приводило к нарушениям требований стандартов. Даже в Москве, по данным Центра стандартизации и метрологии, ни на одной из 34 проверенных в 1987 г. пекарен не вырабатывалась продукция без нарушений ГОСТов⁵⁶.

Не менее 26% мощностей в отрасли подлежало списанию по причине ветхости и в связи с размещением в непригодных помещениях (церквях, бараках, конюшнях и пр.). Большинство хлебопекарных предприятий работали непрерывно по трехсменному графику. Конвейерная система, низкий уровень оплаты труда, плохая инфраструктура и, как следствие, дефицит кадров, заставляли привлекать к работе неквалифицированную рабочую силу (в том числе военнослужащих срочной службы). В 1981 г. при среднесписочной численности рабочих в отрасли 293 тыс. чел. только в течение года 120 тыс. уволилось, а 124 тыс. было принято на работу⁵⁷. Из-за низких розничных цен на хлеб (в 4—5

раз ниже зарубежных) предприятия работали нерентабельно. Многие массовые сорта (ржаной хлеб, пшеничный хлеб из муки 2-го сорта, мелкоштучные изделия) повсеместно приносили убытки. Упрощался при этом и ассортимент: 5—6 наименований обычно занимали до 90% общей выработки продукции на хлебозаводах.

Подводя итоги исследования, можно сказать, что качество хлебобулочных продуктов в советские годы находилось под постоянным контролем. И хотя Госторгинспекция из года в год отмечала проблемы с соблюдением технологической дисциплины на хлебозаводах и в пекарнях, долгое время (до конца 1980-х гг.) удавалось сохранять стабильно низкий уровень забраковки. В большей степени это касалось крупных государственных предприятий. Мелкие пекарни потребительской кооперации, снабжавшие хлебом жителей села, расположенные зачастую в отдаленных местностях и хуже оборудованные, чаще подвергались санкциям за выпуск нестандартного хлеба. Деятельность Госторгинспекции способствовала выявлению некачественных изделий еще на стадии производства. Тем не менее, часть некондиционной продукции неизбежно попадала на прилавки магазинов, вызывая претензии потребителей. Покупателей не устраивал также ассортимент хлебобулочных изделий. Рецептуры часто дублировали друг друга, новые сорта мало отличались по содержанию сырья и потребительским свойствам. Несмотря на нарастание кризисных явлений в отрасли, ее ресурсов в целом хватило на обеспечение жителей России хлебом в начале 1990-х гг., карточки на хлебобулочные изделия не вводились.

Примечания

1. См., например: ДАВЫДОВ А.Ю. Нелегальное снабжение российского населения и власть, 1917—1921 гг. Мешочники. СПб. 2002; ЧЕРНЯВСКИЙ У.Г. Война и продовольствие: снабжение городского населения в Великую Отечественную войну (1941—1945 гг.). М. 1964; СОБОЛЕВ Г.Л. Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. СПб. 2013—2017; ГАВРИЛОВА О.А., ХОДЯКОВ М.В. Изготовление продовольственных карточек в блокадном Ленинграде. 1941—1943 гг. — Новейшая история России. 2016, № 2.
2. МАТЮХА В.Ф. Статистика бюджетов населения. М. 1967, с. 129. Для советской статистики было характерно указание на потребление хлебобулочных продуктов в совокупности, в пересчете на муку.
3. Народное хозяйство СССР в 1980 г. М. 1981, с. 404; Народное хозяйство СССР в 1990 г. М. 1991, с. 139.
4. Народное хозяйство СССР в 1980 г., с. 405; Народное хозяйство СССР в 1990 г., с. 140.
5. Удовлетворение спроса городского населения страны на хлеб и хлебобулочные изделия. В кн.: Хлебопекарная и макаронная промышленность: обзорная информация. М. 1989, с. 2.
6. Народное хозяйство СССР в 1990 г., с. 141.
7. ЧУБЕНКО Н.Т., КОСОВАН А.П. Развитие хлебопечения в России (исторический обзор). М. 2006, с. 72.
8. Основные направления развития хлебопекарной промышленности в 1976—1980 гг. М. 1976, с. 5.
9. ПРОКОФЬЕВ В.Е. Анализ рынка хлебобулочных изделий. — Пищевая промышленность. 2001, № 5, с. 39.
10. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ), ф. 5, оп. 43, д. 136, л. 99.

11. Там же, л. 100.
12. ВАСЬКИН А.А. Очередь как форма советской жизни, или «В Москве хорошо лишь Гагарину Юрке да буфетчице Нюрке». — Новая юность. 2016, № 5.
13. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб), ф. 2307, оп. 5, д. 18, л. 62.
14. Российский государственный архив экономики (РГАЭ), ф. 484, оп. 20, д. 279, л. 38, 40.
15. Хавронья на диете. — Рабочий путь. 1972, 19 февраля.
16. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), ф. 9527, оп. 1, д. 9462, л. 155.
17. Там же, д. 9176, л. 238—239.
18. БРОВКИН С.И., МИНЯЕВ И.Н. Развитие хлебопекарной и макаронной промышленности за годы Советской власти. М. 1977, с. 7.
19. РГАЭ, ф. 465, оп. 1, д. 296, л. 89—90.
20. ГА РФ, ф. 5446, оп. 149, д. 304, л. 19.
21. Народное хозяйство СССР в 1989 г. М. 1990, с. 109.
22. Народное хозяйство СССР в 1990 г., с. 168.
23. Удовлетворение спроса городского населения страны на хлеб и хлебобулочные изделия. В кн.: Хлебопекарная и макаронная промышленность, с. 17.
24. ГА РФ, ф. 9527, оп. 1, д. 9176, л. 125—126.
25. Совершенствование ассортимента хлебобулочных изделий. — Пищевая промышленность, сер. 14 «Хлебопекарная, макаронная, дрожжевая промышленность». М. 1980, с. 2.
26. Удовлетворение спроса городского населения..., с. 16—17.
27. Там же.
28. О качестве товаров народного потребления в РСФСР (обзор за три квартала 1979 г.). М. 1979, с. 14.
29. РГАЭ, ф. 195, оп. 1, д. 411, л. 47.
30. Там же, ф. 465, оп. 1, д. 296, л. 89—90.
31. Там же, д. 887, л. 2.
32. Обзор качества промышленных и продовольственных товаров по результатам проверок, проведенных Госторгинспекцией РСФСР за девять месяцев 1972 года. М. 1973, с. 27.
33. Обзор качества промышленных и продовольственных товаров по результатам проверок, проведенных Госторгинспекцией РСФСР за 1977 год. М. 1978, с. 25.
34. Обзор качества промышленных и продовольственных товаров по результатам проверок, проведенных Госторгинспекцией РСФСР за 1976 год. М. 1977, с. 27.
35. О качестве товаров народного потребления в РСФСР (обзор за 1984 год). М. 1985, с. 32, 34.
36. ЛАВРИЩЕВА А.М. Анализ работы управлений Госторгинспекции по контролю качества хлеба и бакалейных товаров и эффективности принимаемых мер по результатам проверок. Доклады и тезисы на республиканском семинаре-совещании об итогах работы Госторгинспекции за 1975 год. М. 1976, с. 52.
37. Там же, с. 55.
38. О качестве товаров народного потребления в РСФСР (обзор за три квартала 1979 г.). М. 1979, с. 14.
39. Обзор качества промышленных и продовольственных товаров по результатам проверок, проведенных Госторгинспекцией РСФСР за девять месяцев 1972 года. М. 1973, с. 28.
40. ГА РФ, ф. 9527, оп. 1, д. 7765, л. 42.
41. РГАЭ, ф. 468, оп. 1, д. 419, л. 151.
42. Там же, ф. 465, оп. 1, д. 887. Обзоры Госторгинспекции РСФСР за 1972—1988 гг.
43. ЛАВРИЩЕВА А.М. Ук. соч., с. 54.
44. Обзор качества промышленных и продовольственных товаров по результатам проверок, проведенных Госторгинспекцией РСФСР за 1977 год, с. 33.
45. ГА РФ, ф. 9527, оп. 1, д. 9176, л. 245.
46. Кооперативная хлебопекарная промышленность в XII пятилетке. — Потребительская кооперация, сер. «Кооперативная промышленность»: обзорная информация. М. 1987, с. 15.
47. О качестве товаров народного потребления в РСФСР (обзор за 1984 год). М. 1985, с. 65, 67.
48. ЛАВРИЩЕВА А.М. Ук. соч., с. 57.
49. Удовлетворение спроса городского населения..., с. 3.

50. ГА РФ, ф. 9527, оп. 1, д. 9462, л. 165—166.
51. Переработка черствого и деформированного хлеба. В кн.: Хлебопекарная и макаронная промышленность, с. 1.
52. Там же, с. 2.
53. О качестве товаров народного потребления в РСФСР (обзор за три квартала 1979 г.), с. 14.
54. Удовлетворение спроса городского населения..., с. 15.
55. ГА РФ, ф. 9527, оп. 1, д. 9176, л. 238—239.
56. Там же, л. 129—130.
57. ЧУБЕНКО Н.Т., КОСОВАН А.П. Ук. соч., с. 84—85.

Военный Сталинград в воспоминаниях современников (1942—1943 гг.)

С.В. Виноградов, Е.Е. Красноженова

Аннотация. На основе свидетельств современников в публикации представлен военный Сталинград 1942—1943 гг., когда на улицах города начались бои. Исследование основано на воспоминаниях местных жителей, свидетельствах союзников и солдат вермахта, воевавших под Сталинградом. Анализ архивных и мемуарных источников позволил исследовать повседневные материальные и бытовые трудности горожан в условиях уличных боев и оккупации.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Сталинград, Сталинградская битва, оккупация, гражданское население, письма, зарубежная пресса.

Abstract. Based on the testimonies of his contemporaries, the article presents the military Stalingrad in 1942—1943, when battles began on the streets of the city. The study is based on the memories of local residents, testimonies of the Allies and Wehrmacht soldiers who fought at Stalingrad. The analysis of archival and memoir sources allowed to investigate everyday material and everyday difficulties of citizens in conditions of street fighting and occupation.

Key words: Great Patriotic War, Stalingrad, Stalingrad battle, occupation, the civilian population, letters, the foreign press.

Виноградов Сергей Вадимович — доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, руководитель Центра изучения истории Нижнего Поволжья советского периода Астраханского государственного университета. E-mail: vinogradov-7@yandex.ru; *Красноженова Елена Евгеньевна* — доктор исторических наук, профессор Высшей школы общественных наук Гуманитарного института Санкт-Петербургского Политехнического университета Петра Великого. E-mail: eleena@inbox.ru.

Vinogradov Sergey V. — doctor of historical sciences, professor of the Chair of History of Russia, head of the Center for the Study of the History of the Lower Volga Region of the Soviet Period. Astrakhan State University. E-mail: vinogradov-7@yandex.ru; *Krasnozhenova Elena E.* — doctor of historical sciences, professor of the High School of Social Sciences, Humanitarian Institute of Peter the Great. Saint Petersburg Polytechnic University. E-mail: eleena@inbox.ru.

В феврале 1943 г. весь мир радовался победам Красной армии. Однако сегодня вокруг Сталинградской битвы развернулась ожесточенная идеологическая и информационная война. Совершаются попытки пересмотреть результаты и значение как самой битвы, так и всей второй мировой войны. Даже в России есть желающие преуменьшить масштабы успеха, списав все на мороз и американский ленд-лиз.

23 августа 1942 г. в 16 час. 18 мин. 4-я воздушная армия вермахта начала массированную бомбардировку Сталинграда. Этот день надолго остался в памяти горожан: «... день был солнечный, теплый, мы гуляли в сквере с друзьями, и вдруг послышался гул самолетов. Гул все нарастал, и мы увидели вражеские самолеты и со свистом летящие бомбы. Стало вдруг темно, раздались взрывы, загорелись дома, а самолеты все летели и летели, сбрасывая бомбы на наш город и на нас — жителей этого города», — так вспоминала Лилия Александровна Берёзкина день 23 августа 1942 года ¹.

Вермахт прорвался к Волге и пытался захватить город с севера. В тот же день авиация противника подвергла Сталинград варварской бомбардировке, совершив около 2000 вылетов. Бомбардировка не прекращалась вплоть до 29 августа. Жилые кварталы уничтожались сотнями вражеских самолетов. Бомбовыми ударами была разрушена система водоснабжения, и население города осталось без воды. Полыхавшие повсюду пожары нечем было тушить. Горели дома, трамваи, забитые эвакуированными ранеными пароходы, груженные снаряжением железнодорожные вагоны. Горела нефть, разлившаяся по Волге.

В городе тогда не оказалось скопления советских войск, и все усилия немецко-фашистской авиации были направлены на уничтожение преимущественно мирного населения. Погибло 42 754 чел. из числа жителей города, среди которых были женщины, дети, пожилые и больные люди ².

Согласно переписи 1939 г., в Сталинграде проживало 490 тыс. человек. К лету 1942 г. в город прибыло еще 440 тыс. эвакуированных, а покинуло около 100 тыс. человек. Оставшиеся горожане оказались фактически запертыми в Сталинграде. В первую очередь, из города вывозили архивы, ценное оборудование заводов, хлеб, лом цветных металлов. Таким образом, в зоне уличных боев оказалась значительная часть сталинградцев. Нацисты застали в Сталинграде около 250 тыс. мирных жителей. Их судьба полностью зависела от командования 6-й немецкой армии.

«23 августа 1942 года... Мы жили рядом с площадью имени 9-го января в доме, который потом стал носить имя сержанта Якова Павлова. Мимо проносились трамваи, заполненные солдатами, проходили рабочие отряды, беженцы, нагруженные скарбом. Тревожно гудели поезда. После обеда по радио объявили воздушную тревогу. Мы уже успели привыкнуть к воздушным тревогам и не придавали им большого значения, хотя и прятались то в подвале дома, то в “щели”, оборудованной в нескольких метрах от дома. “Отбоя” тревоги не дождались. Вдруг слышали гул моторов над головой, а затем страшный вой сирен пикирующих самолетов. Через мгновение раздались взрывы. А потом мы потеряли счет времени, трясаясь от страха и ощущая вибрацию земли.

Мы боялись прямого попадания. Взрывы то отдалялись, то приближались, и тогда по верху “щели” долбили осколки. На голову сыпалась земля, и ходуном ходили земляные стены. К вечеру смолк гул моторов. Мы выглянули из “щели” и не узнали города. Во многих местах горели дома, часть их была разрушена... На следующий день бомбежка возобновилась. Весь день мы слышали взрывы и вздрагивали вместе с землей», — таким запомнился трагический день тринадцатилетнему Юрию Степановичу Дудкину ³.

Бои продолжались с 17 июля 1942 г. до 2 февраля 1943 г. на огромной территории большой излучины Дона, на подступах к Сталинграду и в самом городе. С обеих сторон в сражении приняло участие более 2 млн. чел., до 2 тыс. танков, более 2 тыс. самолетов, до 26 тыс. орудий. С сентября 1942 г. бои велись уже на окраинах города. Немецко-фашистским войскам удалось пробиться к рабочим поселкам заводов «Красный Октябрь» и «Баррикады». При этом основной удар был нанесен по 62-й армии генерала В.И. Чуйкова. В ее состав поступила 13-я гвардейская ордена Ленина стрелковая дивизия под командованием Героя Советского Союза генерала А.И. Родимцева, переправившаяся через Волгу и принявшая участие в обороне Мамаева Кургана.

Дивизия переправлялась с помощью Волжской военной флотилии на баржах, буксирах, катерах, рыбацких лодках под сильнейшим артобстрелом немецко-фашистской авиации. В целом в Сталинград было доставлено свыше 6 тыс. бойцов. В результате 62-я армия ликвидировала попытку врага осуществить прорыв к Волге в центре города. Однако бои за Сталинградский тракторный завод (СТЗ), «Красный Октябрь», «Баррикады» продолжались до 18 ноября 1942 года. 15 октября 1942 г. немецким войскам удалось прорваться к Волге в районе СТЗ. В целом в сентябре-октябре 1942 г. были заняты Тракторозаводской, Баррикадный, Ворошиловский, Ерманский, Дзержинский и большая часть Краснооктябрьского района Сталинграда. Трагедия местного населения изложена в письме жителей пос. Ворошилова: «... Положение наше ужасное. Мы погибаем. Вырваться отсюда нельзя, пути отрезаны. На Волгу немец бросил мину и два пассажирских парохода потоплено, сегодня сгорела баржа с нефтью. В общем с жизнью надо распрощаться. Жалко детишек, они веселы и беспечны... Не умрем от бомб, то умрем от мерзких рук фашистов. Они не люди, а звери. Очень тяжело мне писать, зная, что отсюда мы уже не вырвемся...» ⁴ «Мы жили в подвалах разрушенных домов, едва очищенных от трупов и человеческих нечистот. Летом жили в палатках, присланных нашими союзниками, осенью в бывшей бане. Огромное помещение, двухъярусные кровати, одна тусклая лампочка на все огромное помещение. Вокруг развалины домов, а по ночам крики птиц», — вспоминала Сталинград 1943 г. Л.А. Берёзкина, жительница Краснооктябрьского района города ⁵.

Нацистский оккупационный режим в Сталинградской области существовал около шести месяцев. По длительности это в несколько раз меньше, чем в западных и северо-западных регионах СССР ⁶. Однако оккупация существенно изменила облик города. В памяти детей военного Сталинграда отложились руины вокзала и полуразрушенный фонтан с остатками скульптур перед ним, обгоревшие большие дома

без крыш, без верхних этажей, с пустыми окнами ⁷. Было уничтожено большинство объектов промышленного, социокультурного значения и жилья. Значительно сократилась численность местного населения. Так, разрушению подверглось более 100 промышленных предприятий, 75 Домов культуры и клубов, 15 больниц, 124 школы, более 90% жилого фонда. Численность населения города сократилась до 32 181 человека. На 2 февраля в городе насчитывалось 32 тыс. жителей, из которых 30 тыс. находились в наименее пострадавшем Кировском районе ⁸.

В первую очередь, в городе обострилась продовольственная проблема. «Я, как очевидец тех событий, могу свидетельствовать, что нам за пять с половиной месяцев обороны города гражданскими властями не было выдано ни каких-либо продуктов, ни одного куса хлеба. Впрочем, и выдавать было некому — руководители города и районов сразу эвакуировались за Волгу», — отмечала Людмила Овчинникова ⁹. В экстремальных условиях горожане, преимущественно женщины, дети и старики, были вынуждены ежедневно самостоятельно решать проблемы, связанные с выживанием в разрушенном и оккупированном Сталинграде.

Немцы использовали карточную систему продовольственного снабжения. Однако продукты питания по карточкам выделялись не всем. Их были лишены местные жители, не зарегистрированные на бирже труда, евреи, члены семей военнослужащих, работники партийных органов, коммунисты. Продовольствием обеспечивались лишь те, кто работал на предприятиях, обслуживавших потребности оккупационных властей. Зимой 1942 г. выдача продуктовых карточек была прекращена.

Население города голодало. Основной пищей было мясо и кожа убитых и павших животных, что приводило к массовым смертным случаям. В большинстве воспоминаний жителей осажденного Сталинграда можно обнаружить описание голода, который вынуждал рисковать жизнью в поисках пищи. В 1942 г. у жителей города возникли проблемы с обеспеченностью водой. Городской водопровод при бомбардировке оказался полностью разрушенным. За водой приходилось ходить к колодцам, оврагам, Волге. Это нашло отражением в воспоминаниях сталинградцев: «Не было никакой еды и воды. Пили воду с ржавчиной из подвальных труб. Не было продуктовых запасов. Все время хотелось есть»; «Нас мучил голод. Еды не было совсем, даже и суточной блокадной пайки. Иногда кто-то из бойцов забегал в блиндаж, чтобы дать кусок хлеба, обычно это было граммов сто. На четверых — крохи. Временами не было сил двигаться. За водой приходилось спускаться к Волге и черпать ее из проруби»; «Не забыть, как мы топтались около немецкой кухни, выбирая из кучи овощные очистки, которые потом промывали, варили и ели. Как копались на элеваторе в тлеющем зерне. Найти горсть зерна считалось великой удачей» ¹⁰; «... запасов питания у нас никаких не было, водопровод вышел из строя. Я была главной помощницей маме. За водой ходили к реке Царице, там били ключи. Но доносили домой неполные ведра, попадали под обстрелы, бросались на землю, переживали разрывы. Горелое зерно набирали в мешочки на элеваторе... Питались чем придется: горелым зерном, оставшимся рассолом в бочках от прошлогодних засолок овощей» ¹¹. Смертность сталинград-

цев, оказавшихся в окружении вместе с агонизировавшей 6-й немецкой армией, в условиях сильных морозов, отсутствия убежищ, продовольствия и теплой одежды, была почти в два раза выше, чем в блокадном Ленинграде.

Оккупация и война наложили отпечаток на судьбы горожан, в первую очередь, детей. «Как и многие мои одноклассники, я не знал довоенной жизни. И вот мои первые впечатления, оставшиеся в памяти. Я хожу среди обугленных обломков, искореженного металла, обрубленных деревьев. Таким был мир моего детства в разрушенном немцами Сталинграде. Детям всегда хочется играть. И мы прятались в воронках, залезали в пустые блиндажи, собирали осколки. Эта обстановка, которая могла привести в смятение человека из мирной жизни, нам казалась обычной. Ведь ничего другого мы еще не видели в своей короткой жизни. Вблизи нашего жилища стояли разбитые орудия, а в осевших траншеях мы находили россыпи патронов», — вспоминал Валентин Михайлович Горлов, 1941 г. рождения ¹².

В детской памяти остались земляные укрепления, подвалы, землянки. В них жители прятались от бомб и гранат. «Летом 1942 года во дворах стали рыть земляные убежища, которые называли “щели”. Это были узкие траншеи с двумя отсеками и двумя выходами. За лопаты взялись все: и стар, и млад. “Щели” перекрывали, кто чем мог: бревнами, досками, листами железа и сверху засыпали землей», — отмечала Лариса Александровна Фокина (Выходцева). «Подвал был сырой и холодный. Поэтому мы перешли в баню во дворе бабушкиного дома. Это была землянка, приспособленная под баню. Небольшая печка, полки, маленькое оконце и деревянные полы придавали ей вид небольшой комнаты. Лишь характерный запах напоминал, что когда-то здесь мылись, парились от души. Земляной накат скрывал баню от глаз», — писал Юрий Степанович Дудкин ¹³.

Оккупационные власти привлекали местное население к принудительным работам для восстановления мостов, сооружения оборонительных укреплений, обслуживания солдат. Продолжительность рабочего дня составляла не менее 14 часов. Это приводило к истощению и болезням, поскольку выдававшееся продовольствие не могло удовлетворить даже минимальных потребностей в пище. Так, привлеченное к принудительным работам население обеспечивалось лишь 50 г хлеба. Это стало причиной высокой смертности в рабочих лагерях.

Местное население участвовало также в сельскохозяйственных работах, за что получало лишь 400 г хлеба в сутки, а их иждивенцы — 300 г. Во всех районах города и области, оказавшихся в оккупации, уклонение от обязательных работ каралось жестокими репрессиями. Суровые наказания в виде конфискации всего имущества и скота предусматривались за невыход на работы.

Воспоминания детей о жестокостях нацистов печатались в областной газете «Сталинградская правда» ¹⁴. Горожане, оказавшиеся в оккупации, опасались возможности попасть в немецкий плен. Главным средством уничтожения мирного населения и военнопленных являлись концлагеря. В Сталинградской области лагеря для военнопленных были созданы в Белой Калитве, в районе хутора Вертячий Городищенского

района и других районах. Суточный рацион заключенных состоял из 3—4 ложек запаренной ржи или половника несоленой, ржаной, постной похлебки и кусочка павшей конины. «Белая Калитва... У всех, кто побывал там за колючей проволокой, она осталась в памяти на всю жизнь. Гражданское население, в основном женщины, старики и дети из Сталинграда, прибывало порой по два-три эшелона в день. За непродолжительное время за колючей проволокой сосредоточилось около пяти-шести тысяч человек. Кормили людей раз в сутки. В котел шли даже опилки, смешанные с отрубями»¹⁵.

Испытывая большую потребность в рабочей силе, фашисты вербовали и насильно отправляли население на работы в Германию. В первых числах октября 1942 г. по приказу немецкого командования началась депортация населения из Сталинграда. На железнодорожной станции Гумрак работал немецкий распределительный пункт. Из Советского Союза германские оккупационные власти отправили на каторжные работы 4978 тыс. советских граждан¹⁶. Из Сталинграда было угнано около 50 тыс. чел., многие из которых погибли в пути от истощения и болезней¹⁷.

Одной из самых трагичных сторон военной повседневности горожан стало пребывание в немецких распределительных лагерях. «В Гумраке нас держали сутки под открытым небом без пищи и воды. Потом направили пешком по дороге в Кривую Музгу... Я сама видела лагерь советских людей, угоняемых в Германию, в рабство. Люди тысячами с детьми сидели и замерзали под открытым небом. За больными детьми немецкие солдаты не разрешали ухаживать, умерших не разрешали хоронить. Пищи и воды не давали... В лагере стоял плач, стоны замученных людей»; «В Чире я видел большое число сталинградцев, угоняемых в Германию... В лагере “Белая Калитва” советских людей поместили в птичники. Ни пищи, ни воды, ни топлива в лагере не было; Там (в городе Калач-на-Дону. — *С.В., Е.К.*) был лагерь, в котором находились тысячи советских людей, среди них было много детей и стариков. Жили под открытым небом, под дождем и снегом. В лагере нас морили голодом, били палками и плетью. Многие не выдерживали этого зверского режима и умирали, особенно дети и старики. Из этого лагеря немцы отправляли советских людей в Германию»¹⁸.

В Германию увозили главным образом молодежь. На обязательные земляные работы привлекались в основном мужчины, а женщины, дети, больные и пожилые люди высылались на станцию Нижний Чир¹⁹.

Депортируемые из Сталинграда горожане были лишены теплой одежды и продовольствия. «Мне было семь с половиной лет, — вспоминал Виктор Фиоктистович Баранцев, — под конвоем шли истощенные, не по сезону одетые, изнуренные долгой дорогой, голодные и убитые горем люди. Колонна часто попадала под обстрелы, на дороге оставались убитые и раненые. Конвоиры подходили к тем, кто не поднимался, убивали их штыками, а оставшихся гнали дальше»²⁰.

Только в Сталинграде фашистами было расстреляно 1744 чел., повешено 108, пыткам и издевательствам подверглись 1598 горожан. В Ворошиловском районе гитлеровцы расстреляли 389 мирных жителей, в Дзержинском районе — 330 женщин. Часто жертвами бесчеловечных

расправ становились дети, независимо от возраста. Так, оккупационными властями Нижне-Чирского района было расстреляно 65 детей ²¹.

Население Сталинграда в период оккупации было обложено многочисленными налогами. В их числе — коммунальные сборы. Кроме того, сборы предусматривались при регистрации рождений, браков, разводов, за прописку, выписку, выдачу справок, за прошения и т.д. Оккупационной администрацией взимались земельный и подушный налоги, налог с построек, налог на собак. Кроме того, все хозяйства облагались налогами на кирпичи, стекла, мебель и домашнюю утварь. В сельских районах взимался подушный налог. Его платили сельские жители в возрасте от 18 до 60 лет. Многие налоги имели натуральный характер. Они выплачивались путем обязательных поставок сельчанами продуктов. За неуплату налогов местные жители наказывались штрафом, конфискацией всего имущества, помещением в рабочие лагеря.

Нацистская оккупационная политика в Сталинграде встретила жесткое сопротивление. Население уклонялось от обязательной регистрации, горожане не являлись на принудительные работы по возведению дорог и мостов, строительству оборонительных укреплений, укрывали в своих домах партизан и воинов Красной армии, совершали диверсии. Сельчане скрывали продовольствие и колхозное имущество, уничтожали сельскохозяйственное оборудование.

Осенью 1941 г. в Сталинграде и в области формировалось партизанское движение. Партизаны устраивали диверсии на транспорте, дезорганизовывали связь, убивали оккупантов и лиц, которые оказывали им содействие. Вследствие чрезвычайной военной обстановки и природно-климатических условий в Сталинградской области, партизаны не могли действовать большими соединениями, как это было на Северо-Западе России. Отсутствие лесных массивов, служивших укрытием, вынуждало партизан работать маленькими группами, которые забрасывались на оккупированные немецко-фашистскими войсками территории региона для организации конкретных мероприятий по дезорганизации тыла противника.

В сентябре 1942 г. в Сталинградской области действовало 34 партизанских отряда общей численностью 880 бойцов. Крупным отрядом явился ниже-чирский, получивший название «За Родину». В нем состояло 26 бойцов, которые уничтожили 56 германских солдат и офицеров, ранили более 70 захватчиков, подорвали несколько единиц вражеской боевой техники ²².

Заметное место образ Сталинграда оставил и у немецких солдат. Это нашло отражение в их корреспонденции с фронта. Содержание писем солдат вермахта, высланных из Сталинграда до ноября 1942 г., мало отличалось от писем с других участков фронта. Летом 1942 г., в период немецко-фашистского наступления под Сталинградом, в их посланиях домой преобладали описания местных окрестностей, встреч с сельчанами, указывалось на их бедность ²³.

С началом советского контрнаступления содержание корреспонденции существенно изменилось. Часто стали встречаться характеристики русских как неожиданно сильного противника: «Русские — хорошие солдаты, хотя у них ничего нет, только пехота и танки» ²⁴; «Голод,

который невозможно описать. Дети, женщины, старые мужчины лежат на улице, хотя они наши враги, мне жаль»²⁵.

Продовольствия немецкой армии катастрофически не хватало: «Если немецкие солдаты останавливаются в населенных пунктах, они расходятся по домам и отбирают у населения продукты питания и некоторые носильные вещи. Через час после занятия немцами населенного пункта ни у одного из жителей не найдешь ничего съестного. Подобными грабежами занимаются все солдаты, но особенно отличаются в этом отношении обозники. Они забирают не только продукты питания, но и все вещи, которые попадают им под руку»; «У жителей в “организованном порядке” забирали все продукты питания. Жители села Орловка питаются падалью лошадей, остатки которой подбирают на дорогах»; «Нам часто дают пшено, а ведь пшена, как мне известно, в Германии нет. Значит, его берут у русских. В одном селе между Доном и Сталинградом я сам видел, как солдаты нашей роты и других рот брали у русских мед, масло, молоко, яйца»; «Когда мы останавливались на ночевки, мы ходили к русским и спрашивали молоко, масло, хлеб, картошку, кур. Были случаи, когда немецкие солдаты просто забирали себе продукты»²⁶, — писали немецкие солдаты в своих письмах домой.

Ограблению подвергались музеи, общественные и культурные здания, заводы, квартиры и землянки. При этом отбирались ценные картины, предметы искусства, ковры, теплые вещи, обувь, продукты питания, предметы домашнего обихода, даже детские платья и белье. Вывозу из области подлежали цветные и черные металлы, химические вещества, продовольствие и другие ценности.

С осени 1942 г. практически в каждом немецком письме содержалась просьба о продовольственных посылках из дома. Немалое число писем указывает на нехватку пищи: «Шесть недель не едим досыта»; «Однажды я подстрелил сороку и съел ее; скоро я погибну от голода»; «Сегодня ради праздника сварил кошку»; «Сегодня я нашел кусок старого заплесневевшего хлеба. Это было настоящее лакомство. Мы едим только один раз, когда нам раздают пищу, а затем 24 часа голодаем...»²⁷; «Утром и вечером по бутерброду, а на обед — водичка вместо супа. Это длится уже четыре недели, многие так ослабели, что не могут подняться и с трудом дышат, вдобавок становится все холоднее. Если нас скоро не сменят, то мы все умрем. В животе бурчит, вши кусают, ноги обморожены»²⁸. Немецкие солдаты оказались в роли побежденных, что и стало началом их конца.

На победу советских войск под Сталинградом откликнулись мировые средства массовой информации. Одними из первых выступили союзные СМИ. Город оказался в центре внимания английской и американской прессы, впервые попав в заголовки статей в конце августа — начале сентября 1942 года. Однако журналисты союзных издательств смогли регулярно посещать город лишь с декабря 1942 — января 1943 года. Поэтому в сентябре-декабре 1942 г. английские и американские корреспонденты при освещении событий на Восточном фронте использовали лишь официальные советские источники. В этот период на страницах союзных газет чаще всего появлялись статьи с анализом последствий битвы за Сталинград для всего хода войны.

События под Сталинградом способствовали активизации различных организаций помощи Красной армии, которые были созданы в Великобритании и США еще в 1941 году. Так, в 1,5—2 раза возросли объемы грузов, поставленных в качестве помощи Британским и Американским Обществами Красного Креста в 1943 году²⁹.

Наиболее адекватный образ сражающегося Сталинграда складывался в Великобритании, среди населения тех городов, которые пережили не одну вражескую бомбардировку. К пониманию этого ближе всего подошли жители Ковентри — английского города, пострадавшего от бомбовых ударов. 14 октября 1942 г. они отправили на имя председателя Сталинградского городского совета Д.М. Пигалева телеграмму со словами поддержки и искреннего восхищения защитниками Сталинграда.

Ряд ведущих английских газет печатали материалы Совинформбюро. В их числе — лондонские «The Times», «Daily Star», «Daily Express», «Daily Herald», «Reynolds News» и многие другие. Значительной известностью пользовался ежедневный бюллетень «Soviet war news», который издавался советским посольством в Лондоне. Английская и американская пресса с началом уличных боев в Сталинграде стала оценивать сражение у берегов Волги как битву мирового значения. «The New York Times» практически ежедневно публиковала новости из Сталинграда. Так, 4 февраля 1943 г. газета писала: «Последние остатки великого немецкого гарнизона в Сталинграде сдались, а русские идут обратно в руины города, который сейчас лежит, как потрепанный скелет на непокоренной Волге. Сталинград — это самая масштабная и упорная битва в этой войне». 8 февраля: «Здания, улицы и парки уничтожены в ходе долгой борьбы за центр Сталинграда. Этот город, бывший когда-то огромным промышленным центром, чье имя всегда будет символом победы мужчин над металлом, теперь груда развалин и обломков. Везде разруха... Разрушения последней недели, которые оставила немецкая армия в Сталинграде, — высшее проявление дикости в этой великой войне».

Не оставили союзные СМИ без внимания и проблемы горожан после изгнания нацистов. Так, калифорнийская «Telegram Tribune» 2 февраля 1943 г. представила образ Сталинграда следующим образом: «Жуткая тишина установилась над Сталинградом впервые с конца августа. Женщины, дети и пожилые люди — мирные граждане вышли из подвалов и отправились на поиски руин своих бывших домов. Тысячи замороженных тел валяются на улицах»³⁰.

Заметное внимание придавалось и вопросу о значении Сталинградской битвы. 26 февраля 1943 г., уже после ее завершения, «The New York Times» отмечала: «Советские войска не только доказали, что они являются величайшей современной армией... Советские Вооруженные Силы превратили Советский Союз в мощнейшую мировую державу... Они не только упрочили политику Сталина и укрепили его престиж в России и за ее пределами, Вооруженные Силы России дали в руки Сталину могущественный инструмент для реализации его планов в будущем»³¹.

Сталинград стал символом гордости всего советского народа. Здесь был разбит и повержен сильный и страшный враг — немецко-фашист-

ские захватчики. Победа была достигнута ценой жизнью его защитников и мирного населения. Следствием оккупационной политики стало резкое ухудшение условий жизни местных жителей, значительная часть которых была лишена предметов первой необходимости и вынуждена находиться в землянках, ямах, под открытым небом. 3 февраля 1943 г. все газеты опубликовали сообщение о ликвидации немецко-фашистской группировки, окруженной в районе Сталинграда. Эта весть вызывала чувство радости, укрепляя уверенность в победе.

И.В. Сталин, Верховный главнокомандующий советскими Вооруженными силами, в 1943 г. отмечал, что «Сталинград был закатом немецко-фашистской армии. После Сталинградского побоища, как известно, немцы не могли уже оправиться». Большое значение придавали победе под Сталинградом союзники. Так, президент США Ф. Рузвельт в грамоте, адресованной защитникам Сталинграда, указывал, что «их славная победа остановила волну нашествия и стала поворотным пунктом войны союзных наций против агрессии»³².

Значительное внимание придавали Сталинградской битве и представители немецко-фашистского командования. Гейнц Гудериан в статье «Опыт войны с Россией» писал: «Итак, летняя кампания 1942 года закончилась для немецкой армии тяжелым поражением. С этого времени немецкие войска на Востоке навсегда перестали наступать». Генерал Курт Цейтцлер, начальник генерального штаба сухопутных войск вермахта, указывал, что «ход событий показал, что Сталинградское сражение действительно оказалось поворотным пунктом всей войны»³³.

Сотни тысяч жителей Советского Союза от Волги до Урала могли повторить страшную судьбу сталинградцев, если бы враг не был разгромлен на волжской земле. Победа была оплачена сотнями тысяч жизней, оборвавшихся на поле боя, в фашистских лагерях, во время массовой бомбардировки города и немецкой оккупации.

Победа Красной армии под Сталинградом внесла существенный вклад в наступление коренного перелома в Великой Отечественной войне, в результате которого были освобождены значительные территории от Кавказа до Ленинграда, оккупированные немецко-фашистскими войсками. Разгром гитлеровцев под Сталинградом позволил восстановить связь центральных районов страны с южными, ликвидировать угрозу Кавказу с его нефтяными запасами. Победа советских войск имела огромное военно-политическое и международное значение, она ускорила наступление краха нацистского режима, оказав непосредственное влияние на дальнейшие события второй мировой войны.

Примечания

1. Воспоминания детей военного Сталинграда. М. 2010.
2. Сталинградская эпопея: Материалы НКВД СССР и военной цензуры из Центрального архива ФСБ РФ. М. 2000.
3. Там же.
4. Там же.
5. Воспоминания детей военного Сталинграда.

6. KULIK S.V., SAMYLOVSKAYA E.A., KREPKAIA T.N., ASTASHKIN D. Y. The Preservation of Memory of the Partisan Movement in 1941—1944 in the North-West of Russia, Conference Proceedings of 4th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Science and Arts SGEM 2017. Vienna, Austria, 28—31 March. 2017, book. 2, vol. 1, p. 169—176.
7. Воспоминания детей военного Сталинграда.
8. Там же.
9. Там же.
10. Дети Сталинграда: 10 лет после войны. Воспоминания жителей города. Волгоград. 2015.
11. Война глазами детей. Свидетельства очевидцев. М. 2011.
12. Воспоминания детей военного Сталинграда.
13. «...и горела Волга». Оставшиеся в живых сталинградцы вспоминают. Волгоград. 2004.
14. Сталинградская правда. 1943. 8 сентября.
15. Там же.
16. ГАРАЖА Н.А. Остарбайтеры и советские военнопленные в нацистской идеологии и практике этнической сегрегации в период Великой Отечественной войны. — Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. 2015, № 1 (33), с. 46—56.
17. Сталинградская правда. 1943. 8 сентября.
18. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), ф. Р-7021, оп. 45, д. 14, л. 32—37.
19. Нюрнбергский процесс: Сб. материалов. Т. 4. М. 1990, с. 120—122.
20. Воспоминания детей военного Сталинграда.
21. Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИ ВО), ф. Р-6088, оп. 1, д. 333, л. 3.
22. Там же.
23. JACOBSEN H.-A. 1939—1945. Der Zweite Weltkrieg in Chronik und Documenten. Darmstadt. 1959, S. 315—364.
24. По обе стороны фронта. Письма советских и немецких солдат 1941—1945 гг. М. 1995, с. 193.
25. Там же.
26. ГАРФ, ф. Р-7021, оп. 45, д. 14, л. 59—68.
27. Разгром немцев под Сталинградом. Признания врага. М. 1944, с. 47—65.
28. Последние письма немцев из Сталинграда. М. 1990.
29. ГА РФ, ф. 5283, оп. 14, д. 102, л. 3.
30. Telegram Tribune. February 2, 1943.
31. The New York Times. February 4—26, 1943.
32. ЕРЕМЕНКО А.И. Сталинград: Записки командующего фронтом. М. 1961, с. 227—228.
33. Там же.

К вопросу о начале «китайской операции» НКВД (1937—1938 гг)

Е. Г. Калкаев

Аннотация. Возможность войны с Японией рассматривалась руководством Советского Союза как одна из важнейших угроз безопасности страны. Предотвращение подобной угрозы стало предлогом для проведения массовой операции против китайцев на Дальнем Востоке СССР. А вскоре «китайская операция» была развернута по всей стране.

Ключевые слова: «большой террор», «национальные» операции, НКВД, «китайская операция», китайская диаспора.

Abstract. The possibility of a war with Japan was considered by the leadership of the Soviet Union as an important threat to the country's security. Far Eastern branch of NKVD had launched a mass operation against the Chinese diaspora under the pretext of averting such a threat. Thereafter, from February on 1938 "Chinese operation" began throughout the country.

Key words: Great Purge, "National operations", NKVD, "Chinese operation", Chinese diaspora.

В 1937 г. на фоне развертывания Японией масштабных военных действий во внутреннем Китае руководство Советского Союза пошло на сближение с правительством Чан Кайши, взяв курс на оказание помощи Китайской Республике. 21 августа был подписан советско-китайский договор о ненападении, СССР выделял Китайской Республике кредиты для обеспечения поставок вооружения и военной техники, направлял группы добровольцев и советников ¹.

Калкаев Евгений Геннадьевич — научный сотрудник Отдела Китая Института востоковедения РАН. E-mail: kalkaev@gmail.com.

Kalkaev Evgeny G. — researcher at the China Department of the Institute of Oriental Studies RAS. E-mail: kalkaev@gmail.com.

Однако наличие общего врага и взаимное сближение двух стран не защитило проживавших в Советском Союзе китайцев от включения в список «инонациональностей», затронутых массовыми операциями «большого террора» 1937—1938 годов. Истоки «китайской операции» НКВД, развернувшейся в масштабах СССР в 1938 г., прослеживаются в репрессивной кампании против китайцев в Дальневосточном крае, начатой в конце декабря 1937 г. в соответствии с директивами наркома внутренних дел Ежова. Но, несмотря на то, что текст этих директив был опубликован более десяти лет назад, контекст их появления, а, следовательно, и повод для начала кампании, оставался не вполне ясен.

Целью данной публикации является восполнение этого пробела — уточнение обстоятельств и мотивов начала массовых репрессий в отношении китайцев в Дальневосточном крае в конце 1937 г., что в свою очередь позволяет более подробно проследить механизм инициирования и развертывания операции в отношении китайской диаспоры по всему Советскому Союзу.

Декабрьские директивы наркома. «Большой террор» 1937—1938 гг. — пик репрессивной политики в СССР, проводимой под непосредственным контролем высшего партийного руководства и лично Сталина ², был неотрывно связан с установкой советского лидера на неизбежность войны между Советским Союзом и окружающими его капиталистическими странами. Причем основную угрозу безопасности СССР Сталин видел в высокой вероятности войны на два фронта — с Японией на Востоке и с одной из европейских стран или их коалицией на Западе.

В контексте этих ожиданий и напряженных международных отношений новый широкомасштабный виток репрессий, воплотившийся в операциях по «антисоветским элементам», «национальным контрреволюционным контингентам», а также в массовых депортациях, был направлен на осуществление единой цели — искоренение любого подобия «пятой колонны», то есть реальных, потенциальных и мнимых противников советской власти, способных, по мнению Сталина и его окружения, в случае войны сплотиться с внешним врагом ³. На практике это вылилось в необоснованные репрессии против значительного количества коренного населения СССР, а также выходцев из других стран.

Основной удар операции против «антисоветских элементов», осуществлявшейся по приказу НКВД № 00447, утвержденному Политбюро 31 июля 1937 г., был направлен против тех, кто традиционно рассматривался в качестве врагов советской власти: бывших «кулаков», членов различных политических партий (эсеров, грузинских меньшевиков, дашнаков и т.д.), участников гражданской войны на стороне белых, представителей дореволюционного чиновничества и бывших жандармов, духовенства и активистов сектантских религиозных групп, а также уголовников и других групп населения, вызывающих подозрение у руководства страны в своей благонадежности. В дальнейшем количество этих категорий также значительно расширилось ⁴.

Перед органами НКВД была поставлена прямая задача: «беспощадным образом разгромить всю эту банду антисоветских элементов, защитить трудящийся советский народ от их контрреволюционных происков

и, наконец, раз и навсегда покончить с их подлой подрывной работой против основ советского государства»⁵.

Репрессируемые в ходе следствия делились на две категории: «наиболее враждебные» лица относились к первой и подлежали расстрелу; «менее активные, но все же враждебные», причислялись ко второй категории и подлежали заключению в лагеря или тюрьмы на срок от 8 до 10 лет. Приговоры рассматривались и утверждались «тройками», в состав которых, как правило, входили начальник регионального НКВД, секретарь партийной организации и прокурор.

Для каждого региона устанавливались ориентировочные количественные показатели для обеих категорий. Хотя в приказе оговаривалась возможность их снижения, на практике эти «лимиты» в основном лишь значительно увеличивались. Делалось это по запросам с мест, не без поддержки центрального руководства⁶.

Операции по «национальным контрреволюционным контингентам» были направлены против представителей так называемых «инонациональностей», а также «харбинцев» — бывших служащих Китайско-восточной железной дороги, вернувшихся в СССР после ее продажи Японии, реэмигрантов и членов их семей. Под удар попали все, в ком руководство СССР было склонно видеть так называемую «базу» иностранного шпионажа и диверсионной деятельности.

25 июля 1937 г. появился приказ НКВД № 00439, предусматривавший аресты всех «германских подданных, работающих на военных заводах и заводах, имеющих оборонные цеха, железнодорожном транспорте, а также уволенных с этих заводов»⁷. Следствие должно было тщательно выяснять связи арестованных, и выявляемые таким образом шпионы, диверсанты и террористы «как из числа советских граждан, так и подданных других государств», сразу же арестовывались. После окончания следствия дела направлялись на рассмотрение Военной Коллегии или Особого совещания НКВД. Параллельно предусматривалось проведение учета «всех германских подданных, работающих на всех других промышленных предприятиях, в сельском хозяйстве и советских учреждениях, а также бывших германских подданных, принявших советское гражданство и работавших ранее на военных заводах и оборонных цехах других промышленных предприятий»⁸.

Однако образцом для «национальных» операций стал приказ № 00485, направленный против «польской разведки» и на ликвидацию якобы активно действовавшей на территории СССР Польской организации войсковой (ПОВ). 9 августа Политбюро ЦК ВКП(б) одобрило этот приказ, и 11 августа 1937 г. он был подписан наркомом НКВД. Одновременно было впущено и специальное закрытое письмо, разъяснявшее и обосновывавшее приказ⁹.

Несмотря на то, что формально приказ № 00485 был направлен против диверсионно-шпионских и повстанческих кадров, фактически под его удар ставились почти все находившиеся в Советском Союзе поляки, а также лица, как-то связанные с ними или с Польшей¹⁰.

После преамбулы, в которой описывались невероятные успехи польской разведки в СССР, в приказе обозначались сроки его выполнения, перечислялись подлежащие аресту многочисленные контингенты,

ход операции (в первую очередь арестовывались работавшие в органах НКВД и в Красной армии, на предприятиях оборонного значения, на транспорте и в других стратегически важных областях, во вторую — сотрудники предприятий, не имевших оборонного значения, работники совхозов, колхозов и других учреждений).

Арестованные, как и в работе по «антисоветским элементам», разбивались на две категории (первая — подлежащая расстрелу, вторая — заключению сроком от 5 до 10 лет), но лимиты не предусматривались. В «польском» приказе впервые вводился новый процессуальный порядок осуждения, получивший название «альбомного»¹¹. По окончании следствия краткие справки по арестованным с предложением меры наказания сшивались в «альбомы» и высылались в Москву. После утверждения их «двойкой» — комиссией наркома внутренних дел и прокурора СССР (Ежова и Вышинского) или их заместителями, «альбомы» возвращались на места для исполнения приговоров¹².

Особая роль отводилась следственной работе по вскрытию шпионских сетей. Все проходящие по показаниям арестованных шпионов, вредителей и диверсантов, также должны были быть немедленно арестованы и допрошены.

Именно «польский» приказ «лег в основу всех остальных приказов, меморандумов и почтовых телеграмм о репрессировании иностранных подданных и советских граждан иностранного происхождения»¹³. 17 августа действие приказа № 00485 было распространено на румын, находившихся на территории Украины (прежде всего в Молдавской АССР)¹⁴; 20 сентября 1937 г. появился «харбинский» приказ № 00593; 30 ноября была разослана шифротелеграмма № 49990 о начале операции против латышей; 11 декабря было объявлено о начале «греческой» операции и т.д. «Везде следовало исходить из наличия разветвленной шпионско-диверсионной и повстанческой сети соответствующего государства, везде фигурировали сходные контингенты, подлежащие аресту (среди них обязательно — политэмигранты и перебежчики), везде применялся “альбомный порядок” осуждения (иногда в директивах его даже подробно не описывали, а лишь указывали, что осуждение следует производить “в порядке приказа 00485”))»¹⁵.

Распоряжение о начале «китайской операции» в рамках операций НКВД по «национальным контингентам» было отдано Ежовым 1 февраля 1938 года. В подписанной в этот день шифротелеграмме № 233 приказывалось наряду с продолжением операций по полякам, харбинцам, латышам, грекам и иранцам «одновременно начать аналогичную операцию по разгрому шпионско-диверсионных контингентов из финнов, эстонцев, румын, китайцев, болгар, македонцев» (отдельно упоминалось о состоявших в советском гражданстве немцах)¹⁶.

Однако в Дальневосточном крае — регионе СССР, где проживало больше всего китайцев¹⁷, в это время уже предпринимались самые активные действия против китайских «диверсантов», «шпионов» и преступных элементов из среды посетителей и содержателей нелегальных притонов. Соответствующие распоряжения были направлены наркомом внутренних дел в местное управление НКВД 22 и 23 декабря 1937 года.

В широкий научный оборот данные директивы были введены после их публикации в сборнике «Сталинские депортации. 1928—1953»¹⁸. В книге были напечатаны четыре распоряжения Ежова, имеющие отношение к репрессиям против китайцев в Дальневосточном крае. Первые два — упомянутые директивы об арестах китайцев; последние два касались вопроса выселения китайцев из края в июне-июле 1938 года.

Приведем первые две директивы:

«Шифротелеграмма

Исх. № 52691

22 декабря 1937 г.

Сов[ершенно] секретно

Снятие копий воспрещается

Хабаровск НКВД Люшкову

Всех китайцев, независимо от их подданства, проявляющих провокационные действия или террористические намерения, немедленно арестовывайте.

Ежов»¹⁹

«Шифротелеграмма

Исх. № 52696

23 декабря 1937 г.

Сов[ершенно] секретно

Снятие копий воспрещается

Откуда:

Куда и кому: Хабаровск УНКВД Каган

62796, 11569. Одновременной* [сноска: Слово «Одновременной» вписано сверху от руки взамен зачеркнутого «Внезапной»] операцией ликвидируйте [в] крае все притоны, китайские и другие.

Произведите тщательные обыски. Притоносодержателей и всех задержанных в них посетителей арестуйте. Проведите следствие.

Дела совграждан, изобличенных [в] антисоветской, шпионской, контрабандистской деятельности, и активных уголовников рассмотрите [на] тройке и репрессируйте соответственно виновности [по] первой и второй категориям. Дела иноподанных этой группы передайте [на] рассмотрение [в] суд [для] последующего выдворения за пределы СССР. Дела всех остальных арестованных рассмотрите судебным порядком, [с] запрещением проживать ДВК, Читинской, Иркутской областях.

Результаты операции, вскрытые дела донесите.

Ежов»²⁰

Этими директивами было обозначено начало процесса репрессий против китайцев в Дальневосточном крае, при которых аресты и расстрелы сопровождались депортациями²¹.

Данные документы вызвали большой интерес у исследователей эпохи советских репрессий и цитировались в многочисленных истори-

ческих работах ²². Однако их содержание вызывало большое количество вопросов. В частности, из текста самих шифротелеграмм было невозможно понять, о каких «провокационных действиях» китайцев шла речь, против кого могли быть направлены их «террористические намерения» и как это было связано, если было, с ликвидацией притонов. То есть, как было отмечено выше, мотивы для начала операции в крае фактически оставались не ясны.

Японская угроза и ситуация на Дальнем Востоке. В 1930-х гг. особые опасения руководства Советского Союза были связаны с ситуацией на Дальнем Востоке. Сталин и его окружение не без оснований видели в агрессивной политике Японии угрозу безопасности СССР.

В 1931 г. Япония оккупировала Маньчжурию, где вскоре было создано марионеточное государство Маньчжоу-го, которое могло быть использовано как плацдарм для нападения на Советский Союз. На границе между Маньчжоу-го и Советским Союзом регулярно происходили столкновения, в которых принимали участие маньчжурские и японские военные. Японскими военными миссиями создавались сети шпионажа, вербовались советские граждане, русские иммигранты, представители национальностей оккупированных территорий. Для обмена данными об СССР Япония устанавливала контакты с третьими странами ²³.

Разведданные, получаемые советским руководством, также свидетельствовали о том, что ряд военных и политических деятелей Японии поддерживали планы нападения на Советский Союз ²⁴. При этом нестабильность политической ситуации в самой Японии могла усиливать позиции сторонников войны ²⁵.

25 ноября 1936 г. Япония подписала «Антикоминтерновский пакт», целью которого было сотрудничество с Германией «в деле обороны против коммунистической подрывной деятельности». Продолжали предприниматься и шаги, направленные на усиление японского влияния в Монголии и Синьцзяне ²⁶.

В июле 1937 г. японцы развернули масштабные военные действия в Китае. В конце июля были заняты Пекин и Тяньцзинь, осенью — Шанхай, и началось наступление на Нанкин — в то время столицу Китайской Республики. 13 декабря Нанкин пал. Но, несмотря на то, что японская армия достигла в Китае значительных военных успехов, сопротивление продолжалось. Китайские войска, опираясь, в том числе и на значительную помощь Советского Союза, вели упорную оборонительную войну, все больше изматывая противника.

Такая ситуация отчасти должна была устраивать СССР, чье временное сотрудничество с правительством Чан Кайши носило сугубо прагматический характер: Япония все больше «увязала» в Китае, и, следовательно, вероятность ее агрессии против Советского Союза значительно снижалась. Позицию советского руководства в этот период хорошо передают слова Сталина, произнесенные в январе 1938 г. на приеме депутатов Верховного Совета: «... лучше воевать в Китае с японскими фашистами, чем в СССР» ²⁷.

В конечном итоге, советское руководство отказалось от поддержки Чан Кайши: помощь Китайской Республике стала разменной монетой

для заключения советско-японского пакта о нейтралитете, который был подписан 13 апреля 1941 г. в Москве ²⁸.

Однако в 1937 г. руководство СССР опасалось, что Япония может перенести свои агрессивные устремления и на север. Хотя подобные прогнозы не подтвердились, они отразились на всех, в ком советское руководство было склонно видеть потенциальных пособников японцев. Дальневосточный край в связи со своим географическим положением также стал одним из эпицентров большой «чистки», которую в этом регионе возглавил новый начальник местного УНКВД Г.С. Люшков ²⁹.

При его активном участии в крае не только осуществлялись операции против «антисоветских элементов» и «национальных контрреволюционных контингентов», но и «вскрывались» многочисленные «заговоры», в том числе в партийных организациях, в местном УНКВД, в армии и на флоте.

После того, как 21 августа, в день подписания советско-китайского договора о ненападении, вышло постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) о тотальной депортации с Дальнего Востока корейцев, Люшков возглавил и эту операцию. Высылка более 170 тыс. чел., целью которой было названо «пресечение проникновения японского шпионажа в Дальневосточный край» ³⁰, прошла в сжатые сроки и завершилась 25 октября 1937 года. Депортация корейцев проходила в сложных условиях и сопровождалась многочисленными проблемами и сбоями. Недостаточное время на сборы, в среднем месячный путь в железнодорожных вагонах (в основном корейцы были переселены в Казахстан и Узбекистан), недополучение обещанных компенсаций, льгот и кредитов, непривычный климат, проблемы с жильем, водой и питанием — все это стало для переселенцев тяжелым испытанием. Люшков же, его подчиненные и транспортные работники были удостоены благодарности СНК СССР и ЦК ВКП(б) «за образцовое и четкое выполнение ответственного задания» ³¹.

В это же время под пристальным вниманием дальневосточных органов НКВД находились и китайцы. Замкнутая китайская община была питательной средой для криминальных элементов. Специфическими видами китайской преступности были содержание притонов и контрабанда — явления, распространенные в регионе несмотря на все принятые меры по борьбе с криминалом и усиление охраны границы.

В апреле 1936 г. Политбюро ЦК ВКП(б) постановило начать операцию по ликвидации «Миллионки» — китайского квартала во Владивостоке, центра преступной жизни города. В декабре «Миллионка» была ликвидирована, однако, по сообщению приморского ОУ НКВД, в области еще оставалось большое количество бездокументных и неработающих китайцев ³².

Представители китайской диаспоры вызывали подозрение как потенциальные агенты японских спецслужб ³³. Нарушители границы — контрабандисты и перебежчики — арестовывались по подозрению в шпионаже, что с октября 1937 г. начало регулироваться оперативным приказом НКВД № 00693. Приказ предусматривал арест всех перебежчиков, «независимо от мотивов и обстоятельств перехода на нашу территорию». Разоблаченные как иностранные агенты должны

были передаваться суду Военной Коллегии или военных трибуналов; «всех остальных перебежчиков, подозреваемых как агентов иностранных разведок и оставшихся не разоблаченными», предполагалось через Особое совещание приговаривать к лагерным или тюремным срокам ³⁴.

Патриоты или провокаторы. В обстоятельствах, когда достаточными причинами проведения широкомасштабных акций против целых диаспор были лишь общие подозрения в связях с внешними врагами и грубо сфальсифицированные «факты», внимание НКВД к китайцам как потенциальным агентам японских спецслужб, несомненно, включало представителей этой диаспоры в группу риска. Однако варианты реализации угрозы могли быть самыми разными: от депортации (наподобие депортации корейцев) до полномасштабной «альбомной» операции. В конечном счете были применены различные виды репрессий: и «альбомная» операция по всему Советскому Союзу, и депортация из приграничных районов, но начались они с массовых арестов в Дальневосточном крае.

В конце 1937 г. необходимый для этого фон был подготовлен продолжающими поступать из краевого УНКВД материалами на китайцев, якобы завербованных японцами ³⁵. Поводом же для проведения операции стал рост среди китайцев антияпонских настроений.

По мере развития боевых действий в Китае подобные настроения в китайской общине резко радикализировались. В последней декаде декабря 1937 г. руководство дальневосточного УНКВД направило в Москву сообщения об увеличившемся количестве нападков и угроз в отношении японцев, но эти выступления были интерпретированы в своеобразном ключе: объявлены провокациями, целью которых являлось развязывание японско-советской войны.

Судя по всему, первое такое сообщение было отправлено по прямому проводу заместителем начальника УНКВД по Дальневосточному краю М. А. Каганом наркому Ежову 22 декабря или накануне ³⁶. В нем говорилось:

«Из Владивостока получены данные о ряде фактов готовящихся провокаций китайских подданных против японского консульства. Есть случаи угроз террористического порядка.

Нами установлено, что это, очевидно, работа японских агентов. Один из сотрудников японского консульства, говоря о близости войны с СССР, заявил, что поводом для начала войны будет малейший инцидент во Владивостоке.

Владивостоку приказано усилить охрану всех сотрудников японского консульства.

Люшков из Комсомольска выехал в Хабаровск, мне он приказал с оперативной группой немедленно выехать во Владивосток.

Прошу разрешить провокаторов из числа китайских подданных, высказывающих террористические настроения или проявляющих намерения, немедленно арестовывать.

Подробности сообщу дополнительно.

Каган» ³⁷

Вскоре последовали и подробности — в телеграмме № 11716, 11717, 11718 от 22 декабря докладывалось:

«В последнее время китайское консульство в крае ведет активную антияпонскую работу среди китайского населения. В помещении консульства проводятся беседы о положении в Китае, сборы денежных пожертвований. Особенно активно действует китайское консульство во Владивостоке, где систематически на беседу собирается до 300 человек; организовано бойкотируют японское консульство (водовозы отказались возить воду, стекольщики отказались работать, торговцы отказались продавать). Имели место следующие инциденты: группа китайцев на улице оплевала машину японского консульства и обругала шофера. На колхозном базаре группа китайцев набросилась на продавца, у которого покупали японцы, с криками “ты японский шпион, мы тебя передадим Советским властям”, а японцу заявили: “Если бы мы были не на Советской территории, то тебя убили”. На том же базаре китайцы окружили машину японского консульства, в которой находился русский шофер, японец и японка, стали угрожать кулаками, заявляя шоферу: “Сейчас мы с русскими братьями, а ты помогаешь японцам, ты бандит и японский шпион”. Шофер и японцы вынуждены были уехать, не сделав покупок. В одной парикмахерской китаец-парикмахер отказался брить японца и после его ухода заявил: “Если бы это было в Китае, я бы ему перерезал глотку, но в Советском Союзе этого сделать нельзя”.

Зафиксирован ряд фактов прямо настоящего провокационного характера: официант ресторана, китподданный ³⁸ *Люй-Шу-Цай*, белый офицер нашему агенту заявил, что если представится удобный случай при встрече с японцами на улице, он их избьет или убьет. Китподданный *Ван-Зун-Хе* предложил водовозу японского консульства — китайцу *Ян-Хун-Сю* прекратить работу, предупредив его, что вода доставляемая в консульство может оказаться отравленной, и ответственность падает на него. Зафиксировано несколько других разговоров о возможности нападения на японцев. Одновременно агентура японского консульства во Владивостоке донесла, что секретарь консульства Маедо заявил: “Взятие Нанкина освобождает японские войска, которые будут переброшены в Советский Союз”. Поводом для начала войны будет малейший инцидент во Владивостоке. Маедо говорил агенту о притеснении японцев со стороны местных властей, об антияпонских настроениях китайцев во Владивостоке, заявив: “Мы, японцы, этого не потерпим”. Очевидно, что разговоры об убийстве и отравлении японцев во Владивостоке инспирируются японской агентурой среди китайцев и являются чистой японской провокацией. Владивостоку приказано усилить охрану всех сотрудников японского консульства, через китайских агентов выявлять инициаторов провокационных выступлений, искать организационные связи на японцев...» ³⁹

В конце телеграммы снова сообщалось, что Люшков должен вернуться в Хабаровск, а Кагану он приказал отправиться во Владивосток для проведения расследования. Повторялся и запрос на аресты китайцев, что позволяет предположить, что санкция еще не была получена.

В ответ на эти сигналы в тот же день, 22 декабря, Ежов отправил распоряжение об аресте «всех китайцев, независимо от их подданства, проявляющих провокационные действия или террористические намерения», а вслед за этим, 23 декабря, указание о закрытии притонов, которые рассматривались в том числе и как рассадники шпионажа ⁴⁰.

При знакомстве с первыми сообщениями Кагана можно обратить внимание на то, что единственным фактом, говорящим о возможности целенаправленной провокации для развязывания войны между Японией и СССР, были слова секретаря консульства, зафиксированные неким агентом. Тем не менее, стоит отметить, что падение Нанкина на практике вовсе не означало полного разгрома китайских сил, которые продолжали оказывать сопротивление японцам. Можно предположить, что если информация агента и соответствовала действительности, она была выражением частного мнения служащего консульства.

Зато все другие данные в сообщениях Кагана легко объясняются естественным патриотическим подъемом среди китайцев. Нет ничего удивительного ни в разъяснительных беседах в китайском консульстве, ни в бойкоте японцев и отказе их обслуживать. В конце концов, не являются удивительными и брань, которой простые китайцы встречали японцев, и даже угрозы расправы. Учитывая жестокие бои в Китае и большое количество жертв среди мирного населения (в числе которых могли оказаться и родственники уехавших в СССР), реакция китайской общины в Дальневосточном крае вполне укладывается в обычную логику народного возмущения против представителей государства-агрессора.

Также стоит упомянуть, что постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) от 17 декабря китайским консульствам было разрешено проводить среди своих граждан подписку на «Заем обороны» и собирать средства для помощи армии ⁴¹. Консульство во Владивостоке просто воспользовалось предоставленным ему правом.

Таким образом, акцентируемые в сообщениях из Хабаровска и ставшие поводом для начала кампании против китайцев в Дальневосточном крае «провокационные действия» и «террористические намерения», по большому счету, сводились к угрозам представителей китайской диаспоры в адрес японцев, отдельным нападкам (без причинения серьезной угрозы жизни) и бойкоту. Эти действия были обусловлены событиями активной фазы японо-китайской войны, и попытка без достаточных доказательств интерпретировать их в качестве провокации впечатляет своей фантазийной составляющей.

Следствие подтверждает японский след. Очевидно, руководство Дальневосточного УНКВД также осознавало, что для формирования правдоподобного дела нужно нечто большее. И необходимые «свидетельства» вскоре были получены.

Люшков имел богатый опыт фальсификаций, который был получен им в том числе и во время работы в составе бригады по расследованию убийства Кирова и при подготовке процесса по делу «антисоветского троцкистско-зиновьевского центра». Ко времени его руководства УНКВД Дальневосточного края относится свидетельство заместителя начальника Особого отдела ОКДВА Л.М. Хорошилкина о том, как под

руководством Люшкова раздувалось дело зампреда крайисполкома М.П. Вольского. После того как Вольский, обвиненный в работе на японцев из-за несвоевременной подачи эшелонов для депортации корейцев, дал признательные показания, Люшков собственноручно добавил к ним фамилию начальника железной дороги Ф.С. Друскиса и более подробно расписал связи с японцами. А на следующий день Хорошилкин вообще не узнал переделанный другим следователем окончательный протокол — в нем в качестве шпионов и заговорщиков фигурировали сотни лиц, многие из которых были ему совершенно незнакомы ⁴².

Если же учитывать, что к концу 1937 г. применение методов физического воздействия (не говоря уж о психологическом воздействии и обмане) было обычной практикой, причем, санкционированной высшим партийным руководством ⁴³, то следователи имели возможность получать любые результаты, которые им требовались, включая самые невероятные.

Благодаря работе следственной группы дело о японских агентах-provокаторах из числа китайцев было практически сформировано. В нем находились все необходимые для этого элементы: связь с японскими разведывательными структурами, тайные организации, террористически настроенные лица и цель — спровоцировать войну между Японией и СССР.

В донесениях, отправленных Люшковым с 27 по 30 декабря из Хабаровска в Москву, говорилось об арестах и розыске десятков китайцев, среди которых были разнорабочие, кустари, торговцы, артисты, официанты, контрабандисты.

По словам начальника УНКВД, следствием была «установлена работа японской агентуры в подготовке провокации террористических актов в отношении японского консульства» ⁴⁴. Для этого из-за границы были переброшены китайские агенты-террористы, снабженные пистолетами. Помимо вариантов с использованием огнестрельного оружия были «зафиксированы» и другие, якобы озвученные подозреваемыми планы покушений на японцев: от избиения до использования ядов ⁴⁵.

Некоторые агенты, как следовало из донесений, получили задание нагнетать настроения среди членов китайской общины. Так, от некоего *Ци-Юн-Мина* потребовали «организовать демонстрацию против японского консульства, разбив там окна, наносить оскорбления японцам, объявить бойкот... при подходящей обстановке убить кого-либо из членов японского консульства» ⁴⁶.

Люшков сообщал, что важное организационное начало «в целях успешного выполнения задания японцев на Советской территории» играют тайные китайские общества «Кату» (правильно «*кэтоу*») и «Цзай цзян ли» (правильно: «*цзай цзя ли*») ⁴⁷. Причем «обрабатывали членов братства на вооруженную борьбу с японцами» и связанные с тайными организациями сотрудники китайского консульства из числа обслуживающего персонала ⁴⁸.

Помимо китайцев были получены показания о работе на японскую разведку фельдшера М.А. Проценко. Он был вынужден признаться, что являлся монархистом, «японофилом и с 1921 года японским шпионом». «Имел диверсионные задания по взрыву водопровода», а в начале 1937 г.

получил задание «подготовить и осуществить убийство японского консула во Владивостоке». Также он озвучил слова, якобы сказанные резидентом японской разведки: «стоит пожертвовать жизнью видного японца для начала войны Японии с СССР»⁴⁹.

Арестованный бывший начальник спецсектора облоно П.Н. Зенин также сообщил, что японский резидент, якобы «говоря о предстоящей войне Японии с СССР, заявил, что после оккупации Нанкина для этого достаточно будет помощи лишь одного русского человека, который согласился бы совершить покушение на кого-либо из представителей японского консульства во Владивостоке»⁵⁰.

Стоит отметить, что если упоминаемые в телеграмме от 22 декабря слова секретаря японского консульства о якобы возможной провокации для развязывания японско-советской войны еще похожи на правду (пусть даже и в качестве выражения личного мнения сотрудника консульства), то в телеграммах 27—30 декабря эта информация выглядит слишком искусственно. Крайне сомнительно, что кадровые разведчики стали бы откровенно посвящать рядовых исполнителей в истинные задачи операции. В реальных обстоятельствах это могло бы произойти разве что с целью дезинформации.

Очевидно, что неоднократное повторение в последних докладах из края этой информации, причем минимум трижды с прямой отсылкой к словам японских разведчиков⁵¹, было не просто небрежностью фальсификаторов. Хорошо чувствовавший настроение руководства Люшков понимал, что для руководителей НКВД и партии именно эта тема является наиболее важной. Даже чисто теоретическое уменьшение риска вероятности войны с Японией должно было полностью оправдать массовую операцию против китайцев в Дальневосточном крае⁵².

К концу декабря по этому делу проходило уже около ста китайцев. На 30 декабря было арестовано несколько десятков человек, признательные показания о причастности к подготовке террористических актов в отношении японцев были получены от шестнадцати⁵³. Предполагалось арестовать еще несколько десятков, в частности, только по показаниям и *Сюй-Фа*, шестьдесят человек⁵⁴.

Массовости же операции на Дальнем Востоке придали аресты во время ликвидации притонов. Эта операция была проведена в ночь с 29 на 30 декабря. В отправленной в Москву телеграмме с предварительными данными говорилось, что «по Хабаровску, Владивостоку, Благовещенску и Ворошилову ликвидировано свыше 300 притонов и арестовано более 1600 человек»⁵⁵. Посетители притонов употребляли наркотики и играли в азартные игры. Были изъяты наркотические вещества (опиум, морфий, кокаин), принадлежности для курения, иностранная валюта и 130 000 рублей. Среди посетителей было «арестовано 23 лагерника, а также большое количество бездокументных китайцев»⁵⁶.

Специально упоминалось, что один из закрытых притонов Хабаровска служил местом укрытия китайскому контрабандисту, арестованному ранее органами НКВД по обвинению в шпионаже. В помещении этого притона было найдено 30 экземпляров посвященной годовщине ВЧК-ОГПУ-НКВД газеты «Тихоокеанская звезда», «очевидно предназначенной для отправки за кордон»⁵⁷. Это было еще одним подтвержде-

нием тому, что китайская преступность в крае находилась в непосредственной связи с японским шпионажем.

Получив накануне разрешение из центра, 31 декабря 1937 г. Люшков выехал в Москву⁵⁸. В столице он как недавно избранный депутат от Дальневосточного края участвовал в сессии Верховного совета СССР (12—19 января 1938 г.) и в прошедшем чуть позже (24—25 января) совещании руководящего состава НКВД. Докладывая Ежову о ситуации в крае, Люшков, вероятно, сообщил и подробности операции против китайцев.

Развертывание «китайской операции». Хотя ряд событий начала 1938 г, включая решение январского пленума ЦК ВКП(б) «Об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из партии, о формально-бюрократическом отношении к апелляциям исключенных из ВКП(б) и о мерах по улучшению этих недостатков», свидетельствуют о некоторой вероятности того, что Сталин мог планировать снижение уровня репрессий в стране⁵⁹, в 1938 г. массовые операции продолжились с новой силой. Согласно показаниям А. А. Наседкина, на совещании руководящего состава НКВД Ежов, не забыв упомянуть о случавшихся перегибах, одобрил действия тех начальников УНКВД, которые приводили «астрономические» цифры репрессированных. Среди отличившихся был и Люшков, доложивший о 70 тыс. арестованных на Дальнем Востоке⁶⁰.

В заключительном выступлении на совещании нарком внутренних дел высказал уверенность в том, что обе массовые операции — «кулацкая» и «национальная» — будут продолжены⁶¹.

Действительно, 31 января 1938 г. соответствующие постановления были приняты на заседании Политбюро ЦК ВКП(б). Пункт 48 протокола № 57 утверждал для ряда регионов дополнительные лимиты по репрессированию «антисоветских элементов» и продлял операцию до 15 марта (в Дальневосточном крае до 1 апреля 1938 г.). В пункте 49 фиксировалось решение о продлении операций по национальным «шпионско-диверсионным контингентам»⁶².

Также было принято новое постановление о перебежчиках (пункт 50 протокола)⁶³, а на следующий день, 1 февраля, — постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР о запретной пограничной зоне и пограничном режиме в районе границы СССР с Японией, Кореей, Маньчжурией и Монголией (п. 61 протокола и приложение)⁶⁴.

В решении о продлении национальных операций, где были упомянуты и китайцы, говорилось:

«1. Разрешить Наркомвнуделу продолжить до 15 апреля 1938 года операцию по разгрому шпионско-диверсионных контингентов из поляков, латышей, немцев, эстонцев, финн, греков, иранцев, харбинцев, китайцев и румын, как иностранно-подданных, так и советских граждан, согласно существующих приказов НКВД СССР.

2. Оставить до 15 апреля существующий внесудебный порядок рассмотрения дел арестованных по этим операциям людей, вне зависимости от их подданства.

3. Предложить НКВД СССР провести до 15 апреля аналогичную операцию и погромить кадры болгар и македонцев, как иностранных подданных, так и граждан СССР»⁶⁵.

На следующий день, 1 февраля, Ежов подписал соответствующую директиву, разосланную под № 233:

«Всем наркомам внаудел республик, начальникам УНКВД, начальникам ДТО ГУГБ НКВД и начальникам 3, 4, 5, 6 и 11 отделов ГУГБ НКВД.

1. Ввиду запросов мест разъясняю — операцию по разгрому шпионско-диверсионных контингентов из поляков, харбинцев, латышей, греков, иранцев, как иностранных подданных, так и советских граждан, продолжить до 15 апреля 1938 года, согласно моих приказов 00485, 00593, 49990, 50215—1937 год и № 202—1938 года.

2. Одновременно начать аналогичную операцию по разгрому шпионско-диверсионных контингентов из финнов, эстонцев, румын, китайцев, болгар, македонцев, как иностранных подданных, так и советских граждан. Также подвергните аресту всех подозреваемых [в] шпионской, диверсионной и иной антисоветской деятельности немцев, состоящих [в] советском гражданстве, применительно [к] категориям, перечисленным [в] моем приказе 00485.

Операцию по этим категориям закончить 15 апреля 1938 года.

3. До 15 апреля 1938 года сохранить установленный моим приказом 00485 внесудебный порядок рассмотрения дел арестованных по всем этим операциям лиц, вне зависимости от их подданства.

4. При проведении операции обратить особое внимание на выявление и изъятие всех перебежчиков, независимо от страны и времени прибытия в СССР, а также политэмигрантов и всех связанных [с] иностранными миссиями, посольствами, консульствами, концессиями и иными иностранными учреждениями.

5. О ходе операций доносить пятидневными сводками сообщением количества арестованных и наиболее существенных материалов следствия.

Ежов»⁶⁶

В связи с тенденцией перенесения в 1938 г. акцента на операции «по национальным контингентам» появление в этом списке китайцев, как и расширение самого списка, не вызывает удивления.

Очевидно, поводом для включения в этот перечень китайцев послужили описанные выше события в Дальневосточном крае. Документы, имеющиеся в настоящее время в распоряжении исследователей, свидетельствуют, что на конец 1937 — начало 1938 г. это было самое масштабное мероприятие, проводимое в СССР в отношении китайской диаспоры⁶⁷. После отъезда Люшкова в Москву следствие продолжало свою работу, и поток донесений о китайцах не иссякал. Его исправно пополнял заместитель Люшкова Каган.

Так, 3 января он передал в центр жалобы японцев на невозможность из-за бойкота покупать продукты на базаре и на случай нападения на ребенка гувернантки японского консула (китаец, работавший на строительстве водопровода, пробравшись во двор консульства, ударил

молотком дочь русской гувернантки, в то время как сын консула успел убежать). Каган же подставил под сомнение реальность факта нападения, заявив, что проверка показала отсутствие китайцев среди рабочих на постройке водопровода, а также то, что гувернантка в указанный день из здания консульства вообще не выходила. Из этого зам. начальника УНКВД делал вывод, что «японское консульство прибегает к вымыслу для сокрытия роли японцев в провокациях», которые были «выявлены» во Владивостоке ⁶⁸.

Можно также отметить, что именно в донесениях начала 1938 г. линии расследования по провокаторам-диверсантам и по притонам окончательно были сведены в одну. В телеграммах от 6 и 9 января указывалось на многочисленные «факты» того, что китайцы — содержатели притонов — являлись японскими шпионами. Они обвинялись в сборе информации о военных частях и аэродромах, нефтебазах и оборонных заводах, передвижении войск и инфраструктуре, в выявлении секретной агентуры НКВД ⁶⁹. Также было «вскрыто широкое использование шпионами-притоносодержателями проституток, особенно в районе расположенных гарнизонов» ⁷⁰.

Таким образом, из представленных материалов вырисовывалась картина, подтверждавшая «специальное насаждение японской разведкой притонов в местах расположения крупных гарнизонов, в укрепрайонах и вблизи расположения крупных гарнизонов, в укрепрайонах и вблизи оборонных заводов — в целях шпионажа» ⁷¹.

Притоны, согласно сообщениям Кагана, служили явками и местом укрытия для контрабандистов и японских агентов. Часть китайцев, арестованных в притонах, призналась в участии в подготовке терактов, в том числе и против японских граждан. Среди посетителей и притоносодержателей были выявлены и члены тайных китайских обществ, которые, как отмечалось выше, связывались НКВД с японской разведкой ⁷².

Помимо наркотиков, принадлежностей для курения, игральных карт, советских денег и зарубежной валюты отдельно упоминалось изъятие у содержателя одного из притонов палочки черной китайской туши, которая была направлена на исследование «ввиду того, что установлено применение японской разведкой сильнодействующих средств бактериологической диверсии, изготавливаемых под видом туши» ⁷³.

Почти все упоминаемые в данной работе сообщения Дальневосточного УНКВД вскоре после получения их Ежовым ложились на стол Сталину и Молотову ⁷⁴. А копия сообщения из Хабаровска от 22 декабря, пересланная через несколько дней тем же адресатам, имела пометку об отданных наркомом распоряжениях об арестах и закрытии притонов. То есть, санкционируя развертывание «китайской национальной» операции в масштабах страны, высшее руководство ВКП(б) было во всех подробностях осведомлено о событиях в Дальневосточном регионе.

С другой стороны, с большой долей вероятности можно утверждать, что события на Дальнем Востоке сами по себе воспринимались как частный случай «национальной» операции в отдельном крае. Об этом свидетельствует и сравнение текста решения Политбюро от 31 ян-

варя с шифротелеграммой Ежова от 1 февраля 1938 года. В постановлении Политбюро к национальностям, чьи кадры надо «погромить» в ходе новых операций, относятся только болгары и македонцы, а китайская операция фигурирует среди продолжающихся. Телеграммой же Ежова продлялись операции по полякам, харбинцам, латышам, грекам и иранцам, а начать аналогичные операции приказывалось в отношении финнов, эстонцев, румын, китайцев, болгар, македонцев, а также советских немцев. То есть в протоколе решений Политбюро китайская операция позиционировалась как уже осуществляющаяся национальная операция с внесудебным порядком рассмотрения дел арестованных, а в директиве наркома внутренних дел как еще не начатая.

Судя по всему, это говорит о том, что и руководство НКВД и партийная верхушка воспринимали происходящее в ДВК как уже осуществляющуюся операцию по «национальным контрреволюционным элементам». Но, во-первых, директивы Ежова от 22 и 23 декабря 1937 г. носили лишь локальный характер и для того, чтобы операция приняла всесоюзный масштаб, требовалось распоряжение, оповещающее о ее начале всех глав наркоматов союзных республик и управлений НКВД. Во-вторых, включение операции против китайцев в общую группу «национальных» позволяло упорядочить и такие важные формальные вопросы, как определение срока проведения операции и порядка рассмотрения дел — с начала февраля 1938 года он официально стал «альбомным» и для китайцев.

Таким образом, установление причин появления директив наркома внутренних дел от 22 и 23 декабря 1937 г. не только позволяет заполнить существовавший пробел в истории репрессий против китайцев в период «большого террора», но также демонстрирует один из возможных механизмов инициирования подобной операции.

В данном случае этот механизм во многом был запущен «снизу», благодаря инициативе руководителей Дальневосточного УНКВД Люшкова и Кагана, имевших большой опыт фальсификации дел. Воспользовавшись стремлением руководства страны во что бы то ни стало избежать войны с Японией, Люшков и Каган сфокусировали внимание наркома внутренних дел Ежова на вымышленном источнике угрозы безопасности СССР. Антияпонское возмущение китайской общины, обусловленное острой фазой развития японо-китайской войны, было интерпретировано ими как контролируемая японскими спецслужбами провокация. Конкретные случаи проявления этого возмущения — бойкот, нападки и угрозы — были названы «провокационными действиями» и «террористическими намерениями», предпринимаемыми с целью создания повода для японо-советского конфликта.

Тем не менее очевидно, что получение санкции на проведение в Дальневосточном крае операции стало возможным только в результате уверенности наркома в том, что эта акция будет одобрена высшим партийным руководством. То, что сообщение из Хабаровска от 22 декабря с пометкой о данных Ежовым распоряжениях было переслано Сталину и Молотову только через несколько дней свидетельствует не о самостоятельности наркома в принятии подобных решений, а об осведомленности последнего о том, какие методы партийное руководство предпо-

читает использовать для ликвидации даже теоретической вероятности втягивания СССР в войну. Регулярная пересылка сообщений о ходе операции в Дальневосточном крае также представляла собой вид отчетности, через которую операция могла контролироваться лично Сталиным.

После принятия решения Политбюро ЦК ВКП(б) о продлении национальных операций с начала февраля 1938 г. китайцы формально оказались в общем списке «инонациональностей», дела по которым рассматривались в «альбомном» порядке по образцу оперативного приказа НКВД № 00485. С большой долей вероятности можно утверждать, что занесение представителей китайской диаспоры в СССР в этот список стало результатом развертывания операции в Дальневосточном крае, которая уже сама по себе могла восприниматься как локальная национальная операция.

Примечания

1. См., например: СОТНИКОВА И. Н. Помощь СССР Китаю в антияпонской войне 1937—1945 гг. В кн.: Роль СССР и Китая в достижении победы во Второй мировой войне. М. 2012, с. 37—46.
2. ХЛЕВНИЮК О. В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М. 2010, с. 288.
3. KUROMIYA H. Stalin's Great Terror and International Espionage. — The Journal of Slavic Military Studies. 24(2). 2011, p. 242.
4. ХАУСТОВ В. Н., САМУЭЛЬСОН Л. Сталин, НКВД и репрессии 1936—1938 гг. М. 2009, с. 265—266.
5. Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. 1937—1938. М. 2004, с. 273.
6. См., например: ПЕТРОВ Н. В., ЯНСЕН М. «Сталинский питомец» — Николай Ежов. М. 2008, с. 105; ХАУСТОВ В. Н., САМУЭЛЬСОН Л. Ук. соч., с. 268—271.
7. Лубянка. Сталин и Главное управление..., с. 271.
8. Там же, с. 272.
9. ПЕТРОВ Н. В., РОГИНСКИЙ А. Б. «Польская операция» НКВД 1937—1938 гг. В кн.: Репрессии против поляков и польских граждан. М. 1997, с. 22—24.
10. ПЕТРОВ Н. В., ЯНСЕН М. Ук. соч., с. 111—113.
11. ПЕТРОВ Н. В., РОГИНСКИЙ А. Б. Ук. соч., с. 28—29.
12. На практике «альбомы» часто утверждались членами комиссии без должного ознакомления. Обычной практикой было и перепоручение рассмотрения их лицам, не входящим в комиссию. Там же, с. 29.
13. ХАУСТОВ В. Н., САМУЭЛЬСОН Л. Ук. соч., с. 137, 228.
14. Там же, с. 290.
15. ПЕТРОВ Н. В., РОГИНСКИЙ А. Б. Ук. соч., с. 31—32.
16. Центральный архив Федеральной службы безопасности России (ЦА ФСБ), ф. 3, оп. 5, д. 2, л. 62—63.
17. Согласно переписи населения 1937 г., из 38 527 проживавших в СССР китайцев 24 589 приходилось на Дальневосточный край. См.: Всесоюзная перепись населения 1937 года: Общие итоги. Сб. документов и материалов. М. 2007, с. 87, 106.
18. Сталинские депортации. 1928—1953. М. 2005. Сборник вышел в серии «Россия. XX век. Документы».
19. Сталинские депортации..., с. 101.
20. Там же, с. 102.
21. Там же, с. 98—99.
22. См., например: БУГАЙ Н. Ф. Китайцы в СССР и России: политика двух стандартов (1920—1940-е годы). — Историческая и социально-образовательная мысль. Т. 8, № 1/2, 2016, с. 59; ДАЦЫШЕН В. Г. Политические репрессии и китайцы в СССР. В кн.: Сибир-

- ская ссылка. Иркутск. 2009, с. 492; ЗАЛЕССКАЯ О.В. Китайские мигранты на Дальнем Востоке России (1917—1938 гг.). Владивосток. 2009, с. 286; ЧЕРНОЛУЦКАЯ Е.Н. Принудительные миграции на советском Дальнем Востоке в 1920—1950-е гг. Владивосток. 2011, с. 258, 259.
23. ЗАЛЕССКАЯ О.В. Ук. соч., с. 285; ШИНИН О.В. Проведение органами безопасности активных мероприятий в 1922—1941 годах (на материалах Дальневосточного региона). — Проблемы Дальнего Востока. 2006, № 4, с. 153—155; ЧЕРНОЛУЦКАЯ Е.Н. Ук. соч., с. 217—218; ХАУСТОВ В.Н., САМУЭЛЬСОН Л. Ук. соч., с. 32—33, 35.
24. Там же, с. 32.
25. HARRIS J. Encircled by enemies: Stalin's Perceptions of the capitalist world, 1918—1941. — *Journal of Strategic Studies*. 30 (3) June, 2007, p. 541.
26. См. KUROMIYA H. Stalin's Great Terror and the Asian Nexus. — *Europe-Asia Studies*. 66 (5) July, 2014, p. 775—793.
27. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 558, оп. 11, д. 1121, л. 17.
28. См.: СОТНИКОВА И.Н. Помощь СССР Китаю в антияпонской войне 1937—1945 гг. Роль СССР и Китая в достижении победы во Второй мировой войне. М. 2012, с. 47—48.
29. Люшков возглавлял УНКВД Дальневосточного края с 31 июля 1937 г. вплоть до своего побега из СССР 13 июня 1938 г. ПЕТРОВ Н.В., СКОРКИН К.В. Кто руководил НКВД, 1934—1941: Справочник. М. 1999, с. 281.
30. Сталинские депортации..., с. 83.
31. ЧЕРНОЛУЦКАЯ Е.Н. Ук. соч., с. 228—232.
32. Там же, с. 256.
33. Например, среди осужденных только Военным трибуналом ОКДВА за шпионаж в 1935 г. было 10 китайцев, а в 1936 г. — 22. См.: ЗАЙЦЕВ Ю.М. Контрразведывательные мероприятия по защите объектов военной инфраструктуры на Дальнем Востоке СССР (1930-е гг.). — *Россия и АТР*. 2008, № 2, с. 129.
34. ЦА ФСБ, ф. 3, оп. 5, д. 2, л. 34—37.
35. Например, 18 декабря из Хабаровска в Москву были направлены протоколы допросов 6 китайцев, признавших, что переброшены на территорию СССР как японские шпионы. ЦА ФСБ, ф. 3, оп. 4, д. 861, л. 262.
36. В отложившейся в ЦА ФСБ копии отсутствует дата. Уточняющая телеграмма была отправлена из Дальневосточного УНКВД 22 декабря 1937 года.
37. ЦА ФСБ, ф. 3, оп. 4, д. 861, л. 256. Документы публикуются и цитируются в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации. Коррекции может быть подвергнуто использование прописных букв. Китайские имена, иероглифическое написание которых не известно, выделены курсивом и воспроизведены по оригиналу.
38. То есть «подданный Китая».
39. ЦА ФСБ, ф. 3, оп. 4, д. 861, л. 200—202.
40. В сопроводительной заметке к копии телеграммы Кагана № 11 716, 11 717, 11 718, которую Ежов 26 декабря переслал Сталину и Молотову, говорилось: «В целях пресечения шпионской и иной контрреволюционной деятельности в ДВК приказал приступить немедленно к ликвидации китайских и др. притонов на территории края». ЦА ФСБ, ф. 3, оп. 4, д. 861, л. 199.
41. ВКП(б), Коминтерн и Китай: Документы. Т. V. М. 2007, с. 78—79.
42. ХАУСТОВ В.Н., САМУЭЛЬСОН Л. Ук. соч., с. 95, 301—302.
43. ПЕТРОВ Н.В., ЯНСЕН М. Ук. соч., с. 127—128.
44. ЦА ФСБ, ф. 3, оп. 4, д. 861, л. 238.
45. Там же, л. 238—241.
46. Там же, л. 239—240.
47. Там же, л. 239, 260.
48. Там же, л. 240.
49. Там же, л. 241.
50. Там же, л. 241—242.
51. В сообщениях, согласно показаниям китайца Ци-Юн-Мина и двух советских граждан — Проценко и Зенина. ЦА ФСБ, ф. 3, оп. 4, д. 861, л. 239—242.

52. Добавим, что мотив убийства японского консула был использован уже не в первый раз. Например, всего за месяц до этого он присутствовал в материалах так называемой «корейской повстанческой организации». В частности, 28 ноября 1937 г. майор РККА, кореец Тен-хи-ше якобы признался, что помимо сорвавшегося задания по убийству Блюхера в 1933 г., он получал от японцев задание предоставить оружие для покушения на японского консула. Цель убийства, которое должно было произойти во время первомайской демонстрации, была все та же — развязывание войны между Японией и СССР. ЦА ФСБ, ф. 3, оп. 4, д. 861, л. 224—225.
53. В телеграмме от 29 декабря говорилось, что «в результате следствия по Владивостоку уже признались 11 человек прямо причастных к террору ...» ЦА ФСБ, ф. 3, оп. 4, д. 861, л. 260, а 30 декабря сообщалось, что по «Владивостоку из числа арестованных китайцев причастных к подготовке террористических актов в отношении японского консульства, созналось еще пять человек». ЦА ФСБ, ф. 3, оп. 4, д. 861, л. 308.
54. Там же, л. 240.
55. Там же, л. 311.
56. Там же.
57. Там же.
58. ЦА ФСБ, ф. 3, оп. 4, д. 861, л. 236.
59. ХЛЕВНЮК О.В. Ук. соч., с. 317—318.
60. ПЕТРОВ Н.В., ЯНСЕН М. Ук. соч., с. 146.
61. Там же.
62. Лубянка. Сталин и Главное управление..., с. 467—469.
63. Там же, с. 469.
64. РГАСПИ, ф. 17, оп. 162, д. 22, л. 115, 121—123; с сокращениями см.: Лубянка. Сталин и Главное управление..., с. 469—470.
65. Цит. по: Лубянка. Сталин и Главное управление..., с. 468—469.
66. ЦА ФСБ, ф. 3, оп. 5, д. 2, л. 62—63. Копия данной телеграммы, разосланной 2 февраля 1938 г. наркомом внутренних дел Украинской ССР А.И. Успенским в областные управления НКВД УССР (ОГА СБУ, ф. 16, оп. 31 (1951 г.), д. 59, л. 46—47), была опубликована в кн.: «Через трупы врага на благо народа». «Кулацкая операция» в Украинской ССР 1937—1941 гг. Т. 2: 1938 г. М. 2010, с. 30—31.
67. Необходимо отметить, что в других регионах страны также были отмечены случаи арестов китайцев по подозрению в шпионаже в пользу Японии, а также по приказу № 00447. Кроме того в 1937 г. НКВД также вновь активно взялся за бывших китайских учащихся коммунистических учебных заведений. Этому способствовало как их прошлое (ранее часть из них уже понесла наказание как троцкисты), так и продолжавшаяся жестокая борьба за власть среди воспитанников этих заведений (в которой активно использовались самые «грязные» методы). В результате многие были репрессированы: помещены в лагеря или расстреляны. См., например: СПИЧАК Д.А. Китайский авангард Кремля. Революционеры Китая в московских школах Коминтерна (1921—1939). М. 2012, с. 175—190.
68. ЦА ФСБ, ф. 3, оп. 5, д. 31, л. 323—324.
69. Там же, л. 186, 187, 220—223.
70. Там же, л. 221.
71. Там же, л. 220.
72. Там же, л. 222—223.
73. Там же, л. 190.
74. Используемые в данной статье донесения взяты из копий исходящих сообщений Ежова Сталину и Молотову. Только на одном из них, содержащем копию сообщения Кагана по прямому проводу (предположительно 21 или 22 декабря 1937 г.), отсутствует исходящий номер. Возможно, оно было подготовлено, но не отправлено в связи с появлением более подробной информации в телеграмме от 22 декабря (№ 11716, 11717, 11718), которая и была переслана высшему руководству ВКП(б).

Военное духовенство в русско-турецкой войне 1877—1878 гг. (на Балканском фронте)

М.М. Фролова

Аннотация. В работе на основе опубликованных источников (воспоминаний, записок и писем) впервые воссоздаются реалии походного быта и деятельности военных священников во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг., а также раскрывается их вклад в достижение победы русского оружия.

Ключевые слова: военные священники, русско-турецкая война 1877—1878 гг., А.И. Цитович, В.В. Гурьев, А.А. Лебедев, Г.П. Лапшин, И. Софронов, Шипка, Плевна.

Abstract. The work based on published sources (memoirs, notes and letters) for the first time recreated the realities of camping life and activities of military priests during the Russian-Turkish war of 1877—1878, and shows their contribution to the victory of Russian arms.

Key words: military priests, Russian-Turkish war of 1877—1878, A.I. Tsitovich, V.V. Guryev, A.A. Lebedev, G.P. Lapshin, I. Sofronov, Shipka, Plevna.

140-летний юбилей русско-турецкой войны 1877—1878 гг., оказавшей огромное влияние на цивилизационную судьбу народов Балканского полуострова и, в первую очередь, болгар, которым была дарована государственность, вновь привлекает внимание исследователей к тем событиям, заставляя обращаться к малоизученным проблемам, в том числе, деятельности военного духовенства. В дореволюционной историографии был собран богатый фактологический материал, раскрывающий процесс зарождения и становления этой институции, но о деятельности военных священников во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. писалось довольно лаконично¹. В советской исторической науке подобные проблемы не стояли в ряду актуальных². Исследовательский инте-

Фролова Марина Михайловна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН. E-mail: marinafrolova59@mail.ru.

Frolova Marina M. — candidate of historical sciences, senior researcher at the Institute for Slavic Studies of RAS. E-mail: marinafrolova59@mail.ru.

рес возник только в конце 1990-х годов. В работах современных авторов в связи с насущными потребностями российской армии ХХI в. основное внимание уделяется изучению духовно-нравственного воздействия полковых священнослужителей, опыта их религиозно-воспитательной работы, особенно в период первой мировой войны³. Небольшая статья С.Н. Емельяновой «Особенности несения службы военным духовенством в годы русско-турецкой войны 1877—1878 гг.»⁴, в которой весьма кратко и схематично был показан вклад духовенства в победу русской армии над турками, лишь подтверждает факт отсутствия в историографии конкретных изысканий по этому периоду.

Основным источником для исследования данной проблемы явились воспоминания, дневники, письма военных священников: иерея 8-го гренадерского Московского полка 2-й гренадерской дивизии Антона Андреевича Лебедева; благочинного 14-й пехотной дивизии и протоиерея 56-го Житомирского полка Александра Иоанновича Цитовича; благочинного 3-й гренадерской дивизии и полкового священника 9-го гренадерского Сибирского его императорского высочества великого князя Николая Николаевича (старшего) полка Вакха Васильевича Гурьева (1830—1890); полкового священника 138-го пехотного Болховского полка Григория Петровича Лапшина (ок. 1850 г. —?); иерея 19-го пехотного Костромского полка Иоанна Софронова.

Имена указанных священников (кроме И. Софронова) значатся в наградных списках, опубликованных в юбилейном издании «Столетие Военного министерства. 1802—1902». Самой высокой и почетной награды «за подвиги при обороне Шипки с 9 по 14 августа 1877 г.» был удостоен о. А.И. Цитович — Золотого наперсного креста на Георгиевской ленте, который вручали исключительно «за отличия под огнем неприятеля», «за беспримерные личные подвиги» и который нельзя было выслужить обычным порядком. Золотой крест жаловался самим императором по согласованию со Св. Синодом и выдавался из Кабинета Его Величества. Эта награда была очень редкой⁵. Орденом Св. Анны 2-й степени с мечами был пожалован о. В.В. Гурьев, орденами Св. Анны 3-й степени с мечами — о. Г.П. Лапшин и о. А.А. Лебедев⁶.

Военные дороги, которыми пришлось пройти о. Александру (Цитовичу), о. Григорию (Лапшину), о. Антону (Лебедеву), о. Вакху (Гурьеву) и о. Иоанну (Софронову) были разные, что придает сведениям, заключенным в их воспоминаниях, особую ценность, так как они позволяют в полной мере выявить многотрудную деятельность военных священников.

О. Александр (Цитович) вместе с 56-м пехотным Житомирским полком участвовал в сражениях при переправе через Дунай 15 июня 1877 г., на Шипке и дошел до Родосто. 19-й пехотный Костромской полк, где служил о. Иоанн (Софронов), в неудачном сражении за Плевну (Плевен) 8 июля 1877 г. потерял своего полкового командира — полковника И.М. Клейнгауза, 23 офицера и 914 нижних чинов, после 4-месячного пребывания в Никополе совершил зимний переход через Балканы и 19 декабря вступил в бой при Ташкисене. О. Григорий (Лапшин) находился в Рушукском отряде, и его 138-й пехотный Болховский полк принимал участие в боях у д. Езерджи, при Аясляре (с. Светлен), у д.

Нисово и в ряде рекогносцировок, квартировал в Видине (с 24 марта 1878 г. по 6 октября 1878 г.), в Херманлы (до февраля 1879 г.) и был отправлен 20 и 21 февраля из Бургаса на пароходах в Севастополь. На долю гренадер 2-й и 3-й гренадерских дивизий, где служили о. Антон (Лебедев) и о. Вакх (Гурьев), выпало участие в осаде Плевны, знаменитом сражении 28 ноября 1877 г. с войсками Осман-паши, в результате которого крепость пала. Перейдя через Балканы, бойцы достигли берегов Мраморного и Эгейского морей.

После объявления мобилизации начинались сборы в поход. Военному священнику, помимо своей экипировки, необходимо было подготовить церковные вещи. Полагалось иметь одну военно-походную церковь на дивизию. В целях достижения единообразия она должна была быть сконструирована по чертежам, высочайше утвержденным 31 июня 1873 г., и представляла собой шатер, который вмещал во время молитвы 10—15 человек. Впоследствии, в 1896 г., когда была учреждена особая комиссия при Главном интендантском управлении для изыскания способов сокращения грузов, возимых в войсковом обозе, был поставлен вопрос о необходимости подобной церкви: она была маловместительной, а для ее перевозки требовались две повозки и 6 лошадей. К тому же, согласно архивам, во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. военно-походная церковь 12-й пехотной дивизии ни разу не ставилась, а в 31-й пехотной дивизии ее установили лишь однажды, и в ней служились только две литургии⁷. В полках во время похода пелись «только молебны, и притом применяясь к погоде — краткие молебны или же по обстоятельствам без надлежащей торжественной обстановки, к которой более или менее привык всякий православный», — писал о. Григорий⁸.

В комплект церковной утвари, которую брали с собой в военный поход, входили: складной престол, антиминс, походный иконостас, крест-распятие, Евангелие, дароносицы (большая и малая), потир, мирница, чаша металлическая, полное облачение священника (цветное и траурное), подризник, кропило, пелена, образ Спасителя, образ полковой, ротные иконы, Октоих, требник малый, псалтырь, общая и праздничная минеи, книжка молебных пений, малая метрическая книга, ладан, кадило, дискос, подсвечники, восковые свечи и др.⁹. Церковные вещи вместе с сундуком, где они хранились, весили около 3 пудов (49,14 кг) и везлись в полковом обозе. Нередко они помещались в «полковой денежный ящик»¹⁰.

Перед походом священник получал 100 руб. подъемных и 125 руб. на лошадь; в течение похода ему выдавались фуражные деньги, но экипаж не полагался. На обзаведение собственным экипажем полковому священнику необходимо было специальное разрешение военного начальства. Впрочем, как писал о. Григорий (Лапшин), это разрешение давалось без особых затруднений, но священники сами отказывались от экипажа из-за плохих дорог в Европейской Турции и «делали поход верхом, что очень одобрялось начальством, так как лишние экипажи затрудняли движение войск, и иногда требовалась помощь солдат при движении по непролазной грязи и при крутых подъемах и спусках»¹¹.

Однако не все военные священники были лихими наездниками. В.В. Гурьев признавался, что он «не мастер ездить верхом», поэтому

так и не обзавелся собственной верховой лошастью. Не было у него и отдельной повозки: вместе со зрителем лазарета капитаном 6-го гренадерского Таврического полка П.П. Глобовым они приобрели одну на двоих ¹². В этой связи объясним эпизод, имевший место во время осмотра 11 октября 1877 г. Александром II эшелона 24-й пехотной дивизии, направлявшейся на Шипку. Во время церемониального марша сзади обоза ехал верхом священник 94-го пехотного Енисейского полка, который, поравнявшись с монархом, «снял шапку и преподнес благословение императору». «Это понравилось его величеству, и потому он милостиво обратился к священнику и, между прочим, спросил, привыкли ли он ездить верхом» ¹³. В это время о. Вакх шел пешком по разбитым дорогам, что было чрезвычайно утомительно, особенно в дождь, так как черноземно-глинистая почва превращалась в слякоть, прилипала к сапогам, и на ногах «повисали пудовые гири» ¹⁴.

О. Александр (Цитович) свидетельствовал, что в походе все священники шли «безотлучно в рядах войск своих частей и никогда не позволяли себе отлучаться в обоз, который постоянно отставал от отряда и отдыхал там, где ему вздумается». «Дождь, грязь, зной и холод мы одинаково переносили с солдатом, вместе обливались градом пота, вместе промокали до костей, вместе топтали весной бессарабскую грязь, вместе на привале отдыхали, вместе в палатке спали, вместе и из одного котла ели, словом, радость и горе, труд и отдых делили пополам. Солдат ежеминутно видел пред собой своего духовного отца, видел в нем пример терпения и радости», — вспоминал Цитович. Он также сообщал о том, что во время передвижения полка деятельность священника, как и каждого офицера, была невелика: «нужно только, чтобы солдат не притворялся больным и не занимал бы, таким образом, место в лазаретной линейке, не отставал бы от своей части, чрез что растягивается и замедляется движение полка, наконец, чтобы солдат не пил грязной воды. Священник, врачи и дежурный офицер идут позади полка и на всякого утомленного, отстающего солдата могут действовать нравственно-побудительно» ¹⁵.

В мемуарах и записках участников той войны очень редки и скудны упоминания о священниках, поэтому так ценны свидетельства об их обыденном ратном труде, которые можно найти, например, в воспоминаниях сестры милосердия С.А. фон Кениг. В конце августа 1877 г., во время тяжелого 35-верстного перехода от д. Путиной до д. Бригадира, в страшную жару благочинный 26-й пехотной дивизии и протоиерей 101-го Пермского полка Николай Иванович Постников (1820—1881) ехал верхом, но, нагнав С.А. фон Кениг и видя ее усталость, отдал ей свою лошадь, а сам пошел пешком. При этом он, «чтобы облегчить хоть одного солдата», которые с непривычки к длительному пешему движению изнемогали под тяжестью ранцев, скатанных шинелей и отставали, «взял ружье и пошел пешком с ротой». Однако немолодой возраст военного священника и тяжесть похода заставили его воспользоваться лазаретной линейкой, но и тут он вскоре уступил место обессиленным солдатам, которых подбирали по дороге, и пересел на козлы к конюху ¹⁶.

Личные вещи полкового священника находились в офицерском обозе, который так же, как и полковой обоз, не поспевал вовремя, поэтому

предметы первой необходимости священники возили с собой. О. Григорий (Лапшин) отмечал, что вначале в сумку через плечо он укладывал дароносицу с запасными дарами, крест, требник и епитрахиль, а за седлом помещал одеяло, непромокаемое пальто от дождя и перемену белья. Медный котелок и чайник с жестяным стаканом, а также дневной запас пищи несли денщик и церковник (служитель в церкви, не посвященный в церковный сан). Впоследствии, когда обоз стал надолго задерживаться и очень сильно отставать, церковные вещи первой необходимости священник стал возить в лазаретной линейке.

Весьма ответственным делом был выбор денщика, так как в его обязанности входили: приготовление пищи, заготовка припасов для обедов и корма для лошади, а также уход за одеждой, обувью и лошадью. Лапшин посвятил целую статью своему денщику Макарову, который честно и ответственно исполнял всю свою работу, являясь одновременно и поваром, и лакеем, и экономом. При этом в условиях невзгод и опасностей военного времени между ними сложились самые сердечные взаимоотношения, что напомнило о. Григорию тип прежнего слуги, прежнего денщика, который считал семью своего барина родной и дорожил интересами своего господина ¹⁷.

Верхним одеянием лиц духовного звания являлась ряса, но в походных условиях она была весьма неудобна, кроме того, в сильную жару в ней было очень жарко, и, как правило, ее возили в лазаретной линейке ¹⁸. Наступившая стужа заставила священников переменить одежду. Гурьев описал свой рабочий костюм так: «На мне мой дубленый полушубок, подпоясанный ремнем, черная барашковая шапка и длинные походные сапоги на четверть в грязи; в таком наряде трудно признать во мне священника, и многие солдаты чужих полков действительно принимали меня за торговца...» ¹⁹ Заметим, что впоследствии собрание духовенства 1-го армейского корпуса, проведенное летом 1917 г., в числе пожеланий предстоящему съезду военного и морского духовенства предложило «отменить ношение вне службы духовного платья, так как особенно в походном движении оно стеснительное и неудобное» ²⁰.

До наступления холодов полковые священники жили, как и все, в походных палатках. О. Вакх, например, делил ее со смотрителем, к которому «поминутно ходят фельдфебель, каптенармус, артельщик, писаря, служители». Места в ней было столь мало, что если входили два человека одновременно, то и «повернуться негде». К тому же ночи стояли холодные, и «в тонкой палатке пробирает порядочно», — сетовал Гурьев в начале октября. В конце того же месяца он с удивлением констатировал особенности климата и природы Придунайской Болгарии: «Днем до того тепло, даже жарко, что ходим в одних сорочках, а вечером все в шубах, полушубках, у кого они есть, и только отогреваемся чаем и коньяком: уж слишком жестоко зябнем мы по ночам, никакие полушубки не спасают. Ложиться в постель — чистое наказание; раздеться нельзя, в палатке ужасно продувает; так в чем ходишь вечером, в том и в постель» ²¹. Гурьеву не довелось жить в землянках, которые начали рыть с приближением зимы. Он посетил некоторые, и ему стало «с непривычки жутко», возникло впечатление глубокой темной могилы ²². В начале ноября, после ухода 4-й кавалерийской дивизии, штаб которой

занимал все дома в Трыстенике, о. Вакх перебрался вместе с главным врачом дивизионного лазарета А.И. Ваттерном в один земляной домик с черепичной крышей и тремя окнами, в которых вместо стекол были вставлены русские газеты, с крыльцом на столбиках; в единственной комнате находилась «железная печка без заслонки для удержания тепла», «очаг или деревенский камин, устроенный прямо на полу». После «двухнедельного промерзания» в «бивуачной палатке, в которой осенний зефир с морозом гуляет как у себя дома», эта квартира показалась о. Вакху «очаровательнее всякого палаццо»²³.

Особенно трудно было военным священникам на Шипке, где 1 сентября погода испортилась: дождь, грязь, слякоть, а 15 сентября уже выпал снег. Цитович вспоминал, что они жили «в ложементх (ров или яма с бруствером для прикрытия от неприятельских выстрелов. — *М.Ф.*), в земле, в постоянной сырости; стены ложементов всегда были покрыты дождевыми каплями, нас окружал холод невыносимый, так как дверей, плотно затворяющих ложементы, нельзя было сделать; при сильном дожде явилась течь самая надоедливая. Спали мы не раздеваясь, а потому нечисть окончательно заедала нас». Переход из ложемента в ложемент, доставку воды или дров «каждый из нас совершал с опасностью потерять жизнь. Сотни случаев было самого неожиданного ранения или смерти... Только ночью мы спокойно выползали из ложементов, чтобы расправить кости и свободнее вздохнуть воздухом»²⁴.

Военные священники отмечали, что, в отличие от мирного времени, когда молитва нередко воспринималась как «обязательный и нелегкий долг», и военнотружущие русской армии, не отличаясь особенной религиозностью, молились зачастую «холодно, без сердечной теплоты», во время войны близость смерти заставила воинов вспомнить о Боге. О. Григорий перефразировал известную русскую пословицу «Кто в море не бывал, тот Богу не молился» в соответствии с пережитым в походе 1877—1878 гг. таким образом: «Кто на войне не бывал, тот Богу не молился»²⁵. О. Вакх, исходя из своего опыта, эту же пословицу сформулировал иначе: «Кто в битве побывал, тот вере в Бога научился!»²⁶ Каждый праздничный и воскресный день полковые священники отправляли с вечера утреню, а в самый день праздника — полевую обедницу на открытом воздухе. При этом у каждого священника в памяти хранились воспоминания о наиболее примечательных по своему духовному накалу и искренности чувств молебнах во время русско-турецкой войны 1877—1878 годов.

Для о. Александра особенно памятен был молебен накануне переправы через Дунай, 14 июня 1877 г., когда стало известно, что 14-й пехотной дивизии доверено первой вступить на неприятельский берег у Систова. Начальник дивизии М.И. Драгомиров приказал отслужить во всех полках молебны, «чтобы каждый солдат, помолясь Богу, с верой и надеждой на Него приготовился к переправе». В 10 час. утра батальоны 56-го Житомирского полка выстроились буквой «П» на плацу, где уже был приготовлен аналой. Начался молебен. Из фронта вышли все, умевшие петь, и «в воздух понеслась стройным мотивом священная песнь». По окончании молебна командир полка произнес от себя несколько слов для воодушевления солдат и приказал разойтись по палат-

кам. Однако не прошло и 10 минут, как солдаты обратились к о. Александру с просьбой отслужить молебен в каждой роте. При этом, «одна рота просила молебен святителю Николаю, другая — Иоанну-воину, третья — великомученику Георгию-Победоносцу, четвертая — акафист Спасителю, пятая — акафист Пречистой Деве». Будучи военным священником не один год, имея чин протоиерея и звание благочинного, о. Александр признавался: «... ничего подобного в жизни своей я не видел; это задушевное, неподдельное моление тысячи воинов, предназначенных к грозно-кровавому делу, производило невыразимое впечатление». Полковой протоиерей был сам растроган до слез: «Мысли чужды были земли; душа была переполнена самою высокою верою и надеждою на Бога». Это спонтанное моление в ротах продолжалось не менее трех часов. Наконец, роты разошлись. Но при возвращении с плаца о. Александр был окружен опять толпой солдат с просьбой принять деньги на хранение: «Батюшка! ... Жив буду, возвратите, убьют, так по этому письму, будьте добры, перешлите моей жене или отцу». Саквояж протоиерея быстро наполнился солдатскими письмами с деньгами. Затем стали подходить с той же просьбой офицеры, и у полкового священника оказалась «порядочная сумма денег и вещей на хранение»²⁷.

Точно так же перед выступлением под Плевну офицеры и солдаты 9-го гренадерского Сибирского полка сделали о. Вакху «много весьма грустных поручений и завещаний»: «Один передал... заветный медальон для передачи по назначению, другой карточку; тот просил, если его убьют, передать отцу родовую, заветную саблю, если она останется цела». Кто-то просил при похоронах «снять с его груди золотой образок и отослать старушке-матери»... Полковому священнику отдали множество золотых вещей и адресов, и он с прискорбием предчувствовал: «Сколько мне придется написать печальных писем, если случится какая-нибудь, подобная прежним, катастрофа... Но дал бы Бог, чтобы мне никогда не писать таких горьких писем!»²⁸

В 5 час. 14 июня 1877 г. все священники 14-й пехотной дивизии собрались у своего благочинного о. Александра (Цитовича) и сообщили, что «при служении молебна настроение духа в полках было нравственно-цельное, глубоко прочувствованное». В 6 час. вечера забили сбор, и дивизия отправилась в Зимницу²⁹.

Настроение солдат перед тем первым боем передал в своих воспоминаниях Ф. Миняйло, рядовой 54-го пехотного Минского полка, который входил в состав 14-й пехотной дивизии. Полковой иерей о. Доримедонт (Твердый) служил молебен о благополучной переправе через Дунай. «Все мы смиренно стояли, с глубоким и теплым чувством слушая молебное пение. На душе моей было тягостно, и мне уже представлялось, что я в последний раз присутствую при божественной литургии... Слова пастыря действительно утешили и успокоили сердца наши... На душе моей стало легче... Его слова укрепили во мне уверенность в нашей победе»³⁰.

О. Григорий (Лапшин) утверждал, что для русского человека необходима была торжественная обстановка и внешнее благолепие, благодаря чему достигалось молитвенное состояние духа. Однако в его практике имели место случаи, когда и при отсутствии этих внешних атрибутов

молитва была высокой и проникновенной. Так, в один из теплых августовских вечеров, когда 138-й пехотный Болховский полк, простояв бивуаком на одном месте несколько дней, сумел отдохнуть и обустроиться, о. Григорий сказал, что послезавтра, 6 (19) августа, Преображение Господне, и хорошо бы завтра отслужить всенощную. Батальонный командир Н. Ив-ч, «общий полковой любимец», предложил не ждать завтрашнего дня, а отслужить сейчас: никто не знает, «где-то еще будем, да и будем ли живы и здоровы». Через 15 минут приготовили стол, на нем стоял походный полковой образ-складень и теплились 2 свечи. Подошли офицеры, среди которых было немало «прекрасных и опытных певцов». Собралось и значительное количество солдат. Едва началась служба, «как все почти свободные от занятий солдаты без всякого зова и распоряжения были на ногах и молились». О. Григорий вспоминал: «Тишина в воздухе стояла мертвая, свечи не гасли, месяц скромно освещал эту картину, а вдали виднелись огоньки неприятелей, громко, но стройно звучали голоса певцов, благословляющих Величие Господа, вся премудростию сотворившаго, и сердца слушателей умилялись...». Полковой иерей читал ектению, «и из грудей тысячной толпы слышались молитвенные вздохи, а уста вместе с певцами шептали “Господи помилуй”. “Свете тихий святые Славы” лились звуки священно-поэтической песни, и в взволнованные тяжестями похода души проникал мир, спокойствие и светло-радостное настроение». Когда закончилась всенощная, Н. Ив-ч поблагодарил о. Григория и признался, что только сейчас понял, что такое молитва и какое высокое наслаждение она дает человеку. Н. Ив-ч с тех пор «сделался усердным богомольцем»³¹, — отмечал военный священник.

Еще один случай запомнился о. Григорию, когда в полк неожиданно приехал генерал-лейтенант А.Ф. Ган, командир 13-го армейского корпуса, куда входил 138-й пехотный Болховский полк. Генерал лично объезжал части корпуса, чтобы поддержать дух солдат и ободрить их, поскольку начался период неудач русской армии, и надежды на скорую кампанию и быстрое возвращение домой рухнули. Весело поговорив с солдатами и поблагодарив их «за молодецкую службу», Ган, увидев полкового священника, выразил желание сейчас же помолиться вместе с солдатами. У о. Григория в тот момент, кроме дароносицы, небольшого креста и епитрахили, которые он всегда возил с собой, ничего не было для молебна. Полковой образ, Евангелие и риза находились в обозе, стоявшем в 4—5 верстах от того места, где расположился полк. Но нельзя было пропустить удобный момент для молитвы, когда чувства солдат «особенно были возбуждены речью корпусного командира», да и сам генерал не мог ждать. О. Григорий вынул из сумки дароносицу, разостлал плат на обрубке дерева, надел епитрахиль, взял в руки крест и начал служить короткий молебен, причем, пропел «Тропарь», знакомый солдатам, чтобы и они могли принять участие в пении. Евангелие он прочитал на память и, закончив многолетием, обошел, с пением «Спаси, Господи» ряды солдат, осенняя их крестом. Не было у полкового иерея в запасе и святой воды, чтобы окропить солдат. Но при этом молебен оказал большое влияние на подъем религиозного чувства солдат: «Они тепло и от сердца молились, и сам я чувствовал особенное религиозно

молитвенное возбуждение», — вспоминал о. Григорий. Впоследствии он пришел к выводу, что если бы молебен был отложен на два часа, то скорее всего такого «религиозного воодушевления в солдатах не произошло бы, хотя молебен и было бы отслужено при более благоприятной внешней обстановке»³².

На Шипке служение молебнов, погребение умерших приходилось совершать ночью или же при сильном тумане, когда туркам ничего не было видно. О. Александр вспоминал: «А сколько было несчастных случаев ранения при служении! Бывало, отправляется погребение, вдруг неприятель пускает гранату по собравшейся кучке солдат, и вы слышите команду “ложитесь”, и ложишься в облачении на землю, притаив дыхание...»³³

О. Вакх сохранил в памяти не молебны под открытым небом, где благодаря «обширному храму природы» собиралось более тысячи молящихся воинов³⁴, а те богослужения, которые проходили среди раненных офицеров и солдат, среди больных тифом. Так, 12 февраля 1878 г. в большом доме в г. Казанлык, в котором свирепствовал тиф, он служил последнюю прощальную обедницу, так как через несколько дней лазарет 3-й гренадерской дивизии выступал далее в Адрианополь и Чорлу. О. Вакх служил «обедницу беспокойно, с заметным волнением в голосе, которое сам же слышал и которого никак не мог подавить в себе». «Как молились мои недужные, обремененные страдальцы: такой задушевной, такой простой, из самой глубины сердца вытекающей молитвы я ни разу еще не видал в жизни!» Через несколько месяцев, уже в Чорлу, когда и там эпидемия тифа пошла на спад, о. Вакх, видя, с каким чувством молились выздоровевшие, вспомнил офицерский молебен в Казанлыке: «Да, война и тиф — великая школа благочестия! Сколько у меня в памяти отраднейших опытов в этом роде...»³⁵ О. Вакх отметил замечательное явление среди раненных офицеров, большинство из которых, по его мнению, выросло «под влиянием свирепствовавших тогда бредней Писарева, Чернышевского, Фейербаха, Бюхнера и tutti quanti (все прочие. — М.Ф.)...» «Религиозное чувство парализовано было в них до последней степени», — писал полковой иерей. «Но вот, благодаря шипению турецких пуль и ужасам кровавой битвы это чувство проснулось, воскресло и заговорило в них так громко и сознательно, что теперь никакие Фохты и Мошоты не ослабят его до конца жизни», — уверен был о. Вакх. «Страшен этот урок, зато и памятен на всю жизнь»³⁶.

Во время боя военный священник находился на перевязочном пункте, который «устраивался недалеко от линии огня и непременно близ воды; пули и гранаты и сюда залетали и наносили ранения и смерть»³⁷. О. Александр (Цитович) рассказал о деятельности полковых иереев во время сражений 15 июня 1877 г. и на Шипке. Так, перевязочный пункт при переправе через Дунай сначала размещался на румынском берегу, а потом — на турецком, куда переправились на понтонах и священники. Цитович распорядился, чтобы церковники бесперебойно доставляли раненым холодную воду, так как все санитары и фельдшеры были заняты. Священники должны были не только успокаивать раненых, внушая им, что их раны не смертельны, но и укрывать от жгучих лучей солнца, поправлять постель, чтобы удобно было лежать. Часто священник нахо-

дился на операциях, приходил к тяжелораненым и, учитывая их состояние, подготавливал их к исповеди и св. причастию. Если же человек находился в беспамятстве, то священник читал ему отходную молитву. 15 и 16 июня собирали и хоронили убитых — русских и турок ³⁸.

10 августа в 3 час. ночи 56-й Житомирский и 55-й Подольский полки были направлены на Шипку, на подмогу 36-му пехотному Орловскому, 35-му пехотному Брянскому полкам и стрелкам. О. Александр писал, что никогда не забудет тот форсированный марш при страшной жаре и недостатке пищи: «Люди падали от изнеможения не десятками, а сотнями». Прибыв на место 11 августа, на следующий день житомирцы вступили в бой. Сражения были столь ожесточенные и упорные, что не было никакой возможности подвезти солдатам не только пищу, но даже воду. Ни войска, ни раненые на перевязочном пункте почти ничего не ели в эти страшные дни 12 и 13 августа. Затем доставили продовольствие: «8 пудов сухарей, 2 пуда круп, голову сахару и 2 фунта чаю». Болгары также привезли «от себя ведер 6 водки, ведра 2 вина, пудов 6 листового табака». Корпусный хирург обратился к Цитовичу с просьбой принять все это в свое распоряжение и раздавать раненым. На Шипке, кроме перевязочного пункта, в двух верстах был размещен лазарет 9-й дивизии. Священники Орловского и Брянского полков отправились в свой дивизионный лазарет для ухода за ранеными, а на перевязочном пункте остались священники 14-й дивизии и «успокаивали раненых, напутствовали умирающих и погребали скончавшихся, кормили, поили и вообще служили при раненых словом и делом. Церковники были заняты носкою воды» ³⁹.

Разумеется, хладнокровием и мужеством воинов наделены были не все полковые священники. Иерей 19-го пехотного Костромского полка о. Иоанн (Софронов) признался, что когда он 8 (20) июля 1877 г., выполнив свои обязанности на перевязочном пункте, направился к батарее и очутился на возвышенности за Гривицей, попав при этом на линию огня, над его головой с шумом пронесся снаряд, упал в нескольких шагах от него, но не взорвался, а только обдал пылью, «с визгом и каким-то неприятным шипением» падали «там и сям» пули. Нервы его не выдержали, и на несколько минут он потерял сознание, а придя в себя, поскорее убрался из опасной зоны. Преодолев минутную слабость, священник продолжил путь к батарее и, встречая раненых, павших духом под впечатлением гибели командира полка полковника Клейнгауза и многих офицеров, успокаивал, ободрял их, вселял в них надежду ⁴⁰.

Иным был образ действий протоиерея 101-го Пермского полка о. Николая (Постникова). Когда 2 сентября 1877 г. начался бой у деревни Осиково, чтобы не подвергать себя «бесполезной опасности», он залез в лазаретную линейку. Но турецкая пуля пробила ее брезент, хотя лазарет был расположен далеко от места сражения, и тогда полковой священник спрятался за дерево — «так поспокойней!» ⁴¹ На фоне бесстрашия сестры милосердия С.А. фон Кениг, молодой женщины, которая, не обращая внимания на пули и гранаты, оказывала первую помощь раненым, малодушие пожилого священника (57 лет) было еще заметнее. Впрочем, отвага в людях гражданских профессий в обстановке смертного боя — большая редкость. В следующем сражении, 9 сентября, при

Церковне доктор Беркман пришел в ужас, когда на его глазах ядро разнесло санитаров, принесших раненого на перевязку. Софья Александровна, понимая состояние доктора, посоветовала ему уйти на главный перевязочный пункт, где он будет нужнее, то есть подальше от пуль, картечи и ядер, но при этом сама осталась в столь опасном месте ⁴².

Крайне редко, но тем не менее встречались и случаи особой «нерадивости» военного священника в исполнении своих обязанностей: об одном из них сообщил сотник Владикавказского полка Терского казачьего войска А. В. Верещагин. В Систове он обратил внимание на полкового священника (имя не названо), который сидел на скамье перед духаном (кабаком), — «здоровый поп, борода с проседью, лицо заспанное, одутловатое, выговор имел похожий на малороссийский. (Он был родом из Бессарабии)». Верещагин, впоследствии не раз его встречавший, находил его «преоригинальнейшей личностью»: за всю кампанию он этого попа ни разу не видел «ни в деле, ни на перевязочном пункте. Его можно было найти только в обозе, лежащим в фургоне и непременно под хмельком». Во время плевненских сражений брат А. В. Верещагина известный художник В. В. Верещагин спросил этого попа: «Что же вы, батюшка, на позицию не съездите?» А священник «самым спокойным голосом ответил: “Не стоит, — не награждают!”» ⁴³ И отношение к священнику было соответствующее. Он купил отличную болгарскую лошадь, чтобы в походе ездить верхом. Но недолго ею владел, так как «кто-то из русских же стащил его с коня» и уехал, крикнув «на прощанье», что поп не для этого коня. И хотя при каждой встрече с А. В. Верещагиным священник рассказывал «самым смиренным голосом этот случай», делая акцент на том, что он ничего не предпринимал, чтобы разыскать и возвратить свою лошадь, офицеры свидетельствовали, что, напротив, поп «повсюду ездил, подавал рапорты, прошения, делал заявки». «Ничто не помогло, конь как в воду канул — пропали батькины 25 полуимпериалов» ⁴⁴, — заключал А. В. Верещагин не без иронии.

В минуты затишья военный пастырь шел к солдатам и беседовал с ними «как отец с родными детьми». Ф. Миняйло рассказывал, что полковой иерей о. Доримедонт (Твердый) во все время похода утешал, ободрял «отрадными словами» и своими поучительными наставлениями многих избавлял от печали и скорби. Миняйло называл своего духовника великим и непоколебимым человеком, исполненным добродетелью и религиозностью. О. Доримедонт, который «сердечно любил всех нас (солдат — М. Ф.) как христоролюбивых воинов», служил «примером непобедимого борца за Отечество и образцом геройства» ⁴⁵. Мужество полкового иерея было высоко оценено: «за пребывание на Шипке во все время ее обороны» ему был пожалован золотой наперсный крест на Георгиевской ленте ⁴⁶.

«Письма» В. В. Гурьева прекрасно раскрывают особенности деятельности священника, состоявшего при дивизионном лазарете. Кроме своих прямых обязанностей — исполнение треб — он извещал родственников об умерших, писал письма от имени больных и раненых на родину: «Не чернилами, а горькими слезами, измученным сердцем пишутся и диктуются эти предсмертные, последние заветы любящей души...» ⁴⁷ Священник также нередко организовывал подготовку поме-

щений для раненых, их вынос с поля боя, размещение по квартирам и землянкам. О. Вахх выполнял интендантские обязанности по приему, хранению и распределению среди больных и раненых предметов первой необходимости (белья, одежды, шапок) и продовольствия (чая, сахара, вина, консервов, сгущенного молока), а также махорки и папирос, привозимых членами Красного Креста в лазарет. Он также оказывал психологическую помощь при операциях, ассистировал хирургам, перевязывал раны, менял повязки, выполнял обязанности брата милосердия — ухаживал за ранеными (кормил и поил покалеченных).

О. Григорию (Лапшину) во время эпидемии тифа в Видине, куда 138-й пехотный Болховский полк прибыл 24 марта 1878 г. из-под Рущука, пришлось ежедневно проводить по 8—10 час. среди больных, исполняя обязанности не только священника, но и брата милосердия, и фельдшера. Нагрузка была огромной, поскольку медицинский персонал полка состоял всего из двух врачей (один вскоре заразился и умер) и семи фельдшеров (два из них находились при ротах в г. Белградчике и Рахове), а вновь набираемая в лазарет прислуга не знала, как ухаживать за больными. К тому же запас медикаментов быстро истощился, а ближайший госпиталь был в 350 верстах от Видина. Только через два месяца прибыл в город военно-временный госпиталь № 2 с достаточным количеством докторов, сестер милосердия, братьев милосердия из студентов, а с ними — 300 человек прислуги ⁴⁸.

В «Постановлении» от 1869 г., которое было принято в ходе военной реформы и в котором в 19-ти пунктах были уточнены и сформулированы «общие обязанности» военных священников, не имелось указаний на необходимость оказания ими медицинской помощи. Однако воспоминания военных священников свидетельствуют о том, что они нередко выполняли обязанности медперсонала, что было возможно благодаря знаниям по медицине, которые давались в семинарии. Опыт и практика русско-турецкой войны 1877—1878 гг., а затем и русско-японской войны 1904—1905 гг. были учтены при составлении «Инструкции обязанностей военного священника на поле боя и в тылу», принятой в 1914 г., накануне первой мировой войны. Согласно этому документу, военному священнику вменялось в обязанность помогать врачам в перевязке раненых.

Во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. исполнение привычных для священника треб нередко было сопряжено с чрезвычайным психологическим напряжением и эмоциональным стрессом. В первую очередь, это касалось обряда погребения. Так, во время ускоренного марша 138-го пехотного Болховского полка, вскоре после переправы через Дунай, когда стояла невыносимая жара и лазаретная линейка не могла уже вмещать всех ослабевших, от утомления и солнечного удара умер солдат. Командир полка полковник В.В. Буссе приказал тотчас же предать его тело земле. О. Григорий попытался возразить, поскольку с момента смерти не прошло и 15 минут и «погребать его неудобно и как-то зазорно». С другой стороны, как везти с собой тело в бой? Или бросить его не погребенным на съедение хищным птицам и зверям? Нельзя было и оставить караул у тела, чтобы спустя несколько часов похоронить солдата, поскольку ожидался бой, люди были нужны для

дела, а священник — для раненых и умиравших от ран. «Со стесненным сердцем и упавшим от волнения голосом» полковой иерей начал отпевание первого покойника «в неприятельской стране» под удары лопат четырех солдат, копавших могилу. «Угрюмы были лица солдат, ни звука никто из них не проронил, каждый думу думал про себя». Через 30—40 минут могила была зарыта, и нужно было догонять свой полк ⁴⁹.

Первые похороны в Придунайской Болгарии также доставили много тяжелых переживаний о. Вакху. 25 октября 1877 г. на бивуаке у Трыстеника он погребал первую жертву дизентерии — рядового Малороссийского полка Макара Ситниченко. Тело положили в могилу «без гроба, в грязнейшем белье, в изорванной одежде, ничем не покрыв». «О, как тяжело было бросать первую лопату сырой земли на свежий человеческий труп и прямо в открытое лицо!» О. Вакх, не выдержав, горько заплакал, невольно расплакались и певчие, и солдаты-носильщики, и собравшиеся посмотреть первые похороны. Однако в этой «голой безлесной пустыни», где «на десятки верст кругом ни единого деревца или кустика», а «окрестные жители — болгары — живут в землянках, отапливая их кизяком или кукурузными стеблями», а «дерево продается тут чуть не на вес золота», следовало приспособливаться. И тонкие старые досочки, которые с трудом отыскивали и купили для первого гроба, было признано «более полезным и более человеческим» оставить для «общей квашни для печения хлеба больным», поскольку везти хлеб из Турн-Мугурелли, где были устроены печи для выпечки хлеба для русской армии, из-за расстояния в 45 верст было «совершенно немыслимо», «особенно в дождливое время» ⁵⁰. В ноябре 1877 г. пришло распоряжение «хоронить теперь не только без гробов, но и безо всякой казенной одежды, в одном белье». «Тяжелое впечатление производит на душу такая форма погребения, особенно еще под проливным дождем», — замечал о. Вакх. Но эта мера была вынужденной: оказалось, что при наступлении холодов у многих солдат не было шинелей (растеряли или промотали — не стали доискиваться). «Вот стали мы раздевать мертвых, чтобы спасти от холода живых», — с горечью писал о. Вакх ⁵¹.

28 ноября 1877 г. о. Вакх поспешил на поле боя у Плевны. Это была, по его словам, «картина, приводящая в содрогание!» «Что вокруг делается, — вспоминал он, — невозможно рассказать, сообразить: врачи, санитары, офицеры, простые солдаты, болгары ведут, несут, тащат — кругом стон, вопль, один какой-то гул, душу раздирающий гул, среди которого, как отдельные аккорды какой-то адской музыки, пронесутся то сильный вопль, то скрежет, то предсмертное хрипенье, прерывчатое, клокочущее...» В лазарете в те дни работы было «свыше сил человеческих!» Хоронить приходилось не только мертвых, но и ампутированные в операционной палатке руки и ноги воинов. «Человек еще жив, а часть его уже в могиле...» — такие ощущения охватывали священника при погребении ⁵².

Протопресвитер военного и морского духовенства Г.И. Шавельский (1911—1917 гг.), анализируя опыт русско-японской войны, констатировал, что четырех военных священников на дивизию недостаточно, поскольку они «не имеют никакой возможности обслужить не только 4 пехотных полка, но и все части, входящие в состав дивизии». Он подни-

мал вопрос о необходимости увеличения числа священников в дивизии до шести человек, и «им хватило бы по горло дела»⁵³. Реалии русско-турецкой войны 1877—1878 гг. также свидетельствуют о том, что на одного полкового иерея был возложен огромный объем обязанностей.

Особенно недостаток священников чувствовался во время говения русской армии перед Светлым Воскресением, 16 (28) апреля 1878 года. По церковным правилам говение завершается исповедью в субботу вечером или непосредственно перед воскресной литургией и участием в таинстве Евхаристии (причащением). Мы располагаем двумя примерами, как с этой ситуацией справились о. Григорий и благочинный 3-й гренадерской дивизии о. Вакх. После подписания Сан-Стефанского мира гренадеры были дислоцированы в г. Чорлу, где также находились артиллерийский парк, казачьи команды, интендантское, почтовое, телеграфное, казначейское, контрольное и прочие ведомства — около 15 тыс. человек. А священников было всего четыре. Собравшись вместе в начале марта, военные священники составили расписание таким образом, чтобы к 25 марта вся гренадерская дивизия и другие части успели отговорь. Священникам следовало исповедывать не менее 400 человек в день, а по возможности и более. День строился следующим образом: очередной или недельный священник являлся в церковь в 7 утра для богослужения, а прочие в это время посещали свои полковые лазареты, напутствовали больных, отпевали умерших, которых обязательно провожали до кладбища «при грустных звуках горнистского рожка». Причем, о. Вакху досталось работать за двоих — в дивизионном лазарете и лазарете (околотке) Сибирского полка. Затем спешили в церковь, чтобы помочь причащать. После обеда вновь приходили в церковь для исповеди. О. Вакх писал, что врачи жаловались на боль в спине, так как им целый день приходилось наклоняться к больным, лежавшим прямо на полу; священники страдали от боли в ногах, так как при богослужениях и исповеди им приходилось стоять почти целый день. Только о. Евстафий (Семёнов), полковой иерей 10-го гренадерского Малороссийского полка, из-за болезни не мог долго стоять. Священники позволили себе отдых только после обеда в воскресенье и утром в понедельник⁵⁴.

Гораздо труднее пришлось о. Григорию: несмотря на убыль в 138-м пехотном Болховском полку, православных в нем было до 2000 человек, и необходимо было уложиться в 8—9 дней. Церковь в Видине вмещала только 300 чел., чаша, имевшаяся у о. Григория, вмещала святых даров на то же количество причастников. Полковой иерей рассчитал, что если каждая исповедь будет длиться всего 3 минуты, то в день на нее уйдет 15 часов. А ведь нужно было еще совершать церковные службы: утреню, литургию и вычитать положенные пред исповедью и причастием правила. Поэтому о. Григорий приступил к исповеди с первого же дня, «не дав возможности подготовиться к ней постом и посещением церковных служб». Затем он решился «предварительно делать общую подготовительную исповедь: перечислял общие всем христианам грехи, указывал на особые грехи, возможные у человека, что занимало 30—40 мин., и затем спрашивал каждого исповедника отдельно и наедине о его грехах. По окончании исповеди он читал всем исповедникам разрешительную молитву и отпуск. На сон, обед и отдых у о. Григория оста-

валось только 5 час. в сутки. «Я старался делать святое дело по совести, и мое религиозное чувство и чувство исповедников моих мирились с подобным порядком»⁵⁵, — заключал о. Григорий.

Заслуживает внимания наблюдение о. Вакха о важности и значении полковых священников в период военной кампании, сделанное им в разгар эпидемии тифа в Чорлу, особенно свирепствовавшей с середины марта по 20 апреля 1878 года. Развитию этой страшной болезни способствовала невероятная скученность — более 15 тыс. чел. были сконцентрированы в небольшом городке с 3—4 тыс. населения, где дома стояли друг к другу очень близко, дворов при домах почти не было, улицы узкие, грязь непролазная и «воздух убийственный»⁵⁶. Предрасположенность к заболеванию была обусловлена и тем, что чрезмерное напряжение сил во время похода истощило «солдат так, что теперь узнать их нельзя: это одни тени тех славных гренадер, которые брали Плевну и пленили армию Османа». Бредят в тифозной горячке врачи, фельдшеры и санитары «ходят как тени, валяются как мухи; в подвижном лазарете, на 100 человек посторонних больных 48 человек своей болящей прислуги», — констатировал о. Вакх 26 марта 1878 года. «Как Господь спасает нас, священников, от смертоносного заражения — истинное чудо! Не потому ли, что врачей и санитаров все еще как-нибудь заменить можно, из запаса пополнить, а священников и заменить по-настоящему нечем...»⁵⁷ — размышлял Гурьев.

Балканский фронт во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. не стал местом яркого подвига военных священников, когда они принимали солдат в атаку, идя на неприятеля с крестом в руках. Но священникам приходилось ежедневно преодолевать лишения и невзгоды походной жизни, бездорожье, голод, жажду, жару, холод, непривычный климат, и их нелегкий ратный труд был сродни подвигу. Тяжелейший переход через зимние Балканские горы есть проявление силы духа и героизма не только русских солдат и офицеров, но и священников. В условиях постоянной опасности для жизни полковые пастыри выполняли свой долг честно и добросовестно, служа примером стойкости, выносливости, крепости духа и несокрушимости веры. Они внесли свой весомый вклад в победу русского оружия в решительной схватке с Османской империей.

Примечания

1. НЕВЗОРОВ Н. Исторический очерк управления духовенством военного ведомства в России. СПб. 1875; БАРСОВ Т. Об управлении русским военным духовенством. СПб. 1879; ЛАСКЕЕВ Ф. Историческая записка об управлении военным и морским духовенством за минувшее столетие (1800—1900 гг.). СПб. 1900; Столетие Военного министерства 1802—1902. Управление церквями и православным духовенством военного ведомства: Исторический очерк. СПб. 1902.
2. БАИМОВ А. Г. Военное духовенство в Российской империи: краткий историографический обзор. — Вопросы теории и практики. Тамбов. 2015, № 7 (57), ч. II, с. 19. www.gramota.net/materials/3/2015/7—2/; КАПКОВ К. Г. Памятная книга российского военного и морского духовенства XIX — начала XX веков. Справочные материалы. М. 2008, с. 23.
3. ЧИМАРОВ С. Ю. Религиозно-нравственное воспитание в русской армии: ритуалы, обряды и церемонии: Исторический очерк. СПб. 1997; ЕГО ЖЕ. Во главе военно-духовного

- ведомства России. П. Я. Озерецковский — первый обер-священник русской армии и флота. — Военно-исторический журнал. 1998, № 1, с. 76—82; КОТКОВ В. М. Военное духовенство России. Страницы истории. Т. 1—2. СПб. 2004; КАПКОВ К. Г. Памятная книга российского военного и морского духовенства XIX — начала XX веков; ИВАНОВ В. П. К вопросу о методах религиозного воспитания военнослужащих русской армии и флота в XVIII веке. — Вестник Екатеринбургского института. 2013, № 3 (23), с. 3—8; ЕГО ЖЕ. Становление института военного духовенства в русской армии в XVIII—XIX веках. — Вестник Тверского государственного университета. Сер. «Педагогика и психология». 2013, вып. 4, с. 295—302; ПОЛЯКОВ Г. Военное духовенство России. М. 2002.
4. ЕМЕЛЬЯНОВА С. Н. Особенности несения службы военным духовенством в годы русско-турецкой войны 1877—1878 гг. — Военная история России XIX—XX веков. Материалы VIII Международной военно-исторической конференции. СПб. 2015, с. 34—40.
 5. 1790 г. — год учреждения: во время штурма турецкой крепости Измаил, когда все офицеры Полоцкого пехотного полка были убиты или тяжело ранены, полковой священник о. Трофим (Куцинский) с крестом в руке повел солдат в атаку на врага. Он стоит первым в списке священнослужителей, награжденных Золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте.
 6. ЖЕЛОБОВСКИЙ А. А. Управление церквами и православным духовенством военного ведомства. В кн.: Столетие Военного министерства. 1802—1902. Т. 50. СПб. 1902, с. 86, 99, 102, 105.
 7. КОТКОВ В. М. Ук. соч., с. 145.
 8. ЛАПШИН Г. П. О молитве в военное время. (Из походных воспоминаний). В кн.: Смоленские епархиальные ведомости (СмЕВ). 1888, № 2, с. 71.
 9. КОТКОВ В. М. Ук. соч., с. 146.
 10. ЛАПШИН Г. П. Ук. соч., с. 80.
 11. Там же.
 12. ГУРЬЕВ В. В. Письма священника с похода 1877—1878 гг. М. 2007, с. 58.
 13. СЕРАФИМ (ЧИЧАГОВ Л. М.) Дневник пребывания Царя-Освободителя в Дунайской армии в 1877 году. СПб. 1995, с. 367.
 14. ГУРЬЕВ В. В. Ук. соч., с. 23, 42.
 15. ЦИТОВИЧ А. Из памятной книжки полкового священника. (От перехода через Дунай до пленения Шипкинской армии). — Прибавления к Калужским епархиальным ведомостям (ПрКалужЕВ). 1878, № 7, с. 125—126.
 16. КЕНИГ С. А. фон. Воспоминания сестры милосердия. — Исторический вестник. 1916, т. 146, № 10, с. 81; ВАХРУШЕВ М. Н. История 101-го Пермского полка. 1788—1897. СПб. 1897, с. 187.
 17. ЛАПШИН Г. П. Денщик Макаров. — Вестник военного духовенства (ВВД). 1895, № 18, с. 564.
 18. ЛАПШИН Г. П. О молитве в военное время, с. 80.
 19. ГУРЬЕВ В. В. Ук. соч., с. 77.
 20. КАПКОВ К. Г. Ук. соч., с. 73.
 21. ГУРЬЕВ В. В. Ук. соч., с. 16, 35.
 22. Там же, с. 16, 41.
 23. Там же, с. 40—41.
 24. ЦИТОВИЧ А. Ук. соч., № 8, с. 149.
 25. ЛАПШИН Г. П. Как молились мы Богу в военное время. — ВВД. 1893, № 20, с. 624.
 26. ГУРЬЕВ В. В. Ук. соч., с. 142.
 27. ЦИТОВИЧ А. Ук. соч., № 7, с. 126—127.
 28. ГУРЬЕВ В. В. Ук. соч., с. 29.
 29. ЦИТОВИЧ А. Ук. соч., № 7, с. 127.
 30. МИНЯЙЛО Ф. Рассказ солдата Фёдора Миняйло о войне 1877—1878 гг. — Русская старина. 1883, т. 40, № 12, с. 694.
 31. ЛАПШИН Г. П. Как молились мы Богу в военное время, с. 624—625.
 32. Там же, с. 627.
 33. ЦИТОВИЧ А. Ук. соч., № 8, с. 149.
 34. ГУРЬЕВ В. В. Ук. соч., с. 23.
 35. Там же, с. 230.

36. Там же, с. 142.
37. ЛАПШИН Г.П. О молитве в военное время, с. 80.
38. ЦИТОВИЧ А. Ук. соч., № 7, с. 128—129.
39. Там же, с. 129.
40. СОФРОНОВ И. Из дневника полкового священника 19-го пехотного Костромского полка в кампанию 1877—1878 гг. В кн.: Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877—1878 г.г. на Балканском полуострове. СПб. 1901, с. 86—87.
41. КЕНИГ С.А. фон. Ук. соч., с. 95.
42. Там же, с. 99.
43. ВЕРЕЩАГИН А.В. Дома и на войне. 1853—1856. Воспоминания и рассказы. СПб. 1886, с. 229—230.
44. Там же.
45. МИНЯЙЛО Ф. Ук. соч., с. 698.
46. ЖЕЛОБОВСКИЙ А.А. Управление церквами и православным духовенством военного ведомства. В кн.: Столетие Военного министерства, с. 86.
47. ГУРЬЕВ В.В. Ук. соч., с. 209.
48. ЛАПШИН Г.П. Мирная жизнь 138-го пехотного Болховского полка в Болгарии и возвращение его в Россию. (Из воспоминаний священника). — ВВД. 1892, № 13, с. 402—403.
49. Там же, с. 629—630.
50. ГУРЬЕВ В.В. Ук. соч., с. 32.
51. Там же, с. 45.
52. Там же, с. 62—63, 75.
53. ШАВЕЛЬСКИЙ Г. Служение священника на войне. В кн.: Христолюбивое воинство. Православная традиция русской армии. Российский военный сборник. Вып. 12. М. 1997, с. 301.
54. ГУРЬЕВ В.В. Ук. соч., с. 186, 195, 209.
55. ЛАПШИН Г.П. Как молились мы Богу в военное время, с. 628—629.
56. ГУРЬЕВ В.В. Ук. соч., с. 186.
57. Там же, с. 197.

МЕЖДУНАРОДНОЕ НАУЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

DOI: 10.31166/VoprosyIstorii201812Statyi01

ББК 63.3(47)53/УДК 94(497) «191» И 861

Этническая и религиозная структура населения Косовского вилайета (1877—1912)

Ethnic and Religious Structure in the Vilayet of Kosovo (1877—1912)

И. Гаши, И. Мифтари

Аннотация. Публикация посвящена этнической ситуации, сложившейся в Косовском вилайете Османской империи в 1877—1912 годах. Автор уделяет особое внимание этно-конфессиональной структуре населения Косово с разбивкой по основным районам и населенным пунктам. Исследование базируется на неопубликованных документах из Архива Приштины. На основании изучения статистических данных делается вывод о том, что население Косовского вилайета в этот период не претерпевало серьезных изменений и составляло в среднем 1 млн. чел., 75% из которых были албанцы. Существенную часть среди них составляли православные албанцы, которые проживали во всех санджаках вышеуказанного вилайета, за исключением Новопазарского. Меньшую часть населения представляли албанцы-католики, составлявшие большинство лишь в районе городов Печ и Джяковица. При этом, согласно мнению автора, в процессе этногенеза косовских албанцев исламизация сербов не играла существенной роли в отличие от более значимого, по его данным, процесса «сербизации» принимавшего православие албанского населения Косовского вилайета.

Ключевые слова: Балканы, Косово, Османская империя, этничность, межнациональные отношения, сербы, албанцы.

Abstract. The publication is devoted to the ethnic situation in the Vilayet of Kosovo in 1877—1912. The author pays particular attention to the ethnic and religious structure of the Kosovo population in its main areas. The research is based on unpublished documents from Archive of Kosovo (Prishtina).

Key words: Balkans, Kosovo, Ottoman Empire, ethnicity, inter-ethnic relations, Serbs, Albanians.

Historical sources inform us that at the beginning of the creation of the Vilayet of Kosovo, it had about 45 000 km². But at the Congress of Berlin (1878) this Vilayet was unfairly reduced by taking the sanjak of Nish and Vranja (Toplica) district with about 11 000 km², and those parts were annexed to Serbia. So, until 1912 it had about 32.000 km².

According to researcher Shukri Rrahimi, from 1888 until 1912, within the Vilayet of Kosovo there were 6 sanjaks and 31 districts: Sanjak of Shkupi (Skopje) with 10 districts, Sanjak of Prishtina with 6 districts, Sanjak of Sjenica with 4 districts, Sanjak of Peja with 5 districts, Sanjak of Tashlixha (Plevla) with 2 districts, and Sanjak of Prizren with 4 districts. According to the mentioned author, until 1890, Mitrovica was within Novi Pazar, but from this year (1890) it became a part of Sanjak of Prishtina ¹.

We should write that one of the most complex issue, which Serbian historiography continuously has made efforts on their projects and calculations about Albanian ethnic structure in general, and especially with Albanians in Kosovo was to publish the data which were on the interest of the daily politics.

According to famous British geographer, Alex Mackay, in 1877 the European part of Ottoman Empire had 207 500 mile² and 13 240 000 inhabitants. From this number, also according to that British author, the number of Albanians was 1.900.000 inhabitants, or 12% ².

The Serbian Consul in the Vilayet of Kosovo, respectively in Prishtina, Branislav Nushich, in 1902 has written: "The real Albanians (in Kosovo. — *I.G., I.M.*) are a few, while Serbs who became Albanians are the greatest part of population. $\frac{3}{4}$ of such population constitute the Vilayet of Kosovo. Therefore, it is right that it is called Albanian Kosovo, which means the place where they are landowners. They still live together mostly in the suburbs of the highlands, however they have occupied the villages and towns, too. We can say that these lands, where Albanians are landlords, are the best ones. In Kosovo the strongest tribes are Gashi and Berisha, some families (of these tribes — *I.G., I.M.*) still live in a huge family communion-collective. The other families which flow from these tribes are spread out into towns, villages and mountainous places. In the south part of Kosovo are these tribes: Drobnjaket, Sopet, Krasniqet, Shalioet, Kryezinjet, Kelmendet (Klemen-tet), Sacet, etc., while in other places are these tribes: Bytyqet, Hotet, Shalet, Elshonet, Met-Plaket, etc. In Kosovo there are not any catholic Albanians, while in Dukagjin there are catholic Albanians, mainly in the municipality of Gjakova and Peja (Pec)" ³.

From this note by Nushich (although it is believed that he has Albanian origin) we can see the tendency to falsify the historical truth, because he has written that the most Albanians in Kosovo have been Serbs by origin, but they became Albanians. From the researches I have conducted during the

Гашу Ибрагим — доктор исторических наук (PhD), профессор Университета Приштины (Косово). E-mail: ibrahim.gashi@uni-pr.edu; *Муфтару Изет* — соискатель степени доктора исторических наук. Университет Приштины (Косово).

Gashi Ibrahim — PhD, professor at the University of Prishtina (Kosovo). E-mail: ibrahim.gashi@uni-pr.edu; *Miftari Izet S.* — PhD candidate at the University of Prishtina (Kosovo).

preparation for PhD dissertation, I have noticed the opposite. Many orthodox Albanians in Kosovo, under the influence of the Serbian Orthodox Church and Panslavism they became Serbs.

So, the historical sources prove with the data that during the XIX century, the number of Albanians only in Balkans or more exactly in today's Albanian territory was more or less equal with other neighbor nations of Balkans. Although in many aspects researcher Misha Glenny is unfair, he writes: "In the years of 30th of XIX century, the population of this economic marsh (Ottoman Empire — *I.G., I.M.*) was not more than 36 million. Most of them, about 21 million were Muslims. About more than 11 million ethnic Turks still didn't call themselves Turks. They were the Ottomans or administrative and military elite, poor villagers from Anadol. The other Muslims were the Arabs (6—8 million), one and a half million Albanians, and maybe one million kurds. Among the Christians were about 6 million slaves...; 4 million Romanians, 2,5 million Armenians and 2 million Greeks. (Sure more than they lived in Greece)" ⁴.

It is important to emphasize that until the Tanzimat Proclamation in 1839, Ottoman authorities did not recognize the nation in aspect of language, tradition, history, but they have applied the so called system of millets. A millet included the members of a belief with genesis of Old Testament. The three main millets within the Ottoman state have been Muslim millet, Greek Orthodox millet, and Jewish millet ⁵.

The term "millet" has meaning nation, unit. So, formally until 1839, for the Ottoman Empire, the nation responds to religion belonging, for example although the Muslims like Bosnians, Turks or Albanians speak different languages and have many different cultural traditions, the Ottoman Government treated them equally, as only one millet ⁶. Taking into consideration this historical fact, it is quite difficult, after the confusion of almost five centuries caused by the system of millets, to determine the accurate number of Albanians in their Albanian territory in general, and also particularly in the Vilayet of Kosovo. Also we should say that, although based on Tanzimat, in principle, the nation is recognized according to the language, culture and history, among Albanians again appeared huge difficulties, because Ottoman invader administration did not recognize the Albanian nation, but distinguished them still in religious basis, continuing with the hobbyhorse system of millets. Also on this confusion we should add the efforts of certain orthodox clique (Greek, Serb, and Bulgarian) to treat and to register the orthodox Albanians as Greeks, Serbs or Bulgarians. Therefore, Albanians were between two big dangers, so at the end that brought a great negative effect, by assimilation a great number of them into the Greeks, the Serbs, the Turks, the Bulgarians, etc. So, although the Albanians were equilibrium with the other nations in the Balkans, the assimilation by certain cliques, made the Albanians lesser.

Although in the first glance you may suspect that within the Vilayet of Kosovo it had a mix ethnic structure, but in reality the ethnic composition of this Vilayet was dominated by Albanians.

At the time when the League of Prizren was formed (1878), the Vilayet of Kosovo had about 600 000 inhabitants, parting into these sanjaks: Prizren — 150 493 Muslims and 53 170 non-Muslims; Shkupi (Skopje) — 55 263

Muslims and 61 899 non-Muslims; Nishi — 46 027 Muslims and 110 386 non-Muslims, and Dibra — 112 387 Muslims and 9 979 non-Muslims ⁷.

In 1880 the population of the Vilayet of Kosovo (without females) was 312.869 inhabitants (154 839 Muslims and 116 117 Christians). In 1895 the number of inhabitants (males and females) in Kosovo was 740 514, 422 522 (57%) were Muslims, 317 992 (43%) were Christians and the others. Population of that Vilayet by sanjaks was as follows:

Shkupi (Skopje): Muslim — 116 678 (43%), Christian — 153 778 (57%). Total: 270 456.

Prishtina: Muslim — 132 450 (64%), Christian — 73 294 (36%). Total: 205 744.

Novi Pazari: Muslim — 52 034 (59%), Christian — 35 636 (41%). Total: 87 670.

Plevla (Tashlixha): Muslim — 22 800 (51%), Christian — 21 715 (49%). Total: 44 515.

Peja (Pec): Muslim — 24 852 (72%), Christian — 9 468 (28%). Total: 34 320.

Prizren: Muslim — 73 708 (75%), Christian — 24 101 (25%). Total: 97 809.

Total Vilayet population: Muslim — 422 522 (57%), Christian — 317 992 (43%). Total: 740 514 ⁸.

According to registrations and documents of that time, we can clearly see that Kosovo was dominated by Muslim Albanians. Based on statistics by Ottoman Government, Vilayet of Kosovo during 1889—1890 had totally 310 613 inhabitants (indeed only female). From these inhabitants 156 700 were Muslims (mostly Muslim Albanians, then Bosnians, Turks, etc.) and 1 539 134 were Christians (Orthodox Albanians, Vlachs, Catholic Albanians, Protestant Albanians). In a word there were 110.225 families and 9918 shops ⁹.

At the beginning of the XX century, Vilayet of Kosovo had 777 729 inhabitants, from whom 443 012 or 56,96% were Muslims, and 334.717 or 43,04% were non-Muslims ¹⁰.

Like in other parts of the Ottoman Empire, in the Vilayet of Kosovo unfortunately also there was deporting population from foreign territories, putting themselves inside this Vilayet. In 1861, in different parts of Kosovo were settled 5000 families and Kajmekam (Deputy Governor) of the Vilayet was required to send these families immediately in about 600 houses for the refugees because of bad conditions foreseen during the winter season ¹¹. According to all circumstances these refugees were 3erkez (Chechens) deported by force by Russian soldiers during the wars in Caucasus of 1853—1856 and 1861—1863.

Ottoman-Russian war of 1877—1878, except other painful spheres, also caused the deportation of thousands Albanians from their ethnic territories for centuries from the Sanjak of Nish (Toplica). This violent deportation was caused by Serb military machinery, led by prince Milan Obrenovich. For this displacement, respectively violent deportation with biblic dimension, researcher Mark Tirta writes: “In the best way, it is proved that before 1877 the County of Nish had 374 villages populated with Albanians and 198 mix villages with Albanians and serbs. Karl Saks notes that in the County of Nish,

respectively in the County of Leskovc there were 24 000 Albanians and 22 500 Serbs, in Kursumlia were 19 000 Albanians and 500 Serbs, in the Prokupje district were 15 000 Albanians and 1 500 Serbs, at Vranja district were 25 000 Albanians and 6 500 Serbs. We notice that during the years 1877—1878, the Albanian population of the district of Nish and in general those from Morava valley, and also a part of population from the Novi Pazarit were deported in massive way by force toward Kosova, Macedonia and in the Selanik Vilayet, and from there they went to the Asiatic Turkey... Only in the Vilayet of Kosova at this time were gathered about 100 000 refugees and their state was concerned. Mark Krasniqi states that in 1877—1878 there were physically disappeared or were deported from their lands more than 200 000 Albanians from Kurshumlia, Nish and Vranje¹².

The migration of Albanian population from Toplica inside the Vilayet of Kosovo was in fact internal migration, with elements of changing the residence, but it is clear that it was done without Albanian desire, but with the force of guns by Serb military, by all means it also caused changes in the ethnic structure inside the Vilayet of Kosovo. However, this massive displacement of Albanians, made them from now on to focus more inside the Vilayet of Kosovo than in periphery. In the same time the Serbian population was not deported from Kosovo. Also, we should emphasize that before the placement of refugees, according to the sources of that time, Kosovo continuously has been populated in majority by Albanian population.

According to different Russian and Bulgarian authors like Hilferding, Marenin, Vasil Kencov and so on, at the end of XIX century and at the beginning of the XX century, the Vilayet of Kosovo had 480 290 (63%) Muslims and 280 212 (37%) Christians, so, in total 760 520 inhabitants¹³.

The following data by sanjaks show the ethnic structure of the population in four sanjaks in the Vilayet of Kosovo, according to the authors mentioned above:

Shkup (Skopje): Albanians and Turks — 147 090; Macedonians and Serbs — 180 232.

Prizren: Albanians — 134 424; Serbs — 39 212.

Prishtina: Albanians — 118 500; Serbs — 32 500; 3erkez (Chechens), Jewish — 2 200.

Novi Pazar: Albanians — 29 000; Serbs — 28 000; Bosnians — 5 500¹⁴.

In the first-hand Ottoman documents, we can see that in 1880 in Kosovo there were 312 869 only male inhabitants (154 839 — Muslims, 116 670 — Christians, 476 — Jewish, 40 895 — emigrants)¹⁵. If we count the number of females as the number of males is, then we can say that in this year the Vilayet of Kosovo had 625 738 inhabitants.

Based on studies by Halil Inalcik, in the XIX century, from 4,5 million inhabitants as Rumelia (European part of Ottoman Empire. — *I.G., I.M.*) had, 1 300 000 were Albanians. While according to defter (register) from the year of 1831, 37,5% of populations in Rumelia were Muslims. In 1894, Inalcik writes, in Kosovo there were 419 390 Muslims, 29 393 Greeks (Orthodox. — *I.G., I.M.*), 274.826 Bulgarians, 1706 Jewish, and 5588 others¹⁶.

Five years later, in 1895, we can see that the number of population was increased by 113 776 inhabitants. So in 1895, the Kosovo population (male and female), according to sanjaks, was as follows:

1. Sanjak of Skopje had 116 678 Muslims and 153 778 Christians (270 456 inhabitants)

2. Sanjak of Prishtina had 132 450 Muslims and 73 294 Christians (205 774 inhabitants)

3. Sanjak of Novi Pazar had 52 034 Muslims and 35 636 Christians (87 670 inhabitants)

4. Sanjak of Tashlixha (Plevla) had 22 800 Muslims and 21 715 Christians (44 515 inhabitants)

5. Sanjak of Peja (Pec) had 24 852 Muslims and 9 469 Christians (34 320 inhabitants)

6. Sanjak of Prizren had 73 708 Muslims and 24 101 Christians (97 809 inhabitants)

In 1895 the total inhabitants were: 421 522 Muslims and 317 992 Christians (739 514) ¹⁷.

In this case we have to mention that in 1895, in towns of Lume, Gjakova, Guci and Peja there were about 100 000 Muslims ¹⁸. While in 1900 the Vilayet of Kosovo had 777 729 inhabitants (443 012 Muslims and 334 717 non-Muslims) ¹⁹, or 38 215 inhabitants more than in 1895.

We should explain in this case, that within the Muslim belief, almost all were Albanians. But, also within the Christian belief there were a lot of Albanians. Recently is ascertained that in the Vilayet of Kosovo, especially in Sanjak of Novi Pazar and Kosovo plane, there were many Albanians of Orthodox belief, who were known as "schismatic".

According to a French document of 1902 found in Kosovo archive, we can notice exactly the continuous efforts of certain Serbian circles and their friends to display deprivation of ethnic composition of the population in the Vilayet of Kosovo. Against these efforts, from the mentioned document, we understand that the truth is totally different to the attitudes by tendentious Serb circles. This document notes: "Now we came to another question, very interesting or the main, this statistics of today. An impartial analyze that show us about a place- so called by Serbs Old Serbia, from us the others it is called a Great Albania, but it is officially known as Vilayet of Kosovo, with an overall population from 1.200.000 inhabitants, and the percentage of this population is as follows

Serbs, Bulgarians, Kucovlahs 250 000 inhabitants (20,83%)

Turks 6 000 (0,5%)

Gypsy 2 000 (0,16%)

Jewish 2 000 (0,16%)

Albanians 940 000 (78,33%)

Total 1 200 000.

This is the real statistics of this Vilayet. We disregard everyone who denies the percentages about these inhabitants. Furthermore, to check it is much easier.

European gendarmerie is here, and we support a committee who consists by a single representative from every jurisdiction to make a real registration of this province based on population and it will be easy to find out the truth" ²⁰.

Based on a statistics prepared by British diplomats in 1902, Vilayet of Kosovo had 2 149 villages (nahije) and 83 568 houses. Based on these data,

researcher Gazmend Rizaj writes: “If we take the average of a family with 5 members and multiply with the number of houses, it will results that in the Vilayet of Kosovo were about 417 690 inhabitants, from whom 61 841housees were Albanian. If the number of these houses multiply with 5 members in average then comes out in the Vilayet of Kosova were about 310 000 Albanians, or about 75% of overall population in the Vilayet. Serbian houses were about 19 000 with around 95 000 inhabitants, so around 22% of overall population in the Vilayet. In the remained of 3% are accounted Bosnians, Turks, Chechens, Jewish, Gypsy etc. This statistics once more proves the fact that High Gates (Sultanate), when decided to establish the Vilayet of Kosovo as a shield from Panslavism, has calculated exactly the Albanian population which dominated with a great number in all parts of this Vilayet”²¹.

As Russian Consul Alexander Hilferding informs us in the middle of the XIX century, in the Sanjak of Novi Pazar there were a lot of Albanians. According to Hilferding, the Albanian population in the Sanjak of Novi Pazar (Muslims and also Orthodox. — *I.G., I.M.*) have during the time lost their mother Albanian tongue and were assimilated into Bosnian nationality (Muslim Albanians became Bosnians, while Orthodox Albanians were assimilated into Serbs). But the Muslim Albanians who were assimilated into Bosnians have preserved many other Albanian traditions and characteristics, and among them the mentality about honor and manhood. The assimilation of Albanians in Peshter, and in general in the Sanjak of Novi Pazar, was done with violence by jurisdiction and Serbian church, but also with the marriages with the Bosnians from Bosnia²².

Romanian researcher Nikola Iorga writes on the basis of official Ottoman statistics, that population of the Vilayet of Kosovo in 1905—1906 consisted 943 595 inhabitants²³. This data given by Iorga do not include the Sanjak of Tashlixha. It is worth to mention that in this case in all Kosovo sanjaks (except for Tashlixha) Iorga mentioned the Orthodox Albanians as well as Muslim and Catholic Albanians²⁴.

Another national group who lived in the Vilayet of Kosovo, mainly in Prizren, was Vlachs (they spoke Rumanian dialect). Their placement in Kosovo was linked with destruction and burning of Voskopoja in 1768—1774. So many Vlachs of this location were placed in Prizren. The native Albanians called Vlachs “gog”, that means “bricklayer”. In 1830 in Prizren lived about 2000 Vlachs, while some others lived in Peja and Gjakova. In Prizren Vlachs were placed in a place where Serbs lived, where they established the “Gogs” neighbourhood. They also were granted with an Orthodox church (Sveti Spas) that they needed to accomplish religious rituals. In such circumstances, the relationship between Serbs and Vlachs became aggravated because Vlachs in their religious liturgy used the Greek language²⁵.

But in dominated circumstances — especially after the invasion into the Vilayet of Kosovo by Serbian state, many Vlachs gradually were assimilated into Serbs.

According to a Romanian document dated 16/29.12.1912, which is kept in the Archive of Kosovo, the sanjaks where the Albanians were in majority, were the following: Sanjak of Novi Pazar, Sanjak of Peja with districts Peja (the town had nearly 2/3 of Muslim Albanians while the others were catholic Albanians), Gjakova, Tërgovishta, and Gucia, Sanjak of Prishtina with dis-

tricts Prishtina, Presheva, Gjilan, Vushtrri, Sanjak of Prizren with districts: Prizren, Luma, Tetova, and Sanjak of Skopje ²⁶.

According to research Peter Bartl, in 1912 the Vilayet of Kosovo had 1 314 388 inhabitants, which were separated as follows: 829 750 were Muslims (64%), 226 528 were Serbs Orthodox (18%), 204 021 were Bulgarians Orthodox (16%), 20 349 were catholic Albanians, 147 were Protestant Albanians, 10 527 were Gipsy, 3 171 were Jewish ²⁷.

By taking into considerations all historical data shown above, and analyzing and comparing them carefully, we ascertain that in the Vilayet of Kosovo almost 75% of population were consisted by Albanians, while the other part (25%) were consisted by Serbs (about 22%), Bosnians, Turks, Chechens, Jewish, Gipsy, etc.

In conclusion one should agree that Vilayet of Kosovo was formed as aftermath and consequence of historical circumstances of the time, especially to stop penetration of Russian Panslavism inside the Balkans. The annunciation of the first Ottoman Constitution on 23 December 1876 from the Ottoman Prime Minister reformer, Mit'hat Pasha, also helped for formation of this Vilayet. At the beginning of formation, this Vilayet had 7 sanjaks and 35 districts. But from 1888 until 1912, when it was invaded by Serbs and Montenegrins, it had 6 sanjaks and 31 districts with capital Skopje.

We should mention that from forming in 1877 until 1912, when was invaded by Serbia and Montenegro, on the average had one million inhabitants, from which 75% were Albanians and 25% the others.

The well-known researchers of this field gave us interesting statistical, ethnic, and religious data for the population in the Vilayet of Kosovo. Thus, Roman researcher Nikola Iorga, when he mentions the population of Kosovo in 1905—1906 in religious aspect, informs us that there were also a lot of Orthodox Albanians. Except the Sanjak of Novi Pazar, Iorga stresses that every Sanjak of Kosovo had orthodox Albanians.

Thus, Serbian historiography tries to manipulate with the Orthodox Albanian population in the Vilayet of Kosovo by identifying them as Serbs. It is a big mistake, because we should distinguish religious belonging from national belonging. Usually, in their writings they try to false the truth, by introducing all Orthodox of the Vilayet of Kosovo as Serbians, Montenegrins, or Bulgarians (after 1945 as Macedonians), which is a tendentious intention and big distortion of the historical truth for political purposes. Also they try to manipulate with the Muslim population, making efforts to show Albanian population in Kosovo lesser during the years 1877—1912. For that goal, they try to introduce a considerable part of Muslims as Turks. Catholic Albanians were in some parts of Kosovo, although in comparison with Muslim Albanians and also with Orthodox Albanians they were lesser. Catholic Albanians mainly were placed in majority in Peja and Gjakova with surroundings.

Thus, the relevant documents of that time, the authentic and objective resources of many native and foreign authors prove that Vilayet of Kosovo completely was dominated by Albanian population that amount about 75%.

1. RRAHIMI SH. Vilajeti i Kosoves. Prishtina. 1978, p. 13—14.
2. RIZAJ G. Popullsia e Perandorise Osmane ne Evrope gjate shekullit XIX sipas disa burimeve perendimore. In: Kosova and Ottoman Empire in archival documents. Prishtina. 2009, p. 281.
3. NUSHIQ B. Kosova — Pershkrimi i vendit dhe popullsisë. Prishtina. 2015, p. 99.
4. GLENNY M. Histori e Ballkanit 1804—1999. Tirana. 2007, p. 71.
5. Ibidem.
6. Ibidem.
7. RIZAJ G. Op. cit., p. 285.
8. IPEK N. Emigrimet ne Vilajetin e Kosoves. In: Kosova and Ottoman Empire in archival documents, p. 336.
9. RIZAJ S. Vilajeti i Kosoves 1877—1912. — Vjetar. № 45—46; Agjencia Shtetore e Arkivave te Kosoves. Prishtina. 2011, p. 217.
10. IPEK N. Op. cit., p. 339.
11. Osmanli Arsiv Belgelerinde Kosova Vilayeti. Istanbul, 2007, p. 331.
12. TIRTA M. Migrime te shqiptareve. In: Etnografia Shqiptare. Tirana. 1999, p. 102.
13. RUSHITI L. Ndarja territoriale dhe rregullimi administrativ i Kosoves, 1878—1945. Prishtina. 2004, p. 16.
14. Ibid., p. 17.
15. Osmanli Arsiv Belgelerinde Kosova Vilayeti..., p. 333.
16. INALCIK H. Turqit dhe Ballkani. — Cultural and Scientific Magazine for Oriental Studies. Tirana. 2012, № 8—9. p. 55.
17. Osmanli Arsiv Belgelerinde Kosova Vilayeti..., p. 336.
18. Ibid., p. 336.
19. Ibid., p. 339.
20. Archive of Kosovo, Prishtina, Fund “Drita”, Bukuresht, box 6.
21. RIZAJ G. Popullsia e Perandorise Osmane ne Evrope gjate shekullit XIX..., p. 293—294.
22. KRASNIQI M. Rojtaret shqiptare te kishave ortodokse ne Kosove. — Social studies. Prishtina. 2014, № 1, p. 32.
23. IORGA N. Breve historie de l’Albanie et du peuple albanais. Bucharest. 1919, p. 67—68.
24. Ibidem.
25. MALCOLM N. Kosova — Nje histori e shkurter. Prishtina. 2011, p. 212.
26. Archive of Kosovo, Prishtina, Fund “Drita”, Bukuresht, box 6.
27. BARTL P. Myslimanet shqiptare ne levizjen per pavaresi kombetare (1878—1912). Tirana. 2006, p. 62.

В ПОМОЩЬ УЧИТЕЛЮ ИСТОРИИ

DOI: 10.31166/VoprosyIstorii201812Statyi03 УДК 930

Русская деревня в жизни и творчестве В.И. Белова в 1960-е гг.

А.С. Столетова

Аннотация. В публикации рассматривается вклад вологодского писателя В.И. Белова в образование и развитие направления в художественном творчестве, именуемого «деревенская проза». Обоснован вопрос проблематики изданий, демонстрирующих кризисные явления середины XX в. в традиционном крестьянском укладе. 1960-е гг. характеризуются как этап кардинальных социальных трансформаций, период разрушения устоев в повседневных жизненных практиках сельского социума. Особое внимание уделяется описанию «цензурного прорыва», связанного с публикацией в 1966 г. повести «Привычное дело». Отображены отзывы читателей, дискуссии вокруг произведения, а также формирование общественного мнения относительно творчества автора. В тексте подчеркивается, что в культурном пространстве Русского Севера и страны в целом фигура Василия Ивановича Белова занимает одну из ключевых позиций.

Ключевые слова: Вологодская область, культура, художественная литература, писатель, писательская организация, Вологодское отделение Союза писателей РСФСР, «деревенская проза».

Abstract. The contribution of the Vologda writer V.I. Belov in the formation and development of a direction in the art of creation, called «village prose». The issue of problems of publications demonstrating the crisis of the mid-20th century is substantiated in the traditional peasant way of life. 1960's. They are characterized as a stage of cardinal social transformations, a period of destruction of foundations in everyday life practices of rural society. Particular attention is paid to the description of the «censorship breakthrough», associated with the publication in 1966 of the story «The usual thing». Reviews of readers, discussions around the work, as well as the formation of public opinion on the author's work are displayed. The text emphasizes that in the cultural space of The Russian North and the country as a whole the figure of Vasily Ivanovich Belov occupies one of the key positions.

Key words: Vologda region, culture, fiction, writer, writers' organization, Vologda department of the Writers' Union RSFSR, «village prose».

Василий Иванович Белов — известный русский писатель-вологжанин, прославившийся своими рассказами, повестями, романами о жизни простых крестьян в 1920—1930-е гг. — время, характеризующееся как «великий перелом», а также в послевоенный период и годы перестройки сельского хозяйства (1970—1990).

Столетова Анна Сергеевна — кандидат исторических наук, старший преподаватель ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет». E-mail: Stoletowa-A-S@yandex.ru.

Stoletova Anna S. — candidate of historical sciences, senior lecturer at the FGBOU VO «Vologda State University». E-mail: Stoletova-A-S@yandex.ru.

Родился будущий писатель 23 октября 1932 г. в деревне Тимониха Харовского района Вологодской области в крестьянской семье. Первое стихотворение В. И. Белов опубликовал в газете Ленинградского военного округа «На страже Родины» во время прохождения службы. Затем писал очерки, рассказы, стихи ¹. С 1956 г. являлся литературным сотрудником и фотокорреспондентом грязовецкой районной газеты «Коммунар». Любопытно, что на одном из занятий Литературного объединения, где разбирали стихи начинающего автора, литературовед В. Гура выразился следующим образом: «Мой вам совет, бросьте вы это дело, товарищ Белов. Ничего из вас не получится» ². Однако рядом были друзья, которые, как и полагается, поддержали и убедили молодого человека в обратном.

Белов принимал активное участие в областных совещаниях молодых авторов, предшествовавших образованию Вологодской писательской организации. В течение 1959—1964 гг. по рекомендации А. Я. Яшина учился в Литературном институте им. М. Горького ³. На четвертом областном совещании-семинаре молодых литераторов, проходившем с 5 по 8 февраля 1960 г. в Вологде, творчество Белова получило высокую оценку ⁴. В 1961 г. произошло организационное и структурное оформление Вологодского отделения Союза писателей РСФСР, что способствовало появлению новых имен и литературных трудов ⁵. В 1962 г. по рекомендации Яшина Василий Иванович был принят в Союз писателей ⁶. В 1965 г. он посетил второй съезд писателей РСФСР ⁷.

Стоит отметить факт огромного влияния крупнейшего представителя «деревенской прозы» Яшина на становление тематики творчества Белова. Прочитав студенческие рассказы молодого автора, Александр Яковлевич посоветовал ему продолжить работу в этом жанре и выступил в роли наставника. Тяга к «отцовскому краю» становилась господствующей силой, которая определяла судьбу литератора и направление его творчества ⁸. Сам Белов в одном из интервью признавал, что наиболее сильное влияние на него оказал старший друг Яшин, который в свою очередь утверждал: «... Белов умеет находить нужные слова. Далеко он пойдет» ⁹. Рекомендуя своего товарища в члены Союза писателей, Александр Яковлевич писал: «Белов отлично знает северную колхозную деревню, ее быт, радости и горести. Характеры своих героев он прорисовывает разносторонне и своеобразно, показывает людей в их взаимоотношениях, в естественных, а не выдуманных ситуациях, скупно, не размусоливая, и всегда с богатым подтекстом... Очень я радуюсь его появлению и верю в его большую писательскую судьбу» ¹⁰. В одном из писем к Василию Ивановичу он убеждал прозаика: «Очень тебя прошу, отнесись серьезно к своему большому таланту, безграничным своим возможностям, береги здоровье и не теряй времени на чепуху, на мелкие, жалкие удовольствия. Сиди, броди, мучайся — и почаще призывай себя к столу. Любой талант без постоянной и упорной усидчивости — ничто» ¹¹. В другом письме Яшин был еще более откровенен: «Я очень счастлив, что с самого начала не ошибся в тебе, что с самого начала и как-то сразу почувствовал тебя, твою силу и оказался (верно же!) почти “провидцем”» ¹².

Творчество Белова вызвало всеобъемлющий интерес в литературном сообществе, получило одобрение среди коллег, круг писательского

общения автора стал более обширным. С. Викулов в 1963 г. положительно отзывался о таких изданиях Белова, как повесть «Деревня Бердяйка» («Наш современник». 1961, № 3; опубликована при помощи Яшина), книга стихотворений «Деревенька моя лесная» (1961), сборники рассказов «Знойное лето» (1963), «Речные излуки» (1964), рассказы «Весна» (1964), «За тремя волоками» («Север». 1965, № 2). «Белов хорошо чувствует свой край, всеми корнями он здесь, и в этом сила его как писателя. Он умеет сказать о великой любви своей к простому человеку нашей северной деревни...» — писал Сергей Васильевич Викулов¹³. Чуть позже он высказался о том, что «В. Белов наиболее последовательно, вдумчиво и глубоко разрабатывал деревенскую тему, каждый рассказ которого — это новый пласт современной деревенской жизни»¹⁴. Ф. Кузнецов отзывался о Белове, как о писателе, передающем поэзию труда с естественностью и проникновенностью. «Труд в его рассказах предстает как творчество, как колдовство, как таинство, — именно с таким ощущением читаешь страницы повести “Деревня Бердяйка”, где деревенские плотники ставят дом»¹⁵, — подметил литературный критик. На вечере в городе Харовске Вологодской области в 1966 г. Белов объяснял: «Я родился и вырос среди людей села. Эти люди мне близки. Я люблю их. И буду о них писать»¹⁶. «Его проза отмечена неподдельным знанием и сочувствием всем болям и заботам земли. Для Белова это глубоко личные боли и заботы, они пережиты писателем собственным опытом жизни, а не восприняты со стороны»¹⁷, — подтверждал Кузнецов.

На совещании писателей в Петрозаводске в 1966 г. кандидат филологических наук А. Хайлов отмечал, что произведения Белова написаны со знанием северной деревни, отличаются силой правдивости, художественной достоверности¹⁸. В том же году Хайлов в статье «Проза Севера», опубликованной в «Севере», обозначил повести и рассказы Белова как «не оставляющие иллюзий относительно того, как трудно на бездорожном вологодском севере вести хозяйство, как экономически невыгодны небольшие наделы, как до масштабов серьезной проблемы вырастает для многих колхозников заготовка сена для собственной коровы»¹⁹. Московский литератор С. Шуртаков высказался следующим образом: «Какая у Белова глубокая любовь к людям деревни, как он хорошо их знает, как талантливо пишет!»²⁰ На съезде писателей Карелии, проходившем 29—30 июня 1967 г. в Петрозаводске, вологодский поэт А. А. Романов указал на Белова как на «глубокого исследователя жизненных процессов»²¹.

Заметным литературно-общественным событием стала публикация в первом номере журнала «Север» за 1966 г. сенсационной повести «Привычное дело», ставшей ярким примером русской «деревенской прозы», «корневой вещью», как отмечал Романов²². Основная ее тема — потеря крестьянином, человеком земли, традиционных, бытийных основ жизни, ведущая к трагическим для него последствиям²³. Суть произведения — судьба деревни и ее ценностей в XX в. в условиях глубочайших социальных и научно-технических изменений. Сразу после публикации Яшин написал: «Я считаю “Привычное дело” художественным произведением такой силы, что его будут не только читать, но и перечитывать»²⁴. Чуть позже, рассматривая содержание произведе-

ния, Александр Яковлевич восхищенно отзывался: «В 1966 году Белов напечатал удивительную повесть о своей деревне — простую и мудрую, трогательную до слез и глубоко правдивую, он сумел увидеть в душе своих земляков такие лирические глубины, такую нежность и доброту, написал о близких своих с такой любовью и состраданием, что, для сравнения, на память приходят самые лучшие образцы нашей великой русской литературы»²⁵.

В. Астафьев однажды упомянул, что для него «Север» начался с «Привычного дела» Белова. «Привычное дело» именовали открытием года. С. Панкратов, заведующий отделом прозы, писал: в Вологду: «Повесть В. Белова единодушно оценена очень высоко. Пойдет в первом номере...», в Беломорск: «Интересная повесть идет в первом номере...», в Кандалакшу: «Отличную повесть собираемся печатать в первом номере нового года, отличную. Ждите...»²⁶

Редакционные уловки сработали, и с некоторым колебанием цензор подписал повесть в печать. Д. Я. Гусаров вспоминал, как начальник цензуры А. В. Черкасов позвонил секретарю по пропаганде М. Х. Киуру: «Михаил Христофорович, вот тут “Север” печатает повесть вологодского писателя о том, как они там, в Вологде развалили колхозы...», а затем подписал номер.

Немаловажную роль в деле публикации «Привычного дела» сыграл главный редактор литературного журнала «Север» Гусаров. Глава издания понимал, что наступало время для формирования «северного» корпуса авторов и своей читательской аудитории. Объединяющей идеей должно было стать отношение к традиционному русскому мироощущению, к культуре и ценностям народа, к самым корням России. Работа вологодского автора вызвала у Гусарова восторг. Это была правда о современной северной деревне, правда горькая, исполненная трагизма, но — та, которую ждали. Однако повесть была уязвима, степень ее «проходимости» через цензуру была низкой, и поэтому она требовала внешних «маскировочных» манипуляций и противоцензурных маневров. Прежде всего, действие перенесли из 1960-х в 1950-е гг. (после XX съезда сталинский период можно было подвергать критике), сняли главу «Пошехонская доля» (облик пошехонцев перекликался с образом современных колхозников) и часть «Бабкины гости» (городской корреспондент после написания статьи о жизни бабки Евстолии попадает на Колыму), видоизменили главу «Детки» и т. д. Но и «завуалированная» повесть в целом вызвала удручающее впечатление о деревенской жизни. Поэтому ее завершили справкой в финале: «Конец первой части». Схема заключалась в том, что в первой части произведения писатель якобы «нагнетает атмосферу», множит проблемы, а во второй под руководством партии успешно их решает. В этом и заключался, в частности, метод социалистического реализма²⁷. Гусаров с грустью констатировал в своих записях: «Наша хитроумная придумка с “первой частью повести В. Белова” — стоила, по-видимому, немалой задержки с ее изданием в зарубежных странах»²⁸.

Опубликование повести было воспринято неоднозначно. Сюжет произведения отражал болевые точки, обнажал конфликты и противоречия российской действительности. В мае 1966 г. ЦК КПСС провел

в Москве семинар секретарей по пропаганде. Перед пропагандистами выступил председатель Госкомитета по делам издательств, полиграфии и книжной торговли А.Н. Михайлов, который раскритиковал повесть Белова «Привычное дело» за идейную порочность и антипартийность. В конце лета 1966 г. на очередном пленуме обкома КПСС на трибуну вышел министр культуры Л. Колмовский и резко высказался о «вредной» публикации в «Севере». Однако произведение заинтересовало читающую публику. Газета «Правда» 3 марта 1967 г. напечатала статью Ф. Кузнецова, в которой о повести Белова говорилось как о новом и значительном явлении советской литературы ²⁹.

Сообразно возникшему общественному резонансу к литератору пришла писательская слава, появились единомышленники. Если перелистать газеты и журналы второй половины 1960-х — начала 1970-х гг., то во многих изданиях можно встретить мнения и отзывы о произведении. Ф.А. Абрамов писал: «... не сразу поверил в большое будущее молодого прозаика. Но когда прочел «Привычное дело», сполна ощутил дарование этого вологодского писателя» ³⁰. «Студенты, школьники, старики, — вспоминал литератор, — все бегали по библиотекам, по читальням, все охотились за номером малоизвестного дотоле журнала «Север» с повестью еще менее известного автора, а раздобыв, читали в очередь, а то и скопом, днем, ночью — без передыху. А сколько было разговоров, восторгов в те месяцы!» ³¹

«Привычное дело» стало визитной карточкой Белова. Критики отмечали, что повесть — одно из значительных явлений в литературе, посвященной деревне. «Новый классик родился в России», — восторженно говорили они ³². Профессор Дж. Хоскинг отмечал: «... можно сказать, что через все произведения Белова проходит один мотив: сердце деревни подорвано коллективизацией, войной и урбанизацией...» ³³ А. Хайлов подчеркивал, что повесть «Привычное дело» отличается знанием северной деревни, силой правдивости и художественной достоверности. «Нам понятна боль писателя за неустройство, за экономическую слабость родного села. Мы понимаем всю боль и гнев, вложенные в заглавие повести: все слабые, не радующие нас стороны деревенской жизни не могут, не должны быть привычным делом!» — рассуждал литературный критик ³⁴. «Я давно не читал такой прозрачной и точной по языку, такой народной по духу, по настрою, такой неторопливо могучей прозы. Это — суровая проза», — обозначил литературовед Ф. Кузнецов ³⁵.

«Привычное дело» бурно обсуждалось в обществе. В редакцию «Севера» из разных уголков страны шли письма одобрения и поддержки. Так, в апреле 1967 г. поступило письмо из Москвы от Н. Гусева, в котором он просил передать Белову большую благодарность за повесть, а также сообщал, что журнал «Север» в Москве найти было сложно, даже в Ленинской библиотеке пришлось долго ждать очереди. «Василию Белову передайте, чтобы он свой бесценный дар писателя, свой талант и горение своего сердца продолжал отдавать именно этой теме — деревне, судьбам ее людей, ее недалекому прошлому, настоящему и будущему. Только писатели могут сделать анализ социального развития, связать прошлое с настоящим, понять и осмыслить духовную

жизнь общества», — высказывался читатель³⁶. Восхищенным откликам не было предела.

Главный редактор «Севера» сохранил и письмо с негативным суждением о повести. Читатель А. Лазурин писал: «Пагубная сила повести заключается в том, что в ней много правды. Но какой правды — самой низкой, не дающей ничего не уму не сердцу. Надо же набраться натуры на протяжении всего повествования нашептывать беспросветную тоску и безысходность. Конечно, на такую правду найдутся единомышленники. И ни одного светлого пятна. Тут, пожалуй, и в самом деле запьешь и одуреешь. Что же вы предлагаете, что изменить, как сделать. У вас ничего подобного нет. Выходит, отзвонил с колокольни домой, а там, там богатый гонорар, дача, собственная машина. А нам, читателям, вы что дали. Опустошить душу читателя, вселить в нее нытье, неуверенность, растравить ядом мнимой правды и все»³⁷.

На личный адрес писателя также обрушилось несметное количество отзывов, большинство из которых — положительные. Один из самых дорогих для автора — от писателя Яшина. В письме от 1966 г. говорилось: «Отец, тебя читают в библиотеке ЦДЛ (Центральный Дом Литераторов. — А.С.), — как мне сообщили, журнал “Север” с Беловым спрашивает чуть ли не каждый второй посетитель»³⁸. В данной связи уместно упомянуть изречение Д. Гусарова: «Разве не эта повесть одним рывком продвинула не только литературу, но и читателей к осознанию самых болевых, самых жгучих проблем деревенской жизни. Значение “Привычного дела” в подготовке перестроечных процессов столь же велико для нашего времени, как и роль тургеневских “Записок охотника” для антикрепостнического сознания России накануне реформы 1861 г.»³⁹.

К писателю шли письма с рассказами о личных судьбах, схожих с судьбами людей, изображенных писателем. Так один из корреспондентов (его имя неизвестно) писал: «Белов напечатал удивительную повесть о своей деревне — простую и мудрую, трогательную до слез и глубоко правдивую. Он сумел увидеть в душе своих земляков такие лирические глубины, такую человеческую нежность и доброту. Он написал о близких своих с такой любовью, и состраданием, и радостью, что для сравнения на память приходят самые лучшие образцы нашей великой русской литературы»⁴⁰.

В 1968 г. Белов опубликовал повесть «“Плотницкие рассказы” («Новый мир», № 7) и рассказ «Бескультурье», в 1969 г. вышли «Бухтины вологодские» («Новый мир», № 8), в 1970 г. был издан сборник «Сельские повести». Всесоюзная слава (произведения Василия Белова переведены на азербайджанский, армянский, грузинский, литовский, эстонский, молдавский, киргизский языки) постепенно переросла во всемирную⁴¹.

На одном из писательских съездов в Колонном зале Дома союзов главный редактор «Нового мира» писатель А. Т. Твардовский неожиданно подошел к представителям Вологды, поздоровался и пожалел, что «Привычное дело» Белов не отдал печатать в журнал «Новый мир». «Плотницкие рассказы» тоже хороши. Спасибо, что отдал нам»⁴². Отзывы о данных произведениях также встречаются в письмах к Василию Ивановичу. Так, вологжанка Л. Богомолова написала: «В “Сельских

повестях» и «Плотницких рассказах» правильно изображена северная природа, добродушие, простота и все особенности северного крестьянства. Плюс сохранен северный крестьянский язык»⁴³. В письме Белову его друга В.М. Шукшина за 1969 г. также встречаем слова поддержки и признания: «Читаю все про тебя. Как критики твоим именем бьют друг друга... Будь вдохновенен. Твоя слава — реальная и трезвая оценка твоих трудов»⁴⁴.

Василий Иванович Белов принимал непосредственное участие в деятельности Вологодской писательской организации: выступал на литературных вечерах, в книжных магазинах, посещал книжные базары и т.д. К примеру, в 1963 г. он посетил клуб любителей книги, организованный при читальном зале Вологодской областной библиотеки. По просьбе собравшихся он прочел рассказы «Колоколена» и «Три часа сроку». Мнения о стихах и рассказах молодого автора высказали рабочие, служащие, студенты, пенсионеры, присутствовавшие на встрече⁴⁵. В 1965 г. Белов побывал в Череповецком и Харовском районах. Целью командировок являлись беседы с тружениками полей и ферм, публичные выступления, сбор материалов для очерков, стихов, рассказов и т.д.⁴⁶

Таким образом, 1960-е гг. можно назвать периодом зарождения активной литературно-общественной деятельности Белова, имевшей первостепенное значение в творческой жизни автора. Именно в это время были опубликованы значительные произведения, посвященные деревне, ставшие серьезным вкладом в российскую и мировую литературу.

Наряду с произведениями А. Солженицына, Ф. Абрамова, В. Астафьева и др. повесть «Привычное дело» стала одним из наиболее ярких явлений «деревенской прозы» второй половины XX в., обозначившей кризисное состояние национальной жизни и с большой художественной силой выразившей приверженность традиционным ценностям крестьянского уклада, который неотвратимо уходил в прошлое.

Белов стал одним из самых популярных писателей. Прозаик уловил общественные настроения российского социума, выразившиеся в душевном надломе и ностальгии по деревне. Несмотря на общественные трансформации в 1960-е гг. (связанные с изменением крестьянского статуса) город был на две трети деревней, поэтому поднятые ценностные ориентиры были близки и понятны читателям.

Этой повестью было сказано новое весомое слово о советском крестьянине, его участи, болях и надеждах, о национальном русском характере, его корнях, человечности, терпении и трудолюбии. Не случайно и желание ленинградских киноработников экранизировать произведение и попытаться через массовый вид искусства утвердить ту социальную и нравственную правду, которую поставил писатель в своей работе⁴⁷.

Несмотря на то, что «Привычное дело» было одним из ранних изданий автора, оно стало этапным в творчестве Белова. Справедливым будет обозначение повести как рубежной в художественной литературе. Тема деревни приобрела новую остроту и особый трагизм, найдя свое отражение в дальнейших работах литератора. Писатель обращался к сложным, глубоким социальным процессам.

Особый аспект — взаимоотношения Белова с властью и цензурными органами. В данном направлении писательская судьба складывалась вполне удачно. Период «оттепели» тому благоприятствовал. Проблематика произведений определила популярность литератора среди читателей. В сознании последних он выглядел человеком, способным оказать влияние на сложившееся положение, связанное с разрушением базисных основ крестьянской жизни, упадком деревень и сокращением сельской общности. Об этом свидетельствуют материалы фонда 5134 «В. Белов — писатель, общественный деятель», включающего множество писем от разных людей по вопросам динамики развития народнохозяйственного комплекса и сельского хозяйства, общественно-политической жизни, в том числе с отзывами о произведениях автора. Со многими из читателей у писателя завязывалась переписка, автор был открыт к общению и извлекал из сложившихся контактов прототипы героев будущих произведений.

Являясь ярким представителем вологодской литературной школы, Белов активно содействовал развитию культурно-массовой деятельности Вологодской писательской организации. Стремление к живому общению с земляками приводило его на городские литературные вечера, а также встречи с рабочими предприятий, тружениками колхозов, совхозов, леспромхозов. Соразмерно течению данного процесса и благодаря участию во всевозможных съездах литераторов происходило взаимодействие с коллегами по писательскому труду. Несомненно, данное сотрудничество и установившиеся взаимосвязи способствовали развитию таланта, активизации публикационных возможностей и популярности писателя.

Резюмируя сказанное, отметим, что Василий Иванович Белов — общепризнанный, заслуженный деятель отечественной культуры второй половины XX века. Он — лауреат Государственной премии СССР (1981) и Государственной премии Российской Федерации (2004). Литературное наследие Василия Ивановича наполнено любовью к России и малой родине — северной деревне. С определенностью можно сказать, что живой читательский интерес к произведениям автора с течением времени не угасает. С 2014 г. в Вологде проходят всероссийские Беловские чтения, посвященные творчеству знаменитого вологодского писателя. С 2005 г. в городе функционирует Центр писателя Белова, а с 2015 г. — его музей-квартира.

Примечания

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Президента РФ, проект МК-2952.2018.6 «Писательская среда Русского Севера в контексте советской действительности середины — второй половины XX в.: проявления уровней общественного самосознания».

1. АРМЕЕВА В.И. Писатели-воложане: материалы о жизни и творчестве: методическое пособие. Вологда. 2009, с. 13.
2. СЕЛЕЗНЁВ Ю. Василий Белов: Раздумья о творческой судьбе писателя. М. 1983, с. 45.
3. Василий Иванович Белов. ВОУНБ. Выдающиеся люди Вологодского края. URL: <https://www.booksite.ru/lichnosty/index.php?action=getwork&sub=about&pid=180>.

4. КРУТИКОВ А. Областное совещание писателей. — Вологодский комсомолец. 1960, 11 февр., с. 3.
5. Рождение новой организации. — Красный Север. 1961, 27 июля, с. 4.
6. РОМАНОВ А. Народные корни литературы: из истории Вологодской писательской организации. В кн.: Литературная Вологда. Вологда. 2007, с. 476—477; Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ), ф. 2938, оп. 1, д. 1325, л. 11.
7. СУХАРЕВ А. Вологжане на съезде писателей. — Вологодский комсомолец. 1965, 12 марта, с. 2—3.
8. АРМЕЕВА В.И. Ук. соч., с. 13—14; Василий Иванович Белов. ВОУНБ...
9. КОРЮКАЕВ В.П. Самородок из Тимонихи: жизнь и творчество Василия Белова. Вологда. 2006. ВОУНБ: Василий Белов. URL: <https://www.booksite.ru/belov/koryukaev/9.htm>; Пшеничников А.П. Приезжайте в Кожаево. Никольск. 2003, с. 52.
10. ЯШИН А.Я. Рогатый пегас. О поэзии. М. 1976, с. 75—76.
11. КОРЮКАЕВ В.П. Ук. соч.
12. Там же.
13. ВИКУЛОВ С. Нерасщепленное ядро. — Литературная Россия. 1963, № 12, 22 марта, с. 10.
14. ЕГО ЖЕ. Писать о жизни народной. — Вологодский комсомолец. 1964, 5 декабря, с. 2.
15. КУЗНЕЦОВ Ф. Поэзия земли. — Там же. 1969, 5 декабря.
16. БОБЫЛЕВ В., Сушинов А. Рукопожатие. — Там же. 1966, 10 апреля, с. 4.
17. КУЗНЕЦОВ Ф. Ук. соч.
18. КИБАРДИНА А. Пусть будет это традицией. — Красный Север. 1966, 10 декабря, с. 3.
19. ХАЙЛОВ А. Проза Севера. — Север. 1966, № 5, с. 120.
20. ИВАНОВ В. Первая встреча (с совещания писателей северян). — Там же. 1967, № 1, с. 124.
21. Большие дни карельской литературы (Заметки с V съезда писателей Карелии). — Там же. 1967, № 4, с. 110.
22. РОМАНОВ А. Ук. соч., с. 479.
23. Василий Иванович Белов. ВОУНБ...
24. ЯШИН А.Я. Ук. соч., с. 78.
25. КОРЮКАЕВ В.П. Ук. соч.
26. ГНЕТНЕВ К. Дмитрий Гусаров. Раненый ангел. — Север. 2012, № 7—8, с. 139.
27. Там же, с. 137, 139—140.
28. ТИМОШКИНА О.С. «Василию Белову передайте...» — Север. 2000, № 5—6, с. 184.
29. ГНЕТНЕВ К. Ук. соч., с. 140—142.
30. КОРЮКАЕВ В.П. Ук. соч.
31. ОВЧАРЕНКО А.И. Художественный мир Василия Белова. В кн.: Большая литература: основные тенденции развития советской художественной прозы, 1945—1985 гг.: шестидесятые годы. М., 1985, с. 226—254. ВОУНБ: Василий Белов. URL: <https://www.booksite.ru/belov/creature/1.htm>.
32. БЕЗЕЛЯНСКИЙ Ю.Н. «Привычное дело» Василия Белова. ВОУНБ: Василий Белов. URL: <https://www.booksite.ru/belov/creature/42.htm>.
33. ОВЧАРЕНКО А.И. Ук. соч.
34. ХАЙЛОВ А. Ук. соч., с. 120.
35. КУЗНЕЦОВ Ф. Ук. соч.
36. ТИМОШКИНА О.С. Ук. соч., с. 182.
37. Там же, с. 183—184.
38. Государственный архив Вологодской области (ГА ВО), ф. 5134, оп. 1, д. 368.
39. ГНЕТНЕВ К. Ук. соч., с. 143.
40. ГА ВО, ф. 5134, оп. 1, д. 374, л. 35—36.
41. ОВЧАРЕНКО А.И. Ук. соч.
42. КОРЮКАЕВ В.П. Ук. соч.
43. ГА ВО, ф. 5134, оп. 1, д. 374, л. 13.
44. КОРЮКАЕВ В.П. Ук. соч.
45. ГОСТИНЦЕВ В. В клубе любителей книги. — Красный Север. 1963, 3 апреля, с. 4.
46. РГАЛИ, ф. 2938, оп. 2, д. 631, л. 4.
47. Афанасьев В. Африканыч на экране. — Красный Север. 1971, 5 октября; Герой Василия Белова на экране. — Вологодский комсомолец. 1971, 6 октября, с. 4.

Состав партийно-государственных кадров в системе управления уральским селом в конце 1920-х — 1930-х гг.

В.В. Филатов

Аннотация. В публикации предпринята попытка проанализировать качественный состав партийно-советских работников Уральского региона накануне и в годы коллективизации. Выявлено, что кадры управления работали нестабильно. К ним часто применялись репрессии, постоянные перемещения на другие должности. В системе управления сельскохозяйственным производством преобладал подбор руководителей по классовому принципу. Образование руководящих работников не соответствовало требованиям времени. Отсутствовала эффективная система подготовки и переподготовки управленческих кадров. Недостаток квалифицированных управленцев восполнялся командно-приказными методами руководства в условиях мобилизационной экономики.

Ключевые слова: партийно-государственные кадры, управление, репрессии, Уральский регион, образование, социальное происхождение.

Abstract. The publication attempts to analyze the qualitative composition of party and soviet workers in the Urals region on the eve and during the years of collectivization. It was revealed that the management cadres were not stable. They were often repressed, constantly moving to other positions. The management of agricultural production was dominated by the selection of leaders according to the class principle. The education of executives did not meet the requirements of the times. There was no effective system of training and retraining of management personnel. The lack of qualified managers was filled with command-and-control methods of leadership in the context of the mobilization economy.

Key words: party-state cadres, management, repression, the Ural region, education, social origin.

Как в целом в отечественной, так в уральской историографии качественный состав партийно-советских работников, повышение их квалификации в 1920—1930-е гг. анализируется лишь фрагментарно. Назрела необходимость восполнить этот пробел на основе новых источников. Сведения о качественном составе руководящих кадров — уровне зна-

Филатов Владимир Викторович — доктор исторических наук, профессор Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова. E-mail: v.philatov@mail.ru.

Filatov Vladimir V. — doctor of historical sciences, professor at the Magnitogorsk State Technical University named after G.I. Nosov. E-mail: v.philatov@mail.ru.

ний, социальном происхождении, стаже руководящей работы — позволит выяснить возможности областных, районных руководителей Урала влиять на процессы, проходившие в деревне, а также причины, приведшие к усилению административно-нажимных методов руководства сельским хозяйством. Хотя многое в системе управления зависело от решений правящей элиты, но и на местах руководители разного ранга влияли на ход реализации указаний центра.

Репрезентативность анализа обеспечивается территориальными рамками исследования, включающего нынешние республики Башкортостан и Удмуртию, Пермский край, Свердловскую, Челябинскую, Курганскую, Оренбургскую и частично Тюменскую и Омскую области. В годы коллективизации громадная Уральская область и сопредельные территории занимали ведущие позиции в экономике страны.

Какова же была динамика процессов, происходивших в кадровой политике, социальном составе и образовательном уровне партийно-советских руководителей? Поскольку коммунистической партии отводилась главная роль в строительстве социализма, то важно в первую очередь выяснить, какие трансформации происходили в партийных структурах на Урале. В начале «великого перелома» И. В. Сталин провел замену большинства секретарей обкомов и крайкомов ВКП(б) на руководителей, способных беспрекословно решать вопросы модернизации экономики, не считаясь ни с чем, применяя, в случае необходимости, радикальные, чрезвычайные меры. Его ставленники, занявшие высокие посты, также в свою очередь начали формировать новый состав областных и краевых комитетов. В конце 1920-х гг. до 60% новых работников пришли в организационный и распределительный отделы Уральского обкома ВКП(б). Секретарь обкома партии И. Д. Кабаков начал смену партийных функционеров именно с этих отделов, которые занимались номенклатурными кадрами обкома, а затем стал проводить замену работников горкомов и райкомов ВКП(б).

Смена кадров наблюдалась и в Башкирском обкоме ВКП(б) с приходом нового секретаря Я. Б. Быкина. Здесь было заменено около 90% функционеров областного комитета. Только к концу первой пятилетки в этом обкоме положение несколько стабилизировалось — $\frac{2}{3}$ инструкторов работали от года до трех лет. После административно-территориального деления Уральской области в 1934 г. более половины заведующих отделами и их заместителей во вновь созданном Свердловском обкоме партии также работали от года до трех лет.

С 1937 г. вновь началась резкая замена обкомовских кадров. Это было вызвано вполне понятными причинами, связанными с периодом так называемого «большого террора». По стране был заменен каждый пятый секретарь обкома и крайкома партии, 40% секретарей работали в должности от года до трех лет. В 1937 г. сменились каждый четвертый заведующий отделом обкома, 40% их заместителей, инструкторов. То же происходило и в областных комитетах партии Уральского региона. В Оренбургском обкоме ВКП(б) прошла замена 71,4% заместителей заведующих отделами.

Если в Башкирии в начале 1930-х гг. $\frac{2}{3}$ секретарей райкомов партии занимали эту должность от года до пяти лет и лишь 2% — пер-

вый год, то в начале второй пятилетки только поступил работать на это место каждый третий секретарь РК ВКП(б), а в 1937 г. таковых оказалось более половины. Со времени образования Свердловской области в райкомах партии каждый четвертый-пятый партийный руководитель был вновь назначен на эту должность. В следующем году сменилась половина первых и все вторые секретари РК ВКП(б). Текучесть среди секретарей райкомов партии вновь возросла в 1937 году. В Челябинской области около 80% секретарей райкомов были сменены в 1934 г., и подобное повторилось в конце второй пятилетки, в год разгула репрессий. В 1937 г. сменилось 38,2% секретарей райкомов Оренбургской области, а в целом по стране каждый пятый секретарь РК ВКП(б) вновь пришел вместо ушедшего партийного руководителя.

За годы двух пятилеток также нестабильно работали партийные кадры в отделах районных комитетов ВКП(б) Уральского региона. Систематически проводились перемещения заведующих отделами, инструкторского состава и других ответственных работников райкомов. Они тоже в 1937 г. попали под репрессии, к тому же пройдя еще и партийные чистки 1933—1936 годов.

В конце второй пятилетки по стране сняли с работы 41% заведующих отделами, 35% инструкторов и свыше половины других работников РК ВКП(б). В Оренбургской области в 1937 г. впервые получили назначение на должность треть заведующих отделами, $\frac{2}{3}$ инструкторов и почти все другие ответственные работники райкомов партии. Подобное положение было и в других райкомах партии Урала.

В две первые пятилетки происходили кадровые перемещения в советских учреждениях. В конце 1920-х гг. каждый третий-четвертый работник Башкирского ЦИКа был только назначен на должность. До 1937 г. руководящие работники Центрального Исполкома работали более стабильно — около половины из них трудились от года до трех лет, и только в период репрессий вновь начались кадровые изменения.

В начале 1930-х гг. среди ответственных работников Уральского облисполкома замен было меньше, чем в Башкирии, — 12,5% функционеров осваивали новую для себя должность. Здесь еще не успели вплотную заняться кадровой политикой. При завершении второй пятилетки начались резкие изменения в составе исполкомов Свердловской и Челябинской областей. Только в Челябинской области сменились 71,4% инструкторов и 83,3% других ответственных работников облисполкома.

В среднем звене Советов, в райисполкомах (риках), текучесть кадров постоянно была на высоком уровне. В 1930 г. сменились более половины председателей райисполкомов в Уральской области, около половины председателей освободили свои посты в следующем году в Башкирии. Если в 1933 г. в Уральской области первый год работали 75,9% председателей риков, то в Башкирии вновь приступили к этой работе более половины, а в следующем году — еще более трети руководителей.

В Свердловской области в 1936 г. почти каждый второй председатель райисполкома работал от года до трех лет, и вновь назначенных не было, но в следующем году 42,2% председателей впервые получили эту должность. В 1937 г. в Челябинской области сменилась треть председа-

телей риков. Несколько иначе обстояли дела в Оренбургской области. Если в середине 1930-х гг. здесь заменили половину председателей райисполкомов, то в 1937 г. — всего 2%.

Не было стабильности среди руководящих кадров сельских Советов. В 1935 г. в Оренбургской области первый год работали каждый третий председатель, секретарь и $\frac{2}{3}$ заместителей председателей сельсоветов. К концу второй пятилетки 74,7% председателей занимали этот пост от года до пяти лет, а впервые приступили к работе лишь 4,7%. В Челябинской области в то время около трети председателей, почти половина их заместителей и свыше трети секретарей сельсоветов только получили назначение на эту должность.

Изменения происходили и в земельных органах, непосредственно занимавшихся селом. В конце 1920-х гг. среди руководителей Уральского областного земельного управления (Уралоблзу) 60% работало в должности первый год, а среди специалистов управления — 41,6%. Заведующих районными земельными отделами (райзо) с таким стажем работы было меньше — 12,5% из-за того, что просто некого было назначать. В Башкирии каждый третий работник Наркомата земледелия впервые занимал эту должность.

В 1932 г. текучесть кадров среди руководителей отделов в Уральском облзу составляла от $\frac{1}{3}$ до $\frac{4}{5}$, а среди специалистов — от $\frac{1}{5}$ до $\frac{1}{2}$. Каждый четвертый заведующий райзо трудился до года и более половины — от года до трех лет. В следующем году в Уральской области из-за кампании чисток значительно возрос удельный вес начинавших деятельность заведующего (до 73,4%), а в Башкирии он достиг 86,4%. Высокая сменяемость зав. райзо в Башкирии была и в последующие годы. В 1937 г. в Свердловской области в результате репрессий до года работал каждый третий-четвертый заведующий райзо, хотя в предыдущем году их сменилось также довольно значительное количество — 42,6%. В Оренбургской области в 1937 г. текучесть среди руководителей районных земельных отделов составила всего 2%, основная смена произошла в предыдущие годы — почти 90% заведующих работали от года до трех лет ¹. Проведенный анализ статистических данных свидетельствует о нестабильности партийно-государственных кадров в исследуемый период.

Конкретные факты кадровой политики подтверждают это. В начале 1930-х гг. чаще всего партийно-государственных работников снимали за невыполнение указаний вышестоящих организаций по заготовкам сельскохозяйственной продукции и проведению других сельскохозяйственных кампаний ².

Тогда на Урале широко использовался способ пополнения кадров государственных и колхозно-кооперативных организаций за счет выдвиженцев из рядовых рабочих и крестьян. Если в 1927 г. в советском аппарате Уральской области работали 115 выдвиженцев, то в 1929 г. — в 8 раз больше ³. Эксперимент с выдвижением не получился. Классовое чутье не заменяло знаний, а обязательное внедрение в аппарат неподготовленных людей кроме вреда ничего положительного не давало ⁴. Партийно-советское руководство весной 1931 г. прекратило мобилизацию рабочих для работы в госорганах.

Как считали в ЦИК СССР в 1933 г., местные органы засорены вредителями и антисоветскими элементами ⁵. Стремление быстрее отчитаться о большом количестве вредителей привело к тому, что в Свердловском областном суде в 1935 г. каждый четвертый приговор в отношении советских работников признали ошибочным ⁶. Чистки в Уралоблзу выявили, что каждый третий специалист — чуждый элемент, а каждый десятый — чуждый партии ⁷.

В период репрессий в числе приговоренных к высшей мере наказания оказались партийные руководители Свердловской, Челябинской областей, Башкирии: И. Д. Кабаков, К. В. Рындин, Я. Б. Быкин и многие другие ответственные руководители как партийных, так и советских органов ⁸. В 1937 г. заведующий Свердловского облзу «за связь с врагами народа» был снят с работы и исключен из партии. То же произошло и с рядом других чиновников этого управления. В том же году арестовали 20 руководящих работников Башкирского НКЗ, 146 земельных работников и руководителей МТС, несколько руководящих работников Челябинского облзу. Стереотипными являлись обвинения во вредительстве в сельском хозяйстве ⁹.

Не менее важно проследить социальный состав руководящих работников, поскольку в руководстве аграрным сектором нужны были специалисты, знакомые с сельскохозяйственным производством. В областных комитетах партии Уральского региона в течение двух первых пятилеток партработников из крестьян — было незначительное количество. Если в Уралобкоме ВКП(б) их имелось в 1930 г. 7,8%, то в Свердловской и Челябинской областях доходило до 15% в 1937 г., что примерно соответствовало союзным показателям. Основную часть обкомовских кадров составляли выходцы из рабочих. Таким образом, жестко выдерживалась установка на представительство рабочих в верхах партийной власти.

Свои особенности имела Башкирия. В силу преобладания сельского населения и отсутствия промышленного пролетариата, число функционеров из рабочих здесь было не столь велико — в начале 1930-х гг. около 6%, но постепенно увеличивалось и к 1937 г. составило почти треть. В автономной республике за эти годы возрос и удельный вес работников обкома из крестьян с 17,6% до трети. В основном же в Башобкоме ВКП(б) кадры назначались в первой пятилетке из семей служащих, и хотя это не отвечало решению ЦК, но приходилось считаться с реальными обстоятельствами.

В райкомы партии также стремились поставить кадры из рабочих. Они преобладали в Уральской области, доходя до 60,4% состава секретарей райкомов, и позднее сохранялись примерно на том же уровне в Свердловской и Челябинской областях. В Уральской области в течение первой пятилетки каждый четвертый секретарь РК ВКП(б) и каждый третий другой работник райкома были из крестьян. В Свердловской области процент секретарей райкома партии из крестьян не превышал 16, что было ниже союзных показателей (22,8%). В Челябинской области в 1934 г. каждый четвертый секретарь РК ВКП(б) был выходцем из крестьянской семьи, а к 1937 г. показатель снизился до 16,3%, поскольку здесь вновь начали увеличивать рабочую прослойку.

Некоторые особенности в социальном составе функционеров райкомов партии имели Башкирия и Оренбургская область. В Башкирии за 1930—1937 гг. доля секретарей РК ВКП(б) из крестьян увеличилась с 38 до 47,8%, а других работников райкома из крестьян было свыше половины, и эта цифра среди отдельных должностей доходила до 85,7% (заведующие отделами). Это можно объяснить преимущественно сельским населением республики, когда в райком попадали, пройдя все ступеньки карьеры от председателя колхоза, сельсовета, райисполкома.

В Оренбургской области удельный вес сельских секретарей райкомов из крестьян снижался. Если в Оренбургском округе из крестьянской семьи имелось около $\frac{2}{3}$ секретарей, то в созданной в 1934 г. области — $\frac{1}{3}$, а к концу пятилетки — $\frac{1}{5}$, причем среди инструкторов за 1934—1937 гг. был лишь небольшой рост работников из крестьян. Из этого видно, что вышестоящими парторганами предпринимались меры по утверждению «пролетарского ядра» в аппаратах, хотя их удельный вес уменьшался, но был все же выше, чем работников из крестьян.

Уральский областной исполнительный комитет в годы первой пятилетки подбирал в свой аппарат в основном функционеров из семей служащих и рабочих, а доля чиновников из крестьян не превышала 12%. Такое же положение сохранилось и во второй пятилетке во вновь образованных Свердловской и Челябинской областях. В Уральской области в начале первой пятилетки каждый третий председатель райисполкома был из крестьян, что значительно превышало союзные показатели (8,8%), а к 1933 г. таковых стало уже 43,2%, но в Свердловской, Челябинской и Оренбургской областях вновь был взят курс на подбор кадров из рабочих и служащих. Среди председателей райисполкомов Оренбуржья в середине 1930-х гг., например, не было ни одного функционера из крестьян, но зато каждый третий являлся выходцем из рабочей семьи. Особенностью Башкирии являлось то, что в отличие от других регионов Урала здесь более половины председателей райкомов родились в деревне.

Если в 1930 г. около $\frac{2}{3}$ состава Уральского областного земельного управления было из крестьян, то к 1933 г. их стало $\frac{1}{5}$, а большая часть сотрудников управления по происхождению была из рабочих и служащих. В наркомате земледелия Башкирии, наоборот, произошел рост работников из крестьян с 5,3% в начале первой пятилетки до 28,6% в 1933 году. В это время в республике в связи с политикой укрепления органов управления кадрами коренной национальности принимали больше башкир из села, но выполнялось и условие на пролетаризацию руководства — 42,8% сотрудников наркомата были из рабочих. В Уральской области в годы первой пятилетки в районных земельных отделах значителен был удельный вес заведующих из крестьян, хотя он и сократился с 72,7% до 61,3%, а во второй половине 1930-х гг. — до 43,8% в Свердловской области. В Башкирии каждый второй зав. райзо был из крестьян.

Кадровая политика в советских органах также определяла приоритет рабочего класса в управлении государством. Классовый подход приводил к формированию органов государственной власти на Урале без учета специфики региона, где большинство населения состояло из крестьян.

Происходили изменения и в общеобразовательном уровне партийно-советских работников. Низкий уровень образования, даже в условиях приказных методов руководства, не позволял эффективно решать насущные вопросы управления сельскохозяйственным производством.

В начале первой пятилетки в Уралобкоме ВКП(б) более половины функционеров имели низшее (начальное) образование и лишь 6,2% — высшее, в 1934 г. в Свердловском обкоме партии — 38,9% и 16,7% соответственно. В Челябинском ОК ВКП(б) с низшей общеобразовательной подготовкой был каждый второй работник и с высшим образованием столько же, сколько и в Свердловске. Это объяснялось тем, что у Свердловского обкома ВКП(б) было больше возможностей в подборе кадров и их обучении, чем в Челябинске, и к тому же функционеры Уралобкома с более высоким образованием перешли работать во вновь созданный обком.

В 1937 г. в Свердловском обкоме уже каждый третий работник имел высшее и столько же — низшее образование, в Челябинском обкоме партии показатели были хуже — 28,1% чел. — с высшим и 42,6% — с низким образованием. В Оренбургском ОК ВКП(б) доля функционеров, получивших вузовскую подготовку, была такой же, как в Челябинском обкоме, а с низким образованием — несколько меньше (38,3%).

С начала первой до конца второй пятилетки особенно разительные перемены произошли в образовании работников Башкирского обкома партии. Если в 1929 г. около $\frac{2}{3}$ состава аппарата обкома имели низшее образование и только 5% — высшее, то в 1937 г. — 21,1% и 29,8% соответственно. Эти данные показывают, как сказывались на образовательном уровне результаты работы по приему в обком более подготовленных работников, да и в целом социально-экономические изменения, происходившие в республике.

Если в конце 1920-х гг. в обкомах партии Урала имелось небольшое количество партийных функционеров с высшим образованием, то в сельских райкомах их были только единицы и то не везде. В Уральской области среди секретарей РК лишь трое окончили вуз, а 83% имели низшее образование. В 1933 г. начальная подготовка была уже у 62,5% секретарей. В Башкирии за 1930—1937 гг. значительно уменьшилось число секретарей РК ВКП(б) с низким образованием — с 84 до 55%. Если в начале 1930-х гг. в этой автономной республике не было ни одного секретаря райкома партии с высшим образованием, то в конце второй пятилетки их стало 11,7%.

В 1937 г. в Свердловской области свыше $\frac{2}{3}$ секретарей РК ВКП(б) имели низшее образование и около 12% — высшее. В Челябинской области показатели были несколько лучше. Здесь половина секретарей получила начальное образование и каждый пятый — высшее. Секретари райкомов партии Оренбургской области в большинстве своем имели среднее, 39,5% — низшее и 9,2% — высшее образование. Влияние на образовательный уровень райкомовских работников, безусловно, оказали репрессии. То, что в Свердловской области часто менялись партийные кадры, не могло ни отразиться на большом удельном весе секретарей с начальной подготовкой, тогда как в Оренбургской области этот процесс проходил менее болезненно. Однако недостаточный резерв вы-

пускников вузов не позволял здесь увеличить численность секретарей РК ВКП(б) с высшим образованием.

Происходили изменения и в образовательном уровне советских кадров. Если в Уральской области в конце 1920-х гг. имелись $\frac{3}{4}$ ответственных работников областных и окружных советских учреждений с низшим образованием и всего 7% — с высшим (в ЦИК СССР — 14,7%), то в 1933 г. свыше половины работников облизполкома были с начальной подготовкой, и каждый пятый окончил институт. В 1937 г. каждый четвертый сотрудник Челябинского облизполкома имел высшее и каждый третий — низшее образование. В начале первой пятилетки около $\frac{2}{3}$ работников Башкирского ЦИК окончили начальную школу. В 1933 г. среди инструкторов БЦИК 44,5% были с начальной общеобразовательной подготовкой и 22,2% — с высшей. Во второй половине 1930-х гг. свыше трети сотрудников Совнаркома республики имели высшее образование и всего 7,7% окончили начальную школу.

Председатели райисполкомов значительно отставали по уровню образования от областных функционеров. Например, в Уральской области в начале 1930-х гг. 98,3% председателей райисполкомов были с низшим образованием, а в Башкирии — 81,8%. В Уральской области не было ни одного председателя райисполкома с высшим образованием, а в Башкирии оказались двое. К 1933 г. положение с образованием председательских кадров осталось прежним, если не считать появления одного председателя с вузовским образованием в Уральской области. Нестабильность советских кадров, особенно в среднем звене, не могла не сказаться на том, что от 75 до 86% председателей райисполкомов всех районов Урала имели низшее образование. На Среднем, Южном Урале и в Башкирии насчитывались единицы руководителей райисполкомов, окончивших институт, хотя к тому времени стали появляться в районах выпускники сельскохозяйственных вузов. Однако административной системе нужны были прежде всего классово выдержанные партийные кадры независимо от уровня грамотности. В уральских сельсоветах в 1930-х гг. среднее образование имели всего несколько человек.

Более половины сотрудников областного земельного управления Уральской области в 1930 г. имели начальную подготовку, и лишь каждый пятый чиновник получил высшее образование. Не всегда к руководству отделами и секторами приходили высокообразованные люди. Все определяли при подборе кадров партийность, классовая принадлежность, умение командовать. В конце первой пятилетки образованных сотрудников Уралоблзу стало больше (28,6% с высшим образованием). В то же время в Башкирском наркомате земледелия руководили менее образованные чиновники: каждый пятый сотрудник окончил вуз и 71,4% — только начальную школу. Не было особых сдвигов и в конце второй пятилетки. Например, в Челябинском облзо $\frac{2}{3}$ сотрудников имели начальное образование и каждый четвертый — высшее.

В районных земельных органах положение было еще хуже. В конце 1920-х гг. 98,1% руководителей уральских райзо окончили только начальную школу, а в Башкирии таковых было 86,4%. К 1933 г. в Уральской области появился один заведующий райзо с высшим образованием, а с начальной подготовкой насчитывалось 80,4%, тогда как

в Башкирии постоянные перемещения кадров привели к тому, что возрос удельный вес зав. райзо с низшей подготовкой (95,6%). В 1937 г. $\frac{2}{3}$ свердловских и $\frac{3}{4}$ оренбургских заведующих районными земельными отделами окончили начальную школу, и единицы получили вузовскую подготовку, а в Челябинской области все районные земельные руководители имели только начальное образование ¹⁰. И это при том, что в районах были специалисты с высшим и средним сельскохозяйственным образованием.

Могли ли реально во второй половине 1920-х гг. в руководящих государственно-партийных органах работать коммунисты-специалисты с высшим и средним сельскохозяйственным образованием? В 1927 г. среди коммунистов Уральской области имелось всего 18 специалистов сельского хозяйства с высшим и 83 со средним образованием, а в Сибирском крае и того меньше — 14 и 59 соответственно. В целом же в стране к тому времени 656 коммунистов окончили сельскохозяйственный вуз и 1907 — сельхозтехникум ¹¹.

Всесоюзная перепись населения СССР в 1939 г. показала изменения, произошедшие в образовательном уровне управленческих кадров Уральского региона. Среди управленцев партийных, государственных, кооперативных и общественных учреждений и организаций общесоюзного, республиканского и областного значения высшее образование чаще встречалось у свердловчан (15,7%), хотя всего на 0,1% от них отставали пермские и удмуртские работники. У руководителей районного и областного масштаба показатели были хуже: с высшим образованием больше имелось работников в Башкирии (3,7%) и меньше — в Удмуртии (1,5%). По доле работников со средним образованием первенствовали Башкирия и Удмуртия (по 42,1%). Руководители сельских Советов во всех районах Урала, кроме Башкирии (0,2% окончили вуз), не имели высшего образования. Работников со средним образованием насчитывалось в этих органах от 1,5% (Челябинская область) до 3,6% (Башкирия и Удмуртия) ¹².

Учет кадров руководителей, планы их обучения и фактическое осуществление этих планов на Урале было организовано очень слабо. Намеченные минимальные задания подготовки руководителей, за редким исключением, не выполнялись. Низкий общеобразовательный уровень обучавшихся не могли повысить ни стационарные учебные заведения, ни скоротечные курсовые мероприятия. В большинстве случаев не были созданы нормальные условия для учебы. Низкое качество преподавания, примитивизм и схематизм учебных программ, далеких от реальных конкретных дел, не позволяли готовить хороших специалистов. Это подтверждают многочисленные данные Уральского региона ¹³.

Кадры высшей в средней квалификации могли дать только сельскохозяйственные вузы и техникумы. Специалисты нужны были всюду: в органах управления, образования и непосредственно в колхозах и совхозах. В 1930-х гг. проходили постоянные реорганизации сельскохозяйственных учебных заведений, что вряд ли способствовало улучшению учебного процесса. Так, в 1932 г. число сельскохозяйственных вузов на Урале сократилось с пяти до трех, а техникумов — с 22 до 13, тогда как в начале пятилетки имелось два подобных института

и шесть техникумов. При всех недостатках эти учебные заведения позволили увеличить количество специалистов для органов управления и колхозов.

За 1928—1932 гг. уральские сельскохозяйственные вузы выпустили 633 специалиста, а техникумы — 1283. Неполные данные источников не позволяют точно указать количество выпускников сельскохозяйственных вузов и техникумов Уральского региона во второй пятилетке, но их количество ежегодно возрастало, что дало возможность в некоторой степени укомплектовать специалистами органы управления, колхозы и совхозы ¹⁴. За 1930-е гг. в СССР вузами было подготовлено 21,9 тыс. специалистов-аграриев ¹⁵. Однако потребности в них были намного выше.

Исследование проблемы качественного состава и повышения квалификации партийно-советских кадров на Урале в период формирования административно-командной системы позволяет выделить основные моменты. В органах управления Урала недостаточно учитывался социальный состав населения региона, преимущественно сельского. Взятый по указанию ЦК ВКП(б) ориентир на классовый подход в формировании руководящих органов с обязательным преимуществом рабочей прослойки не позволял достаточно полно использовать жизненный опыт тех людей, кто вырос в селе. Особенно предвзято к подбору кадров относились при приеме на работу в обкомах партии, а именно здесь нужны были люди из деревни. Конечно, и среди работников из крестьян не все хорошо разбирались в деревенских проблемах, оказавшись в номенклатуре, «забывали» свое происхождение, но искусственная пролетаризация кадров управления не совпадала со структурой населения Уральского региона. Как правило, крестьяне-управленцы были из батраков и бедняков, менее знакомых с проблемами руководства селом.

Изучение вопросов текучести кадров, стажа их работы высветило многие пороки новой системы управления народным хозяйством. Неподготовленность партийно-советских работников квалифицированно и компетентно управлять производственными процессами из-за слабой общеобразовательной и специальной подготовки приводила к их частой смене. К дестабилизации кадров управления вело не всегда продуманное перемещение работников с одного участка работы на другой. Не успев как следует освоиться на одном месте, по воле вышестоящих органов руководитель перебрасывался в другое номенклатурное кресло. Невосполнимые потери приносили всевозможные чистки, проверки, приводившие в конечном итоге к репрессиям, особенно во второй половине 1930-х годов. Немало руководителей пострадало из-за надуманных обвинений в участии в различной вредительской деятельности, оппозициях. Ущерб управлению нанесли и так называемые укрепления руководящих органов выдвиженцами, еще менее способными руководить аграрной экономикой, а также направление общественных деятелей областного и районного масштаба в низовые партийно-советские органы.

Анализ образовательного уровня руководящих работников различного звена показывает, что, как и в целом по стране, на Урале он был низок и не соответствовал задачам по подъему аграрной экономики. Под-

мена знаний сельскохозяйственного производства внеэкономическими, чрезвычайными мерами усугубляла кризис в руководстве селом.

В годы коллективизации на Урале не была создана эффективная система образования. В эти годы наметились лишь попытки соединить в единую систему обучения различные учебные подразделения, но не существовало продуманной целевой программы подготовки и переподготовки руководящих кадров. Отсутствие хорошей организации учета наличия подготовленных кадров, планирования подготовки и переподготовки руководителей снижало эффективность обучения.

Повышение квалификации не поспевало за ускоренной коллективизацией. В первой пятилетке нужно было обучить тысячи партийно-советских, земельных работников, а наспех созданные учебные формирования не давали добротных знаний. Во главу угла ставились количественные показатели в ущерб качественным. Высокая текучесть руководящих кадров приводила к дополнительному обучению часто менявшихся руководителей. Постоянная неукомплектованность контингента учебных заведений в связи с тем, что не всегда работникам управленческих структур давали возможность повысить свои профессиональные знания, создавала еще больший дефицит подготовленных руководителей.

Содержательная часть учебных дисциплин, сориентированная на заучивание идеологических догм, особенно в комвузах и совпартшколах, была далека от реальных требований обучения местных партийно-государственных функционеров основам сельскохозяйственных знаний и управления. В полной мере не были осуществлены возможности заочного обучения, что при рациональном использовании рабочего времени помогло бы самостоятельно осваивать научные знания не только на курсах, но и получать образование в сельскохозяйственных учебных заведениях. В годы первых пятилеток мало внимания уделялось повышению квалификации преподавательского корпуса, что приводило, в конечном счете, к слабым знаниям выпускников. Все это свидетельствовало о многих нерешенных проблемах в системе управления сельским хозяйством.

Примечания

1. Рассчитано автором по: Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), ф. 1235, оп. 106, д. 390, л. 10—11, 14—15, 26; Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 17, оп. 7, д. 247, л. 19; Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДОО СО), ф. 4, оп. 7, д. 335, л. 111—114; оп. 8, д. 540, л. 10, 22; д. 561, л. 95, 104; д. 685, л. 7—7об.; оп. 9, д. 132, л. 7—7об.; д. 150, л. 5; д. 153, л. 108; д. 818, л. 10—12; д. 906, л. 75; оп. 11, д. 194, л. 3—5, 8, 11, 13; д. 393, л. 21; д. 398, л. 1—6; д. 409, л. 20—32; оп. 12, д. 131, л. 7—7об., 9—10, 16, 52; д. 155, л. 44—45; оп. 13, д. 334, л. 28, 30, 32, 41; оп. 14, д. 242, л. 1—2; д. 487, л. 61—63; оп. 15, д. 544, л. 2; д. 545, л. 11, 14, 18—19; д. 552, л. 16; Государственный архив Свердловской области (ГА СО), ф. 88, оп. 3, д. 53, л. 156; д. 146, л. 2; д. 201, л. 1—2; д. 240, л. 4; Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ), ф. 122, оп. 8, д. 77, л. 16, 50; оп. 9а, д. 1, л. 15—19; д. 13, л. 81; д. 14, л. 1; оп. 10, д. 241, л. 7; оп. 11а, д. 7, л. 4, 9; д. 8, л. 122; д. 19, л. 313; оп. 12, д. 20, л. 5—8; д. 463, л. 14, 16, 18—20, 23—28; д. 468, л. 6; оп. 13, д. 7, л. 341; д. 303, л. 1, 3—4, 26, 28, 36; оп. 15, д. 244, л. 4; оп. 16, д. 143, л. 2,

- 7—10; оп. 17а, д. 2, л. 296—299, 342—345; Центральный исторический архив Республики Башкортостан (ЦИА РБ), ф. 933, оп. 2, д. 422, л. 4; д. 440, л. 12об. —13; д. 470, л. 35; Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГА ЧО), ф. 288, оп. 1, д. 62, л. 19—20; оп. 2, д. 310, л. 5—6; ф. 274, оп. 3, д. 5068, л. 1—4; д. 5082, л. 2; д. 5086, л. 83; Государственный архив Оренбургской области (ГА ОО), ф. 1014, оп. 10, д. 7, л. 47, 64; д. 15, л. 44; д. 28, л. 137—138; Центр документации новейшей истории Оренбургской области (ЦДНИ ОО), ф. 371, оп. 1, д. 721, л. 12; д. 833, л. 36; оп. 2, д. 340, л. 2об.
2. ЦДОО СО, ф. 4, оп. 8, д. 326, л. 7; оп. 14, д. 244, л. 67; оп. 9, д. 214, л. 64—65; д. 755, л. 49—50; ГА СО, ф. 88, оп. 1, д. 4379, л. 232; Пермский государственный архив социально-политической истории (ПермГА СПИ), ф. 200, оп. 1, д. 624, л. 182—182об.; Уральский рабочий. 1932, 16, 17, 27 ноября, 30 декабря.
3. Материалы к отчету Уральского обкома десятой областной партийной конференции. Свердловск. 1930, с. 67; Известия Уралоблисполкома. 1929, № 50, с. 2; ЦДОО СО, ф. 4, оп. 8, д. 563, л. 45, 54.
4. XI Уральская областная конференция ВКП(б). Стенографический отчет. Свердловск. 1932, бюллетень 9, с. 37.
5. Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР (СЗ СССР). 1933, № 6, ст. 41.
6. ЦДОО СО, ф. 4, оп. 15, д. 562, л. 149.
7. Там же, оп. 7, д. 191, л. 206; д. 335, л. 96—97, 114; оп. 8, д. 532, л. 106.
8. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. 1927—1939. Т. 5. 1937—1939. Кн. 1. 1937. М. 2004, с. 600; Государственный архив административных органов Свердловской области (ГААО СО), ф. 1, оп. 1, д. 16688, л. 51, 56.
9. ЦДОО СО, ф. 4, оп. 15, д. 62, л. 81; НА РБ, ф. 122, оп. 17, д. 568, л. 1—2, 5, 7, 12; ОГА ЧО, ф. 288, оп. 2, д. 520, л. 1—11; Челябинский рабочий. 1937, 14 декабря; Звезда. 1937, 5 октября; Колхозная жизнь на Урале. 1935—1953. М. 2006, с. 11.
10. Рассчитано автором по: ГА РФ, ф. 1235, оп. 106, д. 390, л. 10—11, 14—15, 26; оп. 107, д. 563, л. 62, 67, 69; д. 564, л. 227, 234, 295; д. 567, л. 51; Российский государственный архив экономики (РГАЭ), ф. 7446, оп. 11, д. 42, л. 21; д. 43, л. 28—32; ф. 7486, оп. 18, д. 885, л. 48об., 50, 89об., 91; РГА СПИ, ф. 17, оп. 7, д. 49, л. 3, 15, 38, 45, 48, 66; д. 247, л. 13, 15—16; д. 249, л. 3, 45, 48, 66; д. 251, л. 29об., 115об.; д. 252, л. 78об., 161об.; д. 253, л. 8об., 131об.; ЦДНИ ОО, ф. 4, оп. 1, д. 97, л. 1—3, 15—17; д. 180, л. 11—12; д. 323, л. 1—5; ф. 371, оп. 1, д. 4, л. 1—14; д. 180, л. 103, 108; д. 271, л. 1; оп. 2, д. 340, л. 88; д. 833, л. 36—37; ГА ОО, ф. 2, оп. 1, д. 484, л. 66, 149—154; д. 488, л. 7—8; ф. 1014, оп. 10, д. 7, л. 29—33, 47, 64; д. 28, л. 137—138; НА РБ, ф. 122, оп. 8, д. 56, л. 264; д. 65, л. 19—20; д. 66, л. 29, 31; д. 76, л. 1—5; д. 77, л. 16, 50; д. 78, л. 1—2, 5; д. 105, л. 376; д. 107, л. 90об.; оп. 9, д. 132, л. 5—7об.; д. 145, л. 125—126, 128; д. 146, л. 8; д. 150, л. 1, 19, 21, 24 об. —25; д. 153, л. 108; оп. 9а, д. 1, л. 3—8, 10—11, 15—19, 38; д. 7, л. 1, 14—15; д. 9, л. 20; д. 13, л. 46—63, 81; оп. 12, д. 463, л. 14, 16, 18—20, 23—25; д. 465, л. 1—2, 5—6, 10, 12; оп. 13, д. 303, л. 1, 3—4, 26, 28, 36, 38; оп. 13а, д. 3, л. 2—7, 27—34; оп. 15, д. 244, л. 4; оп. 16, д. 324, л. 16—20; оп. 17, д. 380, л. 272—277; оп. 17а, д. 2, л. 296—297, 342—345, 349—351; ЦИА РБ, ф. 933, оп. 2, д. 422, л. 4, 12—15; д. 440, л. 12об. —13; д. 470, л. 35, 51—56; д. 492, л. 17—18; д. 5286, л. 118; ЦДОО СО, ф. 4, оп. 7, д. 232, л. 79; д. 313, л. 20, 217об. —218; д. 335, л. 11—116; д. 350, л. 150об. —158, 161об. —162, 164об. —165, 172об. —173, 219об. —228; д. 353, л. 1—5; д. 365, л. 19; оп. 8, д. 532, л. 112; д. 540, л. 1—2, 4—6, 9—10, 19—20; 22; д. 561, л. 95, 101, 104—106, 143—144, 258; д. 563, л. 70; д. 589, л. 213—283; д. 591, л. 1—3, 32об. —33, 35—35об., 98об., 140—142, 145, 147, 155; д. 600, л. 46, 93; д. 685, л. 7—7об.; оп. 11, д. 194, л. 3—5, 8—11, 13; д. 393, л. 1, 20—21, 24; д. 398, л. 1—6; д. 409, л. 7—11, 20—32; д. 1003, л. 182; оп. 12, д. 131, л. 7—7об., 9—10, 15—16, 51—54; д. 155, л. 43—45, 73—74; д. 156, л. 29—30; оп. 13, д. 334, л. 27, 29, 32, 40—41; оп. 15, д. 544, л. 2; д. 545, л. 11—15, 17—20; д. 552, л. 15; оп. 33, д. 162, л. 28—43; ГА СО, ф. 88, оп. 3, д. 53, л. 16, 95—100; д. 69, л. 247об.; д. 146, л. 2; д. 168, л. 144—161, 200—206; д. 176, л. 3; д. 240, л. 4; ОГА ЧО, ф. 288, оп. 1, д. 62, л. 2, 11—12, 34—37; д. 245, л. 35—37, 56—58; оп. 2, д. 671, л. 30—32; ф. 275, оп. 3, д. 5068, л. 1—4; ф. 374, оп. 2, д. 5082, л. 2; д. 5086, л. 83; ф. 274, оп. 3, д. 5035, л. 30; Башкирская областная организация КПСС в цифрах, 1917—1987: Стат. сборник. Уфа. 1987, с. 270; Резолюция XV

- Башкирской партконференции. Уфа. 1932, с. 43; 15 лет Советской Башкирии. Уфа. 1934, с. 198—199; Известия ЦК КПСС. 1990, № 7, с. 74—135; Состав ВКП(б) к XVI съезду. Динамика основных показателей роста партии между XV и XVI съездами. М.-Л. 1930, с. 32; Выборы в Советы в Союзе ССР 1934—1935 гг. М. 1935, с. 41, 50, 52, 55—58, 82, 86, 102; Колхозное строительство Башкирии в 1931 г. (Материалы к XV областной партконференции). Уфа. 1932, с. 33; Выборы в Советы Башкирии в 1934 г. Уфа. 1934, с. 29; Четыре года борьбы за социализм. Материалы к отчету Свердловского исполнительного комитета I съезду Советов Свердловской области. Свердловск. 1934, с. 183; БОРИСОВ Ю.С. Подготовка производственных кадров сельского хозяйства СССР в реконструктивный период. М. 1960, с. 105—107; Материалы к отчету о деятельности Челябинского обкома за 1934—1937 гг. Челябинск. 1937, с. 75; ЛЕПЕШКИН А.И. Советы — власть трудящихся. 1917—1936. М. 1966, с. 415.
11. Всесоюзная партийная перепись 1927 г. Вып. 5. М. 1927, с. 6.
 12. Рассчитано автором по: Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года. Уральский регион. Сб. материалов. Екатеринбург. 2000, с. 56—59, 108—111, 160—163, 210—213, 264—267, 318—321.
 13. ГА РФ, ф. 5151, оп. 1, д. 44, л. 5, 9—10; д. 52, л. 1; д. 122, л. 1—3, 50—51; д. 138, л. 14—17; д. 144, л. 1, 6; НА РБ, ф. 122, оп. 9, д. 18, л. 182; оп. 10, д. 43, л. 20; оп. 11, д. 57, л. 242; оп. 12, д. 10, л. 71, 183—185; д. 76, л. 44—45; д. 219, л. 2—4, 7, 32; ЦДНИ ОО, ф. 371, оп. 1, д. 328, л. 11—12; д. 671, л. 1—2; д. 516, л. 1, 8—10; д. 757, л. 46, ЦДОО СО, ф. 4, оп. 8, д. 205, л. 126; оп. 9, д. 166, л. 221; д. 371, л. 3; д. 379, л. 13; д. 756, л. 84; оп. 10, д. 397, л. 84; ГА СО, ф. 922, оп. 1, д. 15, л. 4; ПермГА СПИ, ф. 200, оп. 1, д. 510, л. 6—7; ОГА ЧО, ф. 288, оп. 1, д. 625, л. 10; Колхозный путь. 1932, 2 декабря; К первому севу второй пятилетки. Свердловск. 1933, с. 15; Материалы к отчету Уралобкома десятой областной партийной конференции. Свердловск. 1930, с. 107; Уральское хозяйство в цифрах. 1929 г. Свердловск. 1929, с. 61, 67; Материалы к контрольным цифрам хозяйства Урала на 1932 г. Свердловск. 1932, с. 77; Власть советов. 1936, № 5, с. 23.
 14. Два года борьбы за социалистическую реконструкцию сельского хозяйства на Урале. Материал к отчету Уралобкома на XI областной партконференции. Свердловск. 1932, с. 43—44; Борьба за кадры социалистического Урала. Материалы к отчету Уралобкома на XI областной партконференции. Свердловск. 1932, с. 71, 73; Материалы к контрольным цифрам хозяйства Урала на 1931 г. Свердловск. 1931, с. 76; ГА СО, ф. 239, оп. 2, д. 508, л. 4—5, 8; ф. 1824, оп. 1, д. 10, л. 20.
 15. КОВАЛЕНКО М.В. Формирование системы высшего сельскохозяйственного образования на Дону в 1920—1930-е годы. — Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия «Общественные науки». 2007, № 5, с. 52.

«Громкие дела» Тюменского губернского революционного трибунала

Н.В. Кудрявцев, И.В. Скипина

Аннотация. На основе документальных данных реконструируется деятельность Тюменского губернского революционного трибунала (1918—1923 гг.), которая не ограничивалась разбирательством преступлений разных категорий сложности, решением задач по наведению жесткого революционного порядка, но и направлялась на ведение резонансных дел, обеспечивавших перестройку общественного мнения, житейских принципов и правил, присущих населению дореволюционной России, в русле принятия советского строя как неизбежного и неотвратимого. Тюменский революционный трибунал, как и другие трибуналы страны, вел «громкие процессы» по раскрытию дел, связанных с контрреволюционной деятельностью. Спецификой его работы стали масштабные разбирательства, связанные с крестьянским восстанием 1921 г., произошедшим в губернии.

Ключевые слова: революционные трибуналы, Тюменская губерния, «громкие дела».

Abstract. As evidenced by documentary sources, the judicial activities of the Tyumen Province Revolutionary Tribunal (1918—1923), reconstructed in the article, were not limited to hearing cases of varying degrees of complexity, or to imposing a rigid revolutionary order. High-profile cases were also brought before the Tribunal, furthering a transformation of the public opinion and mindset of pre-revolutionary Russians in line with the adoption of the Soviet attitudes and principles as imminent and inevitable. The Tyumen Revolutionary Tribunal, like the other tribunals throughout the country, held show trials of counter-revolutionary cases. It was specifically involved in the large-scale proceedings concerning the 1921 peasant uprising in the province.

Key words: revolutionary tribunals, Tyumen province, show trials.

Столетие революции и гражданской войны в России способствовало дальнейшему осмыслению исторической значимости этих событий, еще раз подтвердив тот факт, что они сыграли важнейшую роль в рос-

Кудрявцев Николай Викторович — кандидат исторических наук, доцент Тюменского государственного университета. E-mail: n.v.kudryavcev@utmn.ru; *Скипина Ирина Васильевна* — доктор исторических наук, доцент Тюменского государственного университета. E-mail: i.skipina@mail.ru.

Kudryavtsev Nikolai V. — candidate of historical sciences, associate professor at the Tyumen State University. E-mail: n.v.kudryavcev@utmn.ru; *Skipina Irina V.* — doctor of historical sciences, associate professor at the Tyumen State University. E-mail: i.skipina@mail.ru.

сийской истории, повлияли на дальнейшее развитие страны, привели к масштабной трансформации всех сфер жизни общества. В ходе революционных изменений большевики пришли к пониманию необходимости формирования государственного аппарата, действующего по новым принципам, способного в условиях жесткого противостояния обеспечить победу в войне и укрепить их власть. Стала создаваться особая правовая система, в которой важное место занял революционный суд, вершивший наказания за контрреволюционные деяния и открыто сообщавший об этом, наводя ужас на население страны. Кроме того трибуналы должны были разъяснять новые правовые нормы, обязательные для исполнения всеми гражданами. Данной структуре поручались резонансные дела тех, кто нарушал советские законы.

«Громкие дела» велись на всей территории страны, не была исключением и Тюменская губерния. Трибуналы демонстрировали силу революционной власти, ее последовательность в проведении решений, обеспечивающих неотвратимость наказания за преступление, где бы оно не произошло. Одной из основных задач разбирательств в таких случаях являлось устрашение, воздействующее на все общество с целью подчинения населения государственной власти. Резонансные дела способствовали демонстрации силы революционных законов, новых норм жизни, они были направлены на изменение основ общественного мировоззрения и повседневного уклада. Советские органы управления начали глобальную перестройку институциональной и частной жизни граждан. В этих условиях ревтрибуналы были призваны демонстрировать государственную мощь, возможность действовать не только в центре, но в регионах. Их главной задачей стало обеспечение оперативной реакции на преступления против советской власти, осуществление наказания виновных и получение ответного отклика общественности в форме понимания и поддержки таких действий.

Исследователи не раз обращались к истории революционных трибуналов. Одним из первых характеристику им дал Я. Берман, подчеркнув, что они являлись самостоятельной структурой в советской судебной системе: «Революционные трибуналы не ограничены какими-либо пределами при наложении наказания по каждому преступлению. Независимо от вида преступления, они свободны по собственному разумению наложить как самое тяжкое наказание, так и самое мягкое»¹.

В последующие годы исследователи неоднократно обращали внимание на то, что после революции большевики делали все для усиления рычагов управления, в том числе и с помощью ревтрибуналов. Основное внимание авторы сосредотачивали на анализе советского законодательства 1917—1921 гг., регулировавшего формирование и деятельность трибуналов. В центре внимания исследователей и сегодня находятся вопросы правового статуса подобных структур, их места в системе чрезвычайных органов власти, численности, кадрового состава, основных направлений работы и характера рассмотренных ими преступлений. Историки уже писали о значимости закона «О суде», принятого СНК 22 ноября 1917 г., требовавшего создания революционных трибуналов во всех губернских городах страны для борьбы с контрреволюцией,

мародерством, саботажем, злоупотреблениями чиновников ². Детально анализ нормативного правового регулирования деятельности ревтрибуналов представлен в публикациях Ю.П. Титова ³. В последние годы появились труды, освещающие место ревтрибуналов отдельных регионов в системе советского судоустройства. В этом отношении интерес представляют работы А.В. Абрамова ⁴, В.А. Перцева ⁵, А.В. Макутчева, Ж.С. Васильевой и других ⁶.

В Сибири данной темой в разные годы занимались Р.Л. Хачатуров ⁷, В.И. Шишкин и его ученики ⁸. М.С. Пивоваров изучил организационную систему, кадровый состав и основное содержание деятельности сибирских ревтрибуналов ⁹. Современные историки исследуют не только роль трибуналов в наведении порядка и борьбе с контрреволюцией, но и объясняют их создание «самой психологией революции, состоянием общества, когда происходит насильственный переворот в общественно-политических отношениях, приводящий к переходу к иному общественному строю» ¹⁰. Так, например, В.И. Титков рассматривает революционные трибуналы, прежде всего, как органы политической борьбы ¹¹. Интерес представляют и исследования зарубежных историков. Британский исследователь Мэтью Рендл уверен, что эти органы помогли большевикам установить единую государственную власть, подчинить ей всю территорию страны и, тем самым, способствовали прекращению гражданской войны ¹².

В сферу рассмотрения судов попадали самые разные проступки: уголовные и политические преступления, дезертирство, мелкие провинности и кражи, налоговые нарушения. При этом главной задачей заседаний являлось оперативное рассмотрение дел и вынесение вердикта в условиях гласности. Эти суды были свободны в принятии решений, они обладали широкими карательными полномочиями, все говорило о том, что их деятельность имела важную общественную значимость. Особое место в разбирательствах трибуналов занимали «громкие дела», имевшие политическое и воспитательное значение. Такого рода процессы велись практически по всей стране, процедура сопровождалась привлечением внимания общественности, публикациями в прессе, а решения демонстрировали неуклонную принципиальность и жесткость. В ходе разбирательства таких дел назначение ревтрибуналов проявлялось во всей полноте.

Резонансные дела велись и Тюменским губернским трибуналом. Он был сформирован 28 февраля 1918 г. во главе с членом РКП(б) Н.И. Ивановым, назначенным руководителем всей сети трибуналов в уездных городах губернии. Деятельность трибуналов приостановили в связи с захватом территории белыми и возобновили только 15 сентября 1919 г. после возвращения власти большевикам. С этого момента Иванов стал совмещать должность председателя Тюменского губтрибунала и члена губчека, что свидетельствовало о сближении деятельности двух органов в борьбе с контрреволюцией. На ревтрибуналы ложилась обязанность пресечения самых разных преступлений и обеспечения правопорядка в губернии. Кроме председателя в состав трибунала входили заседатели, избираемые местными советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Ведение дел предполагало формирование

следственных комиссий и предварительное рассмотрение материалов организаторами процесса.

После освобождения края от Колчака в Тюменский губревтрибунал в большом количестве стали поступать дела граждан, уличенных в пособничестве белым и дезертирстве. Власти рекомендовали не затягивать их рассмотрение, как имеющих политический характер, а судебное разбирательство вести с участием общественности. Процессы привлекали внимание населения, заседания сопровождались выступлениями следователей, обвинителей, свидетелей, адвокатов, каждый из которых, кроме речи по существу, разъяснял значимость большевистских преобразований для трудящихся, которые получили гражданские права и теперь живут в свободной стране. Однако данная процедура соблюдалась не всегда, нередко это было вызвано отсутствием участников защиты, обвинения или свидетелей, что не являлось основанием для переноса дела. Нарушителей, признавших свою неправоту, после обещаний встать на путь исправления, чаще всего отпускали. Одновременно с пресечением преступлений и принятием решений о наказании осужденных заседатели старались повлиять на присутствующих, подчеркивая справедливость решений советского суда, что особенно ценилось властями.

Несмотря на все усилия, направленные на наведение порядка, количество дел, нуждавшихся в разбирательстве, росло, все разнообразнее становились и причины, по которым трибуналы привлекали виновных. Одной из основных задач губернского ревтрибунала стало обеспечение выплаты налогов. Население губернии составляли в основном сельские жители, деревни располагались удаленно друг от друга, на значительном расстоянии от губернского центра, а нарушений было много. В конце 1920 — начале 1921 г. к таким делам стали относиться с особой строгостью¹³. Власти ощущали, что сельские районы не поддаются контролю и политическое влияние большевиков в них остается слабым.

Особенно много работы появилось у ревтрибуналов весной 1921 г., когда в губернии началось мощное крестьянское восстание¹⁴. Основной причиной недовольства стал неподъемный размер продовольственной разверстки, предъявленный населению. Дела, связанные с разбирательством действий крестьян против властей, организовывались оперативно выездными сессиями, заседания проводились открыто, они имели главной целью наведение порядка и, одновременно, сопровождались разъяснительной работой среди населения. Однако трибуналам не всегда удавалось реализовать свои планы. Так случилось с делом, рассмотренным выездной сессией Тюменского ревтрибунала 7 февраля 1921 г. в открытом заседании по обвинению граждан Аромашевской волости Ишимского уезда в агитации против выполнения государственной разверстки. Местного крестьянина К. Медведева за призывы к отказу от выполнения продразверстки суд приговорил к расстрелу, а остальных 20 чел. — к более мягким мерам наказания: от условного до трех лет лишения свободы. Власти, таким образом, предполагали навести порядок, но это не успокоило население — крестьяне продолжали проявлять недовольство продразверсткой в других местах губернии¹⁵. Следует за-

метить, что в августе 1921 г. ВЦИК смягчил приговор Медведеву до 5 лет лишения свободы, остальным осужденным наказание заменили на условное ¹⁶.

Самым резонансным, рассмотренным революционным трибуналом в губернии, было разбирательство, состоявшееся 22—28 февраля 1921 г. в Ишимском уезде на публичном заседании выездной сессии революционного военного трибунала Сибири, что свидетельствовало о значимости данного процесса. В.И. Шишкин подчеркнул, что целью этого заседания стало наказание крестьян, недовольных продразверсткой, оправдание продовольственной политики большевиков и наведение порядка в уезде. Ситуация, грозившая выходом из-под контроля властей значительной территории, требовала безотлагательного разбирательства, наведения порядка и не предполагала глубокого изучения причин сложившейся ситуации. Сиббюро ЦК решило провести в Ишиме «комбинированный процесс» с целью демонстрации неизбежности проведения продовольственной кампании в полном объеме, наказания крестьян, отказывавшихся платить продналог, обвинения их в нарушении порядка и, одновременного изобличения продработников, замеченных в злоупотреблениях, а также просвещения запутавшихся в политической ситуации деревенских жителей. Дело было особым, и его организовали по всем требованиям, предъявляемым к проведению подобных процессов. На скамье подсудимых вместе оказались и продработники, и крестьяне — участники восстания. Вел заседание председатель реввоен трибунала Сибири В.Е. Опарин, выступили государственные обвинители и защитники, что подчеркивало значимость данного процесса. В итоге трибунал признал, с одной стороны, наличие в Ишиме контрреволюционной организации, ставившей целью свержение советской власти, и осудил крестьян, участвовавших в антиправительственной деятельности, а, с другой, — вину советских работников, допустивших превышение полномочий в продовольственной работе. В результате 5 продработников и 41 крестьянин были приговорены к высшей мере наказания. Впоследствии эти разбирательства сами представители властей назвали неудачным опытом ¹⁷. Суд исподволь вскрыл многие причины недовольства ишимских крестьян, сопротивлявшихся продовольственным поборам, выявил факты превышения своих полномочий продработниками, исполнявшими предписанные им указания. В сущности, Сибирский военный ревтрибунал потерпел фиаско в проведении одного из самых крупных показательных дел, связанного с крестьянским недовольством в Тюменской губернии, вскрыв нарушения и неоправданную жестокость со стороны советских работников, проявленную во время продразверстки по отношению к местному крестьянству, которую вынужден был открыто признать. Таким образом, «громкое дело» имело обратный резонанс, усилив недовольство и недоверие к советской власти у значительной части населения.

В 1921 г. деятельность трибуналов приобрела еще большую социальную значимость, так как их основное внимание было сосредоточено на ведении политических дел. Тюменский губрев трибунал приступил к рассмотрению многочисленных дел участников Западно-Сибирско-

го крестьянского мятежа. Разбирательства проводились оперативно, непосредственно в деревнях, выездными сессиями ревтрибунала. Для изучения состояния готовности материалов к слушанию организовывались предварительные заседания, на которых анализировались основания для возбуждения дела, наличие материалов следствия, назначалась дата суда, решался вопрос о возможности привлечения защитников. Дела, неподсудные трибуналам, передавались в народные суды. В сводке о деятельности Тюменского ревтрибунала за 1921—1922 гг. говорилось, что только в Тюменском уезде следствие в этот период вело 68 дел, по которым привлекались 389 чел., 49 дел завели в Тобольском уезде с привлечением по ним 177 человек. Особенно напряженная ситуация складывалась в Ишимском уезде, где было заведено 77 дел, по которым привлекли 3398 человек. В Ялуторовском уезде зарегистрировали 17 преступлений с 84 участниками, в Сургутском расследовали 12 дел с участием в них 14 чел., в Туринском — 10 дел с участием 86 обвиняемых, в Березовском — 6 дел с привлечением 33 чел., в Обдорском — 4 дела с участием 5 граждан. Всего Тюменским губернским ревтрибуналом в 1921—1922 гг. было возбуждено 303 дела, по которым привлекли к ответственности 4186 человек¹⁸. В основном это были преступления, связанные с недовольством крестьян неподъемной для них продразверсткой и уклонением от ее выполнения. Приговоры за участие в контрреволюционной деятельности были суровыми. Из 75 чел., приговоренных к расстрелу Тюменским ревтрибуналом в 1922 г., 35 решений привели в исполнение, 25 из них были обусловлены участием в крестьянском восстании, 7 связаны с преступлениями по должности, 3 с убийствами. В отношении 11 осужденных расстрел заменили 5—10 годами лишения свободы, 21 дело, по решению Верховного трибунала, передали на дальнейшее рассмотрение, 6 приговоренных скончались в местах лишения свободы, в отношении одного приговор не привели в исполнение. Большую часть приговоренных к высшей мере наказания составляли крестьяне — 58 чел., 13 были рабочими, 2 — торговцами, встречались также офицер и мещанин¹⁹.

Суды над крестьянами, привлеченными по мобилизации в отряды мятежников, заканчивались в большинстве случаев условным наказанием на срок от 1 до 3 лет, нередко, эти приговоры заменяли общественными работами, для кулаков применяли меру в виде конфискации имущества. Участников крестьянских выступлений разрешалось не привлекать к ответственности в случаях добровольной явки с повинной. Бунтовщиков, воевавших в отрядах мятежников с оружием в руках, в основном осуждали на сроки от 3 до 10 лет с отбыванием наказания в концлагере или исправдомах. К высшей мере приговаривали зачинщиков, тех, кто участвовал в вооруженной борьбе против советской власти, расправлялся с советскими работниками, коммунистами и мирными гражданами. За хорошее поведение осужденных разрешалось амнистировать досрочно. После резонансного Ишимского процесса дела, связанные с недовольственностью крестьян продовольственной политикой, стали решать более осторожно.

Тюменским губтрибуналом рассматривались не только дела участников вооруженного сопротивления советской власти, неплательщиков

налога, но и продработорников, обвиняемых в превышении полномочий, самочинных расстрелах, мародерстве, силовой расправе с крестьянством. Такие суды проходили открыто, с привлечением общественности, их основной задачей являлась демонстрация наказания за превышение властных полномочий. Случалось, что следователям, под давлением сверху, приходилось прекращать производство по многочисленным жалобам на действия продагентов. В 1921 г. Тюменский губотдел юстиции вынес ряд постановлений о незаконных действиях продработорников, приняв решение передать эти дела для дальнейшего рассмотрения в суде ревтрибунала²⁰. Показательным в этом отношении стало дело Н.Г. Лебедева, являвшегося заведующим экономическим отделом Ишимского исполкома уездного совета. Его вместе с сослуживцем Мишиным осудили за превышение полномочий в период продовольственной кампании и приговорили к расстрелу с последующей заменой пятью годами заключения²¹. Большевицкое руководство старалось отмежеваться от своих же решений по масштабному изъятию у крестьян «хлебных излишков», переложив вину на работников продорганов, якобы, допустивших превышение полномочий и «нажим» на крестьянство, тем самым, вызвав массовое крестьянское недовольство в губернии в 1921 году. В свою очередь продработорники заявляли, что они оказались в двойственном положении: «сверху» от них требовали высоких показателей сбора хлеба по разверстке, а «снизу» они боялись выстрела в спину со стороны крестьян. В итоге именно продработорники оказались осужденными, как судом, так и общественным мнением.

Одна политическая кампания сменялась другой, и ревтрибуналы незамедлительно включались в их обеспечение. 15 августа 1921 г. был подписан циркуляр ВЦИК, требовавший участия губревтрибуналов в проведении заготовительной кампании, которую власти считали на тот момент важнейшей политической задачей. В циркуляре говорилось, что тормоз или срыв в работе данного мероприятия должен рассматриваться как политическое явление и пресекаться властями решительным образом²².

В конце зимы 1922 г. вновь обострилась продовольственная проблема, и на страницах журнала «Советская юстиция» появился призыв «Суд на борьбу с голодом», который говорил о необходимости «смотреть на каждого подсудимого не только с точки зрения вины его перед государственной властью, но и вины перед умирающим в Поволжье крестьянином»²³. Данное указание трибуналами было взято на заметку, его использовали в приговорах против граждан, уклонявшихся от уплаты продовольственного налога.

2 мая 1922 г. вышел приказ милиции РСФСР «О борьбе с самогонварением», и данное направление приобрело особую значимость в работе государственных органов. В связи с этим призывом внимание тюменской общественности привлекло дело об убийстве коменданта г. Тюмени Макарова бывшим членом губисполкома Суворовым, находившимся в пьяном виде. В итоге преступник признал вину, и его приговорили к трем годам исправительных работ²⁴. На этом примере власти демонстрировали связь пьянства с проявлением девиантного поведения, подчеркивали негативные последствия данного явления.

Весной 1922 г., в связи с реализацией Постановления ВЦИК об изъятии церковных ценностей, принятого 23 февраля 1923 г., на повестку дня встали разбирательства «громких дел» церковнослужителей. Местным советам предписывали в месячный срок изъять ценное церковное имущество и передать его в фонд Центральной комиссии помощи голодающим. Власти, организуя против священнослужителей обличительные процессы, намеревались подорвать доверие граждан к церкви и духовенству. Практически в каждой губернии ревтрибунал рассмотрел дела, связанные с контрреволюционной деятельностью церковнослужителей, которые находили обязательное освещение в прессе. Тюменский губернский ревтрибунал, соответствуя духу времени, организовал летом 1922 г. показательный процесс по делу епископа Иринарха, осудив его за укрывательство церковных ценностей на 3 года. Слушание дела продолжалось 4 дня и было использовано властями для антирелигиозной агитации²⁵.

В сентябре 1922 г. вышло очередное решение Наркомата юстиции «О мерах борьбы со взяточничеством», в котором судам предлагалось «в течение ближайшего месяца, начиная с 10 октября по 10 ноября, повсеместно и единовременно назначить к слушанию, по возможности, исключительно, дела о взяточничестве, оповестив об этом в печати, дабы создать по всей Республике впечатление единой, массовой и карательной кампании»²⁶. В связи с этим постановлением ревтрибуналы активизировали расследование таких дел. Преступления по должности также относились к ведению ревтрибуналов. В ряду «громких преступлений» такого плана значились дела о присвоении советскими работниками народных средств. Так, тюменской общественности был представлен суд ревтрибунала над руководством губпроизводсоюза кооперативов, незаконно присвоившим государственные средства и подтасовавшим результаты выборов делегатов на Всероссийский съезд промкооперации. Процесс являлся открытым и был призван показать жесткость революционного суда по отношению к нэпманам, распоряжавшимся имуществом кооперации в соответствии только со своими интересами. Членов правления кооператоров приговорили к различным срокам заключения. В числе осужденных ревтрибуналом на сроки 3—5 лет оказались и работники администрации губкожи, обвиненные в хищениях в сапожной мастерской²⁷. Предали гласности и проступок врача военного госпиталя Хмельницкого, осужденного тюменским губревтрибуналом за выдачу справок красноармейцам с целью освобождения их от военной обязанности и сбыт наркотических веществ. Врача приговорили к расстрелу. Впоследствии приговор был заменен пятью годами лишения свободы.

Ряд дел Тюменского губернского революционного трибунала составили разбирательства по обвинению партийных и советских работников в самочинных расстрелах, мародерстве, грабежах. Самым резонансным из данного списка стало дело Тюменского губрозыска, по которому к ответственности привлекли практически все подразделение, состоявшее из 30 чел., за то, что его сотрудники не только не предотвращали преступления, но и сами совершали кражи, участвовали в разбое, расстреливали арестованных, похищали вещественные доказательства, пьянствовали вместе с преступниками. Дело слушали

2 недели в открытом заседании, оно приобрело общественный резонанс и было призвано показать, что нечестным служащим не удастся избежать справедливого наказания. Выяснилось, что во главе преступной группировки стоял Иван Брыляков — начальник отдела уголовного розыска Тюменской губернии. В итоге 8 обвиняемых приговорили к расстрелу, еще 22 чел. получили сроки от 1 до 10 лет в зависимости от тяжести преступлений²⁸. Подсудимые обратились в Кассационную коллегия с жалобами на неудовлетворительное ведение следствия, отсутствие обоснованных обвинений, плохое содержание в изоляторах, использование по отношению к ним незаконных мер воздействия вплоть до физического давления, наговоры на подсудимых, но это не дало результатов. Решение суда Коллегия оставили без изменений, 7 чел., проходивших по делу губрозыска, были расстреляны, восьмой — приговорен к расстрелу заочно в связи с побегом. Подобная ситуация сложилась и в Тобольске, где сотрудники уездного уголовного розыска в полном составе совершили ряд преступлений: вели допросы с пристрастием, избивали арестованных. В результате сотрудник, избивавший арестованных, был приговорен к высшей мере наказания. Изобличили в нарушении закона и начальника Тобольского губрозыска, который освобождал заключенных из-под стражи за подношения, за что был приговорен судом ревтрибунала к пяти годам лишения свободы²⁹.

Более 30% дел рассматривались ревтрибуналом в уездах, большинство из них было связано с неудовлетворенностью крестьянства новыми властями. Особенно трудно было организовывать выездные заседания: не хватало транспорта, сил и средств на командировки в удаленные северные уезды. Для разбирательств проблем, связанных с недовольством крестьянства размером продналога, Тюменский губревтрибунал организовал в 1922 г. 6 выездных сессий с привлечением к слушаниям местной общественности. Посещаемость заседаний оказалось выше в деревнях, где люди лично знали подсудимых и приходили на заседания суда, хотя присутствие односельчан не являлось гарантией от нарушений в ведении дел. Случалось, что из-за нехватки сотрудников не удавалось обеспечить присутствие на заседании трех членов суда, их «добирали» на местах, прибегая к услугам случайных лиц. Выездные сессии обладали огромными полномочиями: от прекращения дела до самого сурового наказания. Приговоры к высшей мере наказания утверждал Тюменский губисполком. Тюменскому трибуналу даже сделали замечание по поводу приговора к высшей мере наказания неплательщиков продовольственного налога. В письме заместителя председателя Верховного трибунала в Тюменский губтрибунал говорилось о категорическом запрете выездным сессиям применять данную меру наказания³⁰. Заочное слушание разрешалось только в случаях уклонения обвиняемого и по причине его нахождения вне пределов РСФСР³¹.

Сами сотрудники губтрибунала нередко нарушали закон: их расследования опирались на слабую доказательную базу, задержанным не предъявляли обвинений, содержание в местах предварительного заключения не отвечало элементарным требованиям, в некоторых

случаях следствие оказывало давление на обвиняемых, имели место факты коррупции, превышения служебных полномочий со стороны работников трибунала, а заседания суда проводились с нарушениями. Ревизия Тюменского губтрибунала, проведенная инспектором-ревизором губРКИ 5—7 декабря 1922 г., показала, что работу учреждения нельзя было назвать удовлетворительной. В своем докладе инспектор подтвердил случаи ненадлежащего хранения вещественных доказательств³². В период руководства ревтрибуналом И. Н. Перетягина допускались факты передачи конфискованного имущества сотрудникам на хранение, некоторые вещи находились непосредственно в квартире самого руководителя³³. Сведения о многочисленных нарушениях, имевших место в трибунале, инспектор передал в губюст, а вещественные доказательства, розданные «разным лицам», приказал собрать, учесть и сдать в камеру хранения губревтрибунала. Причины подобных преступлений объяснялись непрофессионализмом, трудным материальным положением служащих, напряженной работой. В действительности, ревтрибунал, являвшийся машиной, проводившей политические решения руководства любыми методами, являлся структурой, способной на противоправные действия, прикрываясь лозунгами борьбы с контрреволюцией.

Тюменское губернское экономическое совещание в отчете Совету труда и обороны сообщало, что в 1922 г. губревтрибунал предъявлял обвинения гражданам, принадлежавшим к разным социальным категориям населения. В их числе крестьяне составили 75%, рабочие — 15%, представители интеллигенции, служащих и духовенства — 5%³⁴. Крестьян чаще других обвиняли в участии в повстанческом движении, а горожан в большинстве случаев судили за преступления по должности, кражи, дезертирство и налоговые провинности. При этом ревтрибунал руководствовался принципом: репрессии по отношению к «темным крестьянам» должны быть слабее, чем к городскому населению. Даже уличенные в убийствах советских работников и коммунистов деревенские жители в большинстве случаев приговаривались к условной мере наказания, при этом особое внимание обращали на факты подстрекательства, агитации против советской власти. На 1 октября 1922 г. за Тюменским ревтрибуналом числилось 81 неоконченное дело, а в период с октября 1922 по март 1923 г. поступило еще 141 дело. В течение этого срока состоялись суды по 181 делу, и на 1 марта, то есть на момент ликвидации трибунала в 1923 г., в его ответственности находилось 41 дело³⁵. Масштаб деятельности говорил о том, что трибуналы провели значительную работу по укреплению большевистской власти на местах. Действенными и безотлагательными методами они утверждали революционный порядок, превращая абстрактную большевистскую идеологию в реальную сущность, от которой невозможно было укрыться даже в самой удаленной от властей деревеньке.

Трибуналы своими действиями подрывали доверие населения к революционному суду. Становилось все более очевидным то, что их основная задача состояла не только в обеспечении правопорядка, но и в проведении в жизнь экономических и политических решений власти, в том числе и тех, которые не поддерживались населением. Под угрозой рас-

правы с недовольными они обеспечивали осуществление продовольственной разверстки, организовывали борьбу с дезертирством, взяточничеством, пьянством, превышением служебных полномочий, а кроме того, боролись с инакомыслящими и верующими, выполняя приказы руководства под лозунгами обеспечения законности. Сведения о «громких делах» распространялись в газетах, передавались «из уст в уста». Выездные сессии трибуналов максимально приближали власть к населению, демонстрировали неотвратимость наказания за любое непослушание. Возможность репрессий сверху не исключал никто, боялись все, в том числе и большевики.

Трибуналы способствовали искоренению уголовной преступности, но их главной задачей являлось проведение «громких процессов», имевших общественный резонанс, демонстрирующих силу, способную расправиться с врагами большевиков революционными методами. Если считать основной целью судебных учреждений формирование общества, регулируемого на основе права, то способствовать реализации данной установки ревтрибуналы не могли, так как осуществляли правосудие не на основе принципов равенства всех перед законом, гласности и независимости суда, а руководствуясь идеологическими установками «революционной справедливости» и «пролетарской законности», навязанными руководством страны в соответствии с политическими принципами.

Революционный трибунал Тюменской губернии перестал существовать с начала марта 1923 г., однако, его воздействие на людей и общество не прошло бесследно. Созданная в начале 1920-х гг. система управления стала постепенно трансформироваться в систему всемогущего политического контроля над гражданами. У людей появился страх перед властью, ее возможной несправедливостью, и революционные трибуналы, наводившие порядок с особой оперативностью и жесткостью, сыграли в этом отношении не последнюю роль. Они, являясь чрезвычайным органом управления, стали олицетворять несправедливость и террор, и уже не воспринимались населением как орган правосудия. Методами устрашения и показательными процессами ревтрибуналы сделали население более послушным, положили начало изменению общественного мнения в сторону восприятия действительности как неизбежности и бесповоротности в новых исторических условиях.

Примечания

1. БИРМАН Я. О революционных трибуналах. — Пролетарская революция. 1919, № 1, с. 67.
2. ПОРТНОВ В.П. Революционные трибуналы в первые годы Советской власти (1917—1920 гг.). — Советская юстиция. 1966, № 22, с. 18—19; ПОРТНОВ В.П., СЛАВИН М.М. Становление правосудия Советской России (1917—1922 гг.). М. 1990.
3. ТИТОВ Ю.П. Создание системы советских революционных трибуналов. М. 1983.

4. АБРАМОВ А.В. Создание и деятельность местных революционных трибуналов (1918—1922): автореф. дисс. канд. ист. наук. Пенза. 2004.
5. ПЕРЦЕВ В.А. «Именем революции!»: из истории создания и деятельности Воронежского губернского революционного трибунала в 1917—1923 гг. — Вестник Воронежского государственного университета. Серия: история, политология, социология. 2008, № 1, с. 28—43.
6. МАКУТЧЕВ А.В. Тульский губернский революционный трибунал в 1918—1923 гг.: проблемы судопроизводства в годы гражданской войны. — Вестник Московского государственного областного университета. Серия: история и политические науки. 2010, № 2, с. 69—73; ВАСИЛЬЕВА Ж.С. История революционного трибунала Чувашской автономной области. — Казанская наука. 2014, № 5, с. 31—33.
7. ХАЧАТУРОВ Р.Л. Создание революционных трибуналов в Восточной Сибири. — Вопросы теории права и государственного строительства. Томск. 1978, с. 121—134.
8. ШИШКИН В.И. Революционные трибуналы (ревтрибуналы). В кн.: Большая Тюменская энциклопедия. Тюмень. 2004, с. 21—22; Ишимский судебный процесс (22—28 февраля 1921 г.). В кн.: Крестьянство восточных районов России и Казахстана в революциях и гражданской войне (1905—1921 гг.). Сб. научных статей. Ишим, 2006, с. 233—252.
9. ПИВОВАРОВ М.С. Революционные трибуналы в Сибири (ноябрь 1919 — январь 1923 гг.): автореф. дисс. канд. ист. наук. Кемерово. 2007.
10. ГРИГОРЬЕВ О.В. Сто лет спустя: революционные трибуналы в России (1917—1923 гг.). — Историческая и социально-образовательная мысль, т. 9, № 6(1), с. 21—27.
11. ТИТКОВ В.И. Организационно-правовые основы советского правосудия: 1917—1929 гг. Автореф. дисс. канд. юрид. наук. Владимир. 2008.
12. RENDLE M. The battle for spaces and places in Russia's civil war: revolutionary tribunals and state power, 1917—22. — Historical Research. 2017, № 247, p. 101—116.
13. ГБУТО «Государственный архив Тюменской области» (Далее ГБУТО ГАТО), ф. Р-3. Тюменское губернское экономическое совещание (губэконосо) губернского исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, оп. 1, д. 62, л. 68об.
14. КУРЫШЕВ И.В., НАСАРТЫНОВА Е.М. Преступность и бандитизм в Ишимском уезде (округе) в 1921—1928 гг. и меры правоохранительных органов по их предотвращению. В кн.: История повседневности Западной Сибири: конец XIX — начало XXI вв. Ишим. 2014, с. 191—222.
15. Приговор выездной сессии Тюменского губернского революционного трибунала по обвинению граждан Аромашевской волости Ишимского уезда. В кн.: За советы без коммунистов: Крестьянское восстание в Тюменской губернии 1921: сб. документов. Новосибирск. 2000, с. 144.
16. Там же, с. 658.
17. ШИШКИН В.И. Ишимский судебный процесс (22—28 февраля 1921 г.). В кн.: Крестьянство восточных регионов России и Казахстана в революциях и гражданской войне (1905—1921 гг.). Сб. научных статей. Ишим. 2006, с. 233—252.
18. ГБУТО ГАТО, ф. Р-152. Тюменский (Тобольский) революционный трибунал, оп. 1, д. 98, л. 14—14об.
19. Там же, ф. Р-263. Тюменский губернский суд, оп. 1, д. 9, л. 10.
20. Там же, ф. Р-3, оп. 1, д. 62, л. 13.
21. Там же, ф. Р-263, оп. 1, д. 9, л. 17.
22. Циркуляр ВЦИК всем губисполкомам, губпродкомам и губревтрибуналам от 15 авг. 1921 г. // rchiive.istoriya.today/ru/nodes/8539#mode/inspect/page/2/zoom/4.
23. Советская юстиция. 1922, 12 февраля, с. 1.
24. ГБУТО ГАТО, ф. Р-3, оп. 1, д. 62, л. 68.
25. Там же.
26. Там же, ф. Р-280. Тюменский губернский совет народных судей, оп. 1, д. 12, л. 27.
27. Отчет Тюменского губернского исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских, красноармейских депутатов V губернскому съезду Советов. Тюмень. 1922, с. 13.
28. ГБУТО ГАТО, ф. Р-263, оп. 1, д. 9, л. 17об.
29. Там же, ф. Р-152, оп. 1, д. 71, л. 55—56.
30. Там же, ф. Р-263, оп. 1, д. 9, л. 280об.

31. Там же, ф. Р-152, оп. 1, д. 10, л. 71об.
32. Там же, ф. Р-13. Тюменский губернский отдел рабоче-крестьянской инспекции при исполнительном комитете Тюменского губернского совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (губРКИ), оп. 1, д. 146, л. 1.
33. Там же, ф. Р-13, оп. 1, д. 140, л. 4.
34. Там же, ф. Р-3, оп. 1, д. 62, л. 68об.
35. Краткий отчет о деятельности Тюменского исполнительного комитета советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, избранного на V Тюменском губернском съезде советов. Тюмень. 1923, с. 28.

Брак и формы его заключения в городах Дагестана: трансформация традиций

А.К. Амирханова, Л.Б. Салихова

Аннотация. Традиционные формы брака и свадебная обрядность народов Дагестана всегда являлись объектом внимания и изучения этнографов. Однако часто внимание обращалось лишь на свадьбу и обряды сельского населения, а городские традиции и формы брака описаны слабо. К тому же социально-экономические, политические, идеологические и другие изменения, произошедшие в регионе за последнее время, внесли определенные коррективы и трансформации в семейно-брачные отношения. Современные формы и условия заключения брака в городах Дагестана во многом отличаются от прежних, а некоторые архаичные формы и вовсе не встречаются сегодня.

Ключевые слова: брак, городская свадьба, Дагестан, традиции, современность, трансформации.

Abstract. Traditional forms of marriage and wedding rituals of the peoples of Dagestan have always been the object of attention and study of ethnographers. However, it was often studied only the wedding and rituals of the rural population, when urban rites and forms of marriage are poorly described. In addition, the socio-economic, political, ideological and other changes that have occurred in the region in recent times have made certain adjustments and transformations in family and marriage relations. Modern forms and conditions of marriage in the cities of Dagestan differ in many respects from the old ones, and some archaic forms do not occur today at all.

Key words: marriage, city wedding, Dagestan, traditions, modernity, transformations.

Амирханова Аида Киясбековна — кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН. Махачкала. E-mail: aida-amirkhanova@mail.ru; *Салихова Лейла Багаудиновна* — кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН. Махачкала. E mail: leila.salihova@yandex.ru.

Amirkhanova Aida K. — candidate of historical sciences, junior researcher at the Institute of History, Archeology and Ethnography, Dagestan Scientific Center RAS. Makhachkala. E-mail: aida-amirkhanova@mail.ru; *Salikhova Leila B.* — candidate of historical sciences, junior researcher at the Institute of History, Archeology and Ethnography, Dagestan Scientific Center RAS. Makhachkala. E mail: leila.salihova@yandex.ru.

Каждый крупный переворот в жизни общества вызывает соответствующие изменения в семейно-брачных отношениях ¹. Формы и условия заключения брака также претерпевают определенные изменения под влиянием социально-экономических, политических, идеологических и других трансформаций. Традиционными формами заключения брака у народов Дагестана всегда были брак поговору (наиболее распространенная форма); обменные браки; колыбельное обручение, левират и сорорат; брак похищением (с обоюдного согласия или против воли девушки). Основными условиями для заключения брака в прошлом являлись равенство общественного положения фамилий жениха и невесты и эндогамия или брак в пределах своего рода или тухума ². Выдача девушек замуж в другие общества и тем более в иную этническую среду была редким явлением ³. «Такие браки вызвали самые разноречивые толки: считалось, что хорошая девушка не выйдет замуж за пределы своего селения. В сохранении внутрисельской эндогамии значительную роль играли межсельские уособицы, имевшие место в далеком прошлом» ⁴. В то же время эндогамные браки постепенно стали нарушаться, и девушек выдавали даже в другие районы. В основном это были браки сословные, политические или браки детей двух близких приятелей. В ряде случаев к ним прибегали при отсутствии женихов или невест, равных по сословному или социальному положению ⁵.

Такие формы брака как левират и сорорат (брат женился на вдове родного брата или младшая сестра выходила замуж за овдовевшего мужа своей сестры), бытовавшие в прошлом и обусловленные экономическими мотивами (стремлением сохранить имущество и избавить семью от дополнительных расходов на организацию новой свадьбы), сегодня в городах Дагестана практически не встречаются. Поводом для таких браков служили и родственные чувства: нежелание осиротить детей умершего (сына или дочери). Бывали случаи, когда родственники покойного мужа даже не показывали матери детей, если она выходила замуж на сторону, а ее новый муж и его родственники запрещали ей видеться с детьми от первого брака ⁶.

Внутриутробный или колыбельный сговор, обменный брак сегодня также практически не встречаются. Изредка имеет место обменный брак (когда семья берет за своего сына девушку из другой семьи, а свою дочь выдает за ее брата). Поводом для него может послужить лишь взаимная симпатия молодых, а не намерение, как прежде, обоудно избежать выплаты свадебных подарков (калыма). А мотивом для заключения колыбельного сговора могут стать интересы двух близких приятелей, решивших соединить своих детей узами брака в поисках поддержки друг друга в будущем. Поводом для колыбельного сговора в прошлом мог послужить и страх, что другие претенденты способны опередить и «занять девушку». Сегодня самый ранний возраст, в котором дети в городах Дагестана могут быть заранее сосватаны — это подростковый возраст. Исследователи также отмечают, что «сейчас наблюдаются существенные изменения нормативных понятий в семейно-брачной сфере, намечается явная тенденция либерализации и гуманизации в заключении брачных союзов. Девушек уже не выдают замуж в раннем возрасте, и будущего

мужа девушка в ряде случаев выбирает сама из тех претендентов, которые больше всего подходят по кровнородственным связям семейного клана»⁷.

Существовали в прошлом и встречаются иногда сегодня браки уводом. Эта форма брака всегда имела две стороны: насильственную и по договоренности. Если в прошлом главными причинами похищения девушки помимо несогласия родителей были невозможность уплаты калыма, сословные барьеры и даже стремление к уменьшению свадебных расходов, то сегодня к уводу прибегают лишь в том случае, когда родители против брака, а дети решили пойти против их воли. Чаще всего в таких случаях девушка, договорившись с молодым человеком, тайно покидает родительский дом. К такой форме брака стараются по возможности не прибегать. Молодые люди и их сторонники до последнего пытаются найти все возможные пути для мирного решения вопроса, потому что похищение воспринимается как оскорбление родственников девушки.

Что касается насильственного увода девушки, то такая форма брака почти не встречается в городах Дагестана в последнее время. В такой конфликт может втянуться широкий круг родственников с обеих сторон и у него могут быть очень плачевные последствия.

Для решения конфликтных ситуаций, образовавшихся при такой форме брака, стороной жениха снаряжается делегация, которая отправляется в дом родителей невесты с просьбой простить их и дать согласие на брак молодых. Иногда родственники девушки, не желая ни в коем случае родниться с этими людьми, сами идут в дом парня с целью вернуть ее в родительский дом. Девушка тогда оказывается перед выбором: отправиться домой и передать похитителя в руки правоохранительных органов или остаться и согласиться на вынужденный брак, чтобы избежать неприятных разговоров о том, что она была украдена, провела время в чужом доме и т.д. При этой форме брака родственники парня стараются заблаговременно получить согласие девушки и хорошо спрятать ее, чтобы родственники не нашли и не увезли невесту в родительский дом, так как неудачное похищение считается позором для жениха и его родни. В прошлом, если родственникам девушки удавалось обнаружить похитителей в дороге или на месте, куда привезли девушку, неизбежно возникала кровавая схватка. Поэтому в целях предотвращения кровопролития население тщательно скрывало похитителей, на расспросы преследователей давало дезориентирующие ответы, стремясь сбить их с пути и дать похитителям время скрыть девушку⁸.

В современном Дагестане наиболее распространенная форма брака — это брак по стовору. Сговор происходит как по инициативе родителей, так и по желанию самих молодых людей. Часто, даже если брак заключается по выбору родителей, мнение будущих молодоженов тоже учитывается. Приоритетами для родителей в выборе партнера для своих детей являются в первую очередь репутация членов семьи, личные качества жениха и невесты, нередко обращают внимание на имущественное состояние семьи, авторитет «тухума» и т.д. Сватать невесту, как и в прошлом, идут старейшины рода — два-три уважаемых человека из числа родственников жениха. Раньше они являлись поручителями

жениха и держали ответ за судьбу девушки перед ее родными. Сегодня их функция часто является формальной.

Брак по сговору будущих супругов между собой является скорее браком по любви или симпатии. В последнее время все чаще браки заключаются по собственному выбору молодых людей, но с одобрения родни. Молодые люди, познакомившись и понравившись друг другу, подключают своих родственников в качестве посредников для заключения брака. Часто сваты идут в дом девушки, будучи твердо уверенными в ее согласии.

В настоящее время в городах Дагестана растет число межнациональных и социально-смешанных браков, что свидетельствует о свободе выбора брачного партнера среди современной молодежи, об уровне этнического сближения в дагестанском обществе, а также о тесных и многосторонних культурных связях между народами. Следует отметить, что хотя удельный вес межнациональных браков увеличивается из года в год, все же в целом в городах республики, так же как и в сельской местности, сохраняется установка на выбор брачного партнера своей национальности. Дагестанцы, проживающие в городах, поддерживают тесные отношения со своими родовыми селами и предпочитают, по возможности, выбирать брачных партнеров для своих детей среди односельчан. Объясняют это желанием сохранить собственную этническую идентичность. Однако, по мнению исследователей, «в условиях тесного общения между собой людей разных национальностей всевозрастающая свобода брачного выбора, новые критерии нравственности способствуют заключению и межнациональных браков»⁹. К тому же известно, что в районах этнически неоднородных по национальному составу (таких как Республика Дагестан) удельный вес таких браков велик, а в районах, преимущественно однородных, меньше.

По словам главного специалиста отдела регистрации браков ЗАГС г. Махачкалы, в последнее время растет число браков с гражданами Азербайджана, Армении, Грузии, Молдовы, встречаются граждане Марокко, Египта, Турции. Специалист отмечает, что каждый 10-й брак, зарегистрированный в Махачкале, является интернациональным¹⁰.

Встречаются в городах Дагестана и межконфессиональные браки. В прошлом такие браки также иногда заключались. Так, например: «В начале XX века внук шамхала Тарковского Абу-Муслим Джамалутдин устроил бал (той), куда по приглашению приехали русские офицеры из Темир-Хан-Шуринского округа. На бал были приглашены (по традиции) самые красивые девушки села. Двое из русских офицеров изъявили желание жениться на Издек и Патимат. Через покровительство и посредничество уважаемых лиц села это им удалось осуществить и получить согласие. Правда, с большим трудом от родни этих девушек, брак был осуществлен по всем правилам шариата»¹¹.

Вообще в исламе существуют свои условия заключения межконфессиональных браков. Мусульманину по Корану разрешено жениться на женщинах Писания. К ним относятся иудейки и христианки. Так, в Коране сказано: «... дозволены вам для женитьбы целомудренные женщины из числа тех, кому было даровано Писание до вас, если вы

уплатите им приданое за них...»¹² То есть те, кому были ниспосланы книги Тора и Евангелие. Но для того, чтобы этот брак считался дозволенным, существует ряд условий, которые трудно соблюсти. Что касается женщины-мусульманки, то ей запрещено выходить замуж за иноверца, даже если он относится к последователям людей Писания.

Мы обратили внимание и на то, что в последние годы весьма редкими стали браки между близкими родственниками. Такое отрицательное отношение к родственным бракам сложилось у людей из-за участвовавших разводов. Представители старшего поколения говорили, что сходиться и расходиться с посторонними легче, чем с родственниками, ведь в результате распада одной молодой семьи, другие родственные семьи потом оказываются врагами. В последнее время особенно решительно против подобных браков выступает молодежь.

В исламе также есть категория родственников (махрам), с которыми категорически нельзя вступать в брак. Например, мужчине запрещено жениться на матери, бабушке, дочери, внучке, сестре (родной или сводной), племяннице (родной или сводной), тете, теще, падчерице, мачехе, невестке. Брак с этими женщинами будет считаться недействительным. Для женщины запретными для брака являются: отец, дедушка, сын, внук, брат (родной или сводный), племянник, дядя, свекор, пасынок, отчим, зять.

Запрещались в прошлом и запрещаются сегодня в Дагестане браки между молочными братьями и сестрами, так как в исламе молочное родство приравнивается к кровному. Если какая-либо женщина покормит досыта своим молоком чужого ребенка больше пяти раз, то он становится ее молочным сыном или дочерью, а для всех ее детей — молочным братом или сестрой. Все запреты на брак, распространяющиеся на родных, также распространяются и на молочных родственников. Поэтому религиозные деятели Дагестана пропагандируют отказ от кормления детей молоком чужой женщины в роддомах, объясняя это тем, что в будущем эти дети, ничего не подозревая, могут вступить в брак друг с другом, что является большим грехом.

В последние годы повсеместно распространяется такая форма брака как «шариатский брак», при котором молодожены не регистрируют свои отношения в ЗАГСе, а заключают брак («никях») в мечети (или дома) в присутствии имама и двух свидетелей. Мусульмане Дагестана придают большое значение такому браку, даже если проводят еще и торжественную регистрацию в ЗАГСе. Никях обычно сопровождается выдачей «кебина» («кебин», «махр» — это предписанное исламским шариатом право женщины, которое является одним из условий для заключения мусульманского брака). То обстоятельство, что шариатский брак нигде не регистрируется, создает определенные препятствия для ведения учета и статистики точного количества браков и разводов в регионе. Причем шариатский брак заключают не только в повторных браках, но и в первых. Однако это не означает, что в Дагестане полностью игнорируют государственную регистрацию брака, напротив, большинство молодежи понимает, что регистрация является залогом поддержки государства, а это немаловажно для будущего молодой семьи. Бывает, что брак регистрируют после рождения ребенка.

Изучение материалов отделов ЗАГС последних лет в различных городах Дагестана показывает значительное повышение среднего брачного возраста для девушек, что объясняется их стремлением получить образование, иметь профессию до выхода замуж. Уровень образования и занятости молодежи в последнее время играет большую роль в выборе брачного партнера. Хотя какое-то время назад «родители юношей, напротив, старались не брать для сыновей девушек, которые учились в городе, кончили вузы, считая, что такие девушки забывают традиции, что город негативно влияет на их этические качества»¹³. Первое место занимают сейчас браки, заключенные девушками в возрасте 22—25 лет и позже. Значительно повысился и брачный возраст юношей. Учеба, проблемы отсутствия жилья, трудоустройства, ежегодно увеличивающиеся расходы на свадебное торжество — все это напрямую связано с повышением брачного возраста в Дагестане.

Необходимо отметить, что сегодня в республике довольно остро стоит проблема разводов. Так, в 2012 г. в городах Дагестана было заключено 8454 браков а разводов — 2159, что составляет 25,5% от общего числа браков; в 2013 г. на 8316 браков пришлось 2407 разводов, то есть 28,9% от их общего числа¹⁴. С начала 2018 г. в Махачкале зарегистрировали брак 711 пар. В основном женятся люди в возрасте 20—30 лет. При этом оформлено 224 развода — примерно 30% от общего количества заключаемых браков¹⁵. Как видно из статистики, количество разводов в городах Дагестана растет из года в год. Нельзя не отметить также, что удельный вес разводов в городах намного выше, чем в сельской местности. Объясняется это тем, что в селах «большое значение имеют социальный контроль родственников, соседей, а также традиционные нормы, направленные на сохранение брака и преодоление конфликта вне зависимости от его причин»¹⁶.

Среди основных причин разводов называются следующие: бытовые проблемы, безответственность и неготовность к семейной жизни, тяжелое материальное положение и неспособность супруга изменить ситуацию, вмешательство родственников, нежелание супругов идти на компромиссы, разгульный образ жизни (в основном со стороны мужа). Иногда у мужа появляется «вторая жена». Такая форма брака как многоженство все больше набирает обороты в республике в последние годы. Мужчины оправдывают себя тем, что по «шариату» им разрешено иметь до 4 жен, а женщины не хотят с этим мириться. Хотя нередко в Дагестане случаи, когда официальная первая жена принимает тот факт, что супруг живет параллельно со второй, а иногда даже и с третьей женой, то есть одновременно содержит несколько семей.

Немаловажной причиной разводов нередко становится и отсутствие детей в семье. При этом иногда мужчина берет вторую жену, что может еще больше усугубить и без того сложную ситуацию. Встречаются случаи, когда бездетная супруга, узнав о том, что ее муж взял вторую жену, уходит от него. Но прожив какое-то время в родительском доме, она принимает решение вернуться к мужу, согласившись на его условия. Однако не каждая женщина находит в себе силы оставаться в такой семье.

Для уменьшения числа разводов современной молодежи необходимо более обдуманно подходить к браку и понимать всю ответствен-

ность перед супругом и будущими детьми за его сохранение, а не воспринимать свадьбу как красивое увеселительное мероприятие, которое потом, если что, можно будет повторить. Необходимо повышать статус семьи в обществе, уровень нравственности среди молодежи. Необходимо также воспитывать современную молодежь в духе традиций своего народа, потому как немногие дагестанцы сегодня «могут подробно, в деталях рассказать о традициях и семейных ценностях народов Дагестана. Поэтому есть настоятельная необходимость возродить то, что ценили наши предки в семьях, где сохраняются дагестанские традиции. Это важно, т.к. именно в семье формируются, выращиваются сакральные и культурные ценности дагестанцев, которые передаются старшими младшим, сохраняя и воспроизводя этническую культуру народов Дагестана»¹⁷.

Одной из основных причин, отрицательно влияющих на стабильность семьи, исследователи называют «пониженную ответственность части молодежи (чаще мужчин) за судьбу создаваемой семьи». К сожалению, сегодня общество озабочено тем, что ни семья, ни школа не готовят молодых к будущей семейной жизни¹⁸.

Таким образом, современные формы и условия заключения брака в городах Дагестана во многом отличаются от прежних. Эта трансформация связана с социально-экономическими, политическими, идеологическими и другими изменениями, произошедшими в регионе за последнее время. Проблемы отсутствия жилья, трудоустройства, ежегодно увеличивающиеся расходы на свадебное торжество сыграли большую роль в повышении брачного возраста. Вырос и удельный вес межнациональных и социально-смешанных браков, что говорит об уровне этнического сближения дагестанских народов как между собой, так и с другими народами. К тому же процент разводов в межнациональных браках значительно ниже, чем в мононациональных. Связано это, скорее всего с тем, что такие семьи создаются в основном по взаимной симпатии, а не по прихоти родителей.

Примечания

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 16—31—01013.

1. ГАДЖИЕВА С.Ш. Кумыки. Историческое прошлое. Культура. Быт. Книга вторая. Махачкала. 2005, с. 111.
2. ЧУРСИН Г.Ф. Авары: Этнографический очерк. 1928 г. Махачкала. 1995, с. 30.
3. ГАДЖИЕВА С.Ш. Семья и брак у народов Дагестана в XIX — начале XX в. М. 1985, с. 147.
4. РИЗАХАНОВА М.Ш. Лезгины XIX — начала XX в. Историко-этнографическое исследование. Махачкала. 2005, с. 138.
5. АЛИМОВА Б.М. Брак и свадебные обычаи в прошлом и настоящем (Равнинный Дагестан). Махачкала. 1989, с. 8.
6. Там же, с. 8.
7. ЛЫСЕНКО О.Е. Трансформации гендерной идентичности северокавказских женщин в ситуации глобализации. — Гуманитарные науки. 2013, № 3, с. 155.
8. АГЛАРОВ М.А. Формы заключения брака и некоторые особенности свадебной обрядности у андийцев в XIX веке. — Советская этнография. М. 1964, № 6, с. 132.
9. АЛИМОВА Б.М. Ук. соч., с. 59.

10. О браках, разводах и рождаемости за первое полугодие рассказали в махачкалинском ЗАГСе. https://www.mkala.ru/info/news/news_18480.html.
11. ГАДЖИЕВА С.Ш. Семейный и общественный быт кумыков в XIX — начале XX вв. Рукописный фонд Института ИАЭ ДНЦ РАН, ф. 1, оп. 1, д. 16, с. 88.
12. Коран, сура «аль-Маида», аят 5.
13. АЛИМОВА Б.М. Ук. соч., с. 58.
14. ЕЕ ЖЕ. Разводы в Дагестане: причины, мотивы и пути стабилизации (анализ статистики). — История, археология и этнография Кавказа. 2015, № 2, с. 124.
15. <https://www.riadagestan.ru/news/society>.
16. ГАДЖИЕВА С.Ш., ЯНКОВА З.А. Дагестанская семья сегодня. Махачкала. 1978, с. 104.
17. АЛИМОВА Б.М., ИБРАГИМОВ М.-Р.А. Новые тенденции в развитии семейной обрядности народов Дагестана. — Вестник Института ИАЭ. Махачкала. 2016, № 2, с. 59.
18. АЛИМОВА Б.М. Разводы в Дагестане, с. 124.

Модернизация и проблема государственно- территориального устройства Грузии в XX—XXI вв.

Д. Квициани

Аннотация. В публикации анализируется модернизация Грузии в процессе ее государственно-территориального устройства в период первой демократической республики (1918—1921) и советского государства (1921—1991). Автор показывает, что в современной Грузии инерция советского опыта создания квазинациональных государств в форме автономий по этнически-языковому принципу препятствует формированию единой политической нации и приводит к межэтническим конфликтам. Автором предлагаются возможные пути решения данной проблемы.

Ключевые слова: Грузинская демократическая республика, советская Грузия, право наций на самоопределение, национальное государство, этнос, народ, нация, гражданская нация, этнический национализм.

Abstract. The publication analyses the process of modernization of Georgia in the framework of its state-territorial structure in the period of the first democratic republic (1918—1921) and the soviet state (1921—1991). The author demonstrates that the inertia of the soviet experience of creating quazinational states within present-day Georgia in the form of autonomies based on the ethnic-language principle hinders formation of a united political nation, thus leading to inter-ethnic conflicts. The paper offers some possible ways of solving the above stated problem.

Key words: Georgian Democratic Republic; Soviet Georgia; the right of nations for self-determination; national state; ethnos, people, nation; civil nation; ethnic nationalism.

В процессе демократического построения современной Грузии весьма актуальна проблема государственного устройства страны. Ввиду того, что территориальная целостность Грузии де-факто нарушена, формирование в стране единой политической нации, интегрированного социально-культурного социума затруднено, что отрицательно влияет на безопасность страны и ее международный авторитет.

Квициани Джони — доктор исторических наук, профессор Тбилисского государственного университета им. Иванэ Джавахишвили. E-mail: kvitsiani@yandex.ru.

Kvitsiani J. — doctor of historical sciences, professor at the Tbilisi State University named after Ivane Javakhishvili. E-mail: kvitsiani@yandex.ru.

В настоящее время в научных кругах данной проблеме уделяется все больше внимания (Бруно Коппитерс, Роберт Ленгволд, Стивен Джонс, Гия Нодия, Джони Хецуриани и др.).

По окончании первой мировой войны в Европе начался передел карты континента исходя из общепризнанного в то время принципа — «право наций на самоопределение». Вера в этот принцип, горячими сторонниками которого были лидеры стран-победителей, в том числе и президент США Вудро Вильсон, положила начало формированию государств-наций по этническому и языковому признаку. В связи с этим весьма примечательно мнение известного историка Эрика Хобсбаума, считавшего, что последователи этой веры — люди, далекие от этнических и языковых реалий регионов, предназначенных в свою очередь к разделению на отдельные нации и государства. По его же мнению, эта попытка завершилась крахом, результаты которого по сей день дают о себе знать в Европе на примере межнациональных конфликтов 1990-х гг., что является отзвуком Версальских соглашений ¹.

В России после октября 1917 г. власти с учетом «права наций на самоопределение», а также исходя из постимперских, национально-политических и культурных настроений того времени, начали создавать квазинациональные государства по этнически-языковому принципу. Следует отметить, что в советский период проводилась взаимоисключающая, противоречивая национальная политика: с одной стороны, она разделяла народы, учреждая нацию-государство в различной форме (союзная республика, автономия, область, район, трудовая коммуна) и тем самым вызывая к жизни этнический национализм, а, с другой, — была направлена на формирование гражданской, политической нации в форме «новой исторической общности — советского народа». Именно на этом и были сконцентрированы основные интеллектуальные и материальные ресурсы страны. Во многом искусственно проводимая политика «дружбы народов» не справилась с вызовами времени, что привело в 1990-х гг. к развалу страны и межнациональным конфликтам. В Грузии подобные конфликты имели место в Абхазии и Цхинвальском регионе.

На сегодняшний день означенная проблема находится в центре внимания как мировой, так и грузинской общественности. В 2017 г. парламент Грузии принял Конституцию страны в новой редакции, где в ст. 7 п. 3 говорится, что территориально-государственное устройство Грузии будет пересмотрено на основе принципа разделения прав и обязанностей после полного восстановления юрисдикции Грузии на всей территории страны ². Подобный подход, по мнению специалистов, означает, что «в будущем Грузия должна стать либо федеративным, либо унитарным государством» ³.

В контексте мировой глобализации и сопутствующего ей процесса региональной «локализации» можно говорить о «современном этническом парадоксе», что означает рост этнического самосознания в процессе глобализации фактически на фоне ломки традиционных форм этнической культуры. В создавшейся ситуации следует обратить внимание не на политизацию этничности и использование последней этнокланами в качестве инструмента социально-политической и экономической

конкуренции (чем не гнушаются фундаменталисты и сепаратисты), а на создание условий для «второго рождения» человека. Сегодня человек осознает свое «я» через принадлежность к формам этнической культуры, социально-культурным кодам, проникновение в свой «культурный геном». Этот процесс формирует начала духовности, отводя субъективной позиции и национальной идентичности человека неизменное место в глобальном мире. Исходя из сегодняшних реалий мира, подобный подход приводит к практике национально-культурной автономии, мультикультурализму, что, с точки зрения современной региональной интеграции народов, является неотложной задачей.

В Грузии в современную эпоху демократии, отмечает Г. Нодиа, в отличие от Средневековья недостаточно быть просто толерантным «по отношению к другим»; государство должно найти способы интеграции «других» и сделать их добровольными участниками национального проекта ⁴.

Прецедент реализации вышеотмеченной политики имел место в Грузии, которая в 1801—1917 гг. находилась в составе Российской империи, после восстановления ее независимости. В 1918—1921 гг. оппоненту большевистской власти России — правительству, возглавляемому Ноэ Жордания, — были хорошо известны процессы, протекавшие в Европе, приводившие к разрушению мирового традиционного коллективного общества, что ставило человека на путь свободы, индивидуализма и рационализма. Большая часть социал-демократических партий европейских стран была основана на политике «права наций на самоопределение» и идее культурной автономии, что безоговорочно поддерживалось грузинскими меньшевиками. Подобный подход к национальному вопросу был реализован по отношению к Абхазии, с древних времен бывшей неразрывной частью Грузинского государства. Следует отметить, что до того времени история не помнила каких-либо острых противоречий между грузинами и абхазами.

После распада Российской империи, которую называли «тюрьмой народов», входившие в нее народы противостояли всему и всем, обуреваемые идеей создания собственных национальных государств, которые стали бы гарантами их свободы и благоденствия. Весной 1919 г., когда безопасности Абхазии и, соответственно, Грузии угрожала Добровольческая армия генерала А.И. Деникина, целью которого было восстановление монархии и «единой и неделимой России», жизненно важной для страны была солидарность грузин и абхазов. На основе принятого 11 июня 1918 г. соглашения между Народным советом Абхазии (единственным полномочным легитимным органом) и правительством Грузии осуществлялось дипломатическое и военное сотрудничество с целью противостояния общему врагу и решения других злободневных для страны вопросов.

Параллельно с этим Народный совет Абхазии устанавливал более тесные связи с правительством Грузии и, согласно принятому «Акту автономии Абхазии» (20 марта 1919 г.), вошел «в состав Грузии в виде автономной части и с общими границами». Осенью 1919 г., до разгрома армии Деникина, между Народным советом Абхазии и правительством Грузии начались переговоры по вопросам государственно-правовых от-

ношений. В 1919—1920 гг. в результате проведенной работы были созданы проекты Конституции Абхазии, а 12 августа и 19 сентября 1920 г. проведены народные собрания абжуйских и бзыбьских абхазов.

В принятой 21 февраля 1921 г. Конституции Грузинской демократической республики в ст. 107 было записано, что нераздельным частям Грузинской республики — Абхазии (Сухумский округ), мусульманской Грузии (Батумский край) и Закатале (Закатальский округ) — предоставляется автономное управление местными делами (в унитарных государствах Европы эта модель известна как «внутренняя автономия»). Следует отметить, что в этой Конституции о Южной Осетии не упоминалось. По этой же Конституции, местным самоуправлениям, состоящим из национальных меньшинств (община, земство, город), давалось право на создание национальных союзов для решения своих культурно-просветительских задач. Для этой цели, как отмечалось в ст. 130 Конституции, из бюджета государства и самоуправлений должны выделяться финансовые средства пропорционально числу жителей ⁵. Таким образом, Конституция Грузинской демократической республики вполне отвечала принятым в то время в Европе государственно-правовым нормам международных отношений. Грузия стояла на пути осуществления идеи национально-культурной автономии (К. Реннер, О. Бауэр), рожденной в Европе в начале XX века.

Итак, в 1918—1921 гг. Абхазия в силу интенсивных грузино-абхазских взаимоотношений еще до официального признания Конституцией Грузии статуса ее автономии, уже имела этот статус в пределах Грузии. Отметим также, что в этот короткий период времени стороны активно сотрудничали по социальным, культурно-просветительским вопросам, и между ними не было каких-либо серьезных политических противоречий.

К сожалению, эти факты не признают либо игнорируют современные абхазские сепаратисты и фальсификаторы истории грузино-абхазских взаимоотношений. Как справедливо замечает историк З. Папаскири, некоторые авторы и, в первую очередь, С.З. Лакоба, приходят к противоречащему истории выводу: в 1918—1921 гг. грузин и абхазов не связывали никакие государственно-правовые отношения ⁶.

В отличие от Лакобы И. Марыхуба «возмущен» обилием материалов Народного совета Абхазии 1917—1921 гг., хранящихся в архивном фонде Государственного музея Абхазии (ф. 13, оп. 1, д. 39, 49 и др.). В своей монографии он отмечает, что ему пришлось «перелопатить» более 600 архивных страниц машинописи, после чего он пришел к выводу: эти материалы и документы «рождены» руководством Народного совета Абхазии, большую часть членов которого составляли грузинские меньшевики. По его мнению, вышеотмеченные грузино-абхазские взаимоотношения были ничем иным, как «начавшейся с 17 июня 1918 г. борьбой абхазского народа против грузинского колониализма» ⁷.

Как известно, после поражения Грузинской демократической республики и в период существования Грузии в составе Советского Союза часть политической элиты Абхазии продолжала борьбу с целью создания государства на основе этнического принципа. На ранних этапах советская власть пыталась не допустить скатывания права наций

на самоопределение до этнонационализма (Закавказская федерация, Союз северокавказских горских народов), однако вскоре Москва, для удобства управления, а также учитывая культурно-цивилизационный уровень входивших в советскую империю народов, стала проводить на местах политику их дальнейшей политической «локализации»

Власть советской Грузии, упразднив Учредительное собрание Грузинской демократической республики и все центральные и местные органы государственной власти, установила на территории всей страны новый порядок — диктатуру пролетариата. По мнению советских властных структур, это было необходимо на переходном этапе строительства социализма ввиду обострения классовой борьбы. На самом же деле главная цель заключалась в стремлении любой ценой, в кратчайшие сроки провести в стране модернизацию: индустриализацию, коллективизацию и культурную революцию. И действительно, за 10—15 лет в республиках наметились тенденции к резким изменениям в структурах этнических обществ, что было связано с индустриализацией и социально-культурным развитием страны. В то же время в республиках шла ожесточенная борьба против «отсталых традиций».

В условиях диктатуры пролетариата, когда советская власть контролировалась соответствующей вертикалью партийного аппарата, целесообразным было объявлено, например, расформирование на Кавказе вышеназванных федераций и их вхождение в союзные республики в виде автономных республик и округов. Этим большевики, с одной стороны, увеличили своих сторонников, чем облегчили себе управление советской империей, а, с другой, — создали механизм давления в случае надобности на центральную власть союзной республики с помощью лояльного Москве режима автономии.

В первой главе Конституции Грузинской ССР 1922 г. было записано, что в Грузинскую социалистическую республику на основе свободного самоопределения входят: Аджарская автономная социалистическая советская республика, Южноосетинский автономный округ и Абхазская социалистическая советская республика; последняя была связана с Грузинской социалистической советской республикой особым союзным договором, заключенным между этими республиками ⁸.

В марте 1921 г. Абхазии советской властью был присвоен статус советской социалистической республики. В ноябре-декабре того же года это решение изменилось. Фактически Москва предложила Абхазии реализовать свой «суверенитет» в составе либо Российской Федерации, либо Грузии. Выбор Абхазии пал на Грузию. Известный историк Л. Тоидзе подчеркивает, что, по мнению тогдашнего руководства Абхазии, ее независимость была «временной», «минутной», «формальной» ⁹.

Следует отметить, что по сравнению с Конституцией Грузинской демократической республики, по которой автономия в регионах была основана на развитии самоуправления и по своей сути представляла культурную автономию, в Конституции советской Грузии акцент был сделан на «росте» политического статуса автономии. Фактически в пределах союзных республик создавались новые этнические автономии, правда, с более низким статусом.

Таким образом, с одной стороны, в рамках советской модернизации центр формировал новую надэтническую систему (советский народ), а, с другой, — Москва вместо создания единой союзной гражданской нации образовывала в республиках автономные территории по этническому признаку, которые в «нужный момент» могли стать оппозиционными властям союзных республик и институционально способными к сепаратистскому движению. Вместе с тем в Грузии (как и в остальных республиках), по мере продвижения в стране гражданских конфигураций, у этнократии как в Тбилиси так и автономных республик, особенно со второй половины XX в., существенно сокращалась социально-культурная опора. Этому способствовала реализация в Советском Союзе Закона о всеобщем среднем образовании, изменение социально-профессиональной структуры населения, рост его мобильности и т.д. Например, в 1926 г. городское население в Абхазии составляло 15,2%, в 1959 г. — 37%, в 1973 г. — 42,2%, в 1989 г. — 47,9% населения республики ¹⁰. Подобная тенденция, наряду с другими интеграционными процессами, способствовала в известной степени поддержанию баланса модернизационных и традиционных ценностей, а кроме того — развивала в людях такие качества, как индивидуализм и прагматизм. Более того, «советский федерализм мог быть обманом с точки зрения реальных механизмов власти, однако он способствовал формированию этнонациональных бюрократических и интеллектуальных элит, а также национальных систем образования, науки и культуры» ¹¹.

Анализ национального состава населения Абхазии в XX в. свидетельствует о том, что если в 1920—1950 гг. задачи модернизации страны (подготовка местных кадров, строительство заводов и фабрик и т.д.) привели к коренным изменениям: за счет притока русскоязычного населения сократилось число грузин и абхазов, а русских и армян выросло, то в 1960—1970 гг. население стало уезжать. В 1959 г. отток составлял 21,4% от общего числа населения. Здесь же следует отметить недовольство абхазов в 30-х —50-х гг. XX в. «ассимиляцией, вызванной массовым переселением грузин». На самом же деле в этот период по указанию Москвы в Абхазию организовано переселяли людей из малоземельных и горных регионов Грузии. Причиной этого была нехватка рабочих рук для развития таких отраслей экономики, как чаеводство, табаководство, виноградарство и т.д. Число переселенцев не превышало 10 тыс. человек ¹².

Таким образом, во второй половине XX в. в Абхазии был установлен этнократический режим, что способствовало не только оттоку из республики русского населения, но и появлению довольно интересной тенденции: многие грузины, с целью устройства на престижные должности и в поисках «теплых местечек» (торговля, управление и т.д.), становились жителями Абхазии. Что касается русского населения, которое было занято в основном на фабриках и заводах, то оно предпочитало покинуть республику и строить свое будущее за ее пределами. Следует сказать, что центр осознавал итоги социальной интеграции, вызванные модернизационными процессами, но не поступался режимом авторитарного, вертикального управления, при котором автономии в иерар-

хии советского управления стали инструментом политического давления на союзные республики. Например, все так называемые «народные выступления», спровоцированные этнократами во второй половине XX и в начале XXI в. против тбилисской власти (1957, 1964, 1978, 1992—1993, 2008), совпадали с недовольством Кремля позицией руководства Грузии.

В 1960—1980 гг. осетинский язык не «работал» уже и в урбанизированной Северной Осетии. В таких обстоятельствах в конце 1980-х гг., когда в Южной Осетии русский язык практически вытеснил осетинский, местная бюрократия и интеллектуальная элита нашли «спасение» в дистанцировании от грузинской среды.

В результате событий августа 2008 г., когда правительство Грузии предприняло радикальный шаг — попыталось с помощью военной силы восстановить конституционный порядок в Цхинвальском регионе, как отмечает А. Тотадзе, беженцами стали 192 тыс. чел., со стороны России и «Южной Осетии» погибло 300 чел. и ранено было приблизительно 500, а со стороны Грузии погибло 364 чел., а ранено — 2234 ¹³.

Августовская трагедия в Цхинвальском регионе была вызвана той национальной политикой, которую советская власть проводила на протяжении XX в. и последствия которой по сей день тяжелым грузом лежат на населении региона. Конфликтолог А. Русецкий отмечает, что сложившаяся ситуация отрицательно действует на экономику четырех приграничных региональных структур. Таковыми являются: субъект Российской Федерации Северная Осетия — Алания и три административных субъекта Грузии — Рача-Лечхуми, Шида Картли, Мцхета-Мтианети. По его же мнению, в этих четырех регионах нарушены нормальные социально-экономические связи, поскольку Цхинвальский регион и до, и после конфликта является составной частью этой системы ¹⁴.

В пятидневной войне обе стороны понесли потери, особенно Грузия, которая, помимо материального ущерба, потеряла контроль над Ахалгорским районом (Цхинвальский регион) и Кодорским ущельем (Абхазия), после этого последовала еще одна горькая потеря: Россия юридически признала независимость Абхазии и Южной Осетии.

Таким образом, отмеченный анализ показал, что в период модернизации Грузии, в условиях ее демократического, унитарного государства (1918—1921 гг.) были созданы условия для формирования единой политической нации. Для нацменьшинств в стране проводилась политика культурной автономии. Уже в условиях Советского Союза «самоопределение народов», с одной стороны, было направлено на интеграцию, создание наднациональной союзной системы «советский народ», а с другой, — на актуализацию этнической идентичности и создание этнических наций. В наши дни инерция национальной политики в Грузии привела к этнополитическим конфликтам в Сухуми, Цхинвали и событиям 2008 года. Выход из создавшегося положения представляется в отказе от советской национальной политики, нахождении компромисса между взаимоисключающими принципами — защитой территориальной целостности страны и правом наций на самоопределение.

1. ХОБСБАУМ Э. Эпоха крайностей. Короткий двадцатый век, 1914—1991. М. 2004, с. 42.
2. Конституция Грузии в новой редакции (декабрь 2017). Тбилиси, с. 6 (на груз. языке).
3. ГОРГОШАДЗЕ М. Формы государства. Батуми. 2006 (на груз. языке).
4. НОДИА Г. Грузия: Измерения уязвимости. В кн.: Государственность и безопасность: Грузия после «революции роз». Кембридж. 2006, с. 56.
5. Конституция Грузии, 1921.
6. ПАПАСКИРИ З. Абхазия. История без фальсификации. Тбилиси. 2010, с. 219.
7. МАРЫХУБА И.Р. Исторические, государственно-правовые обоснования суверенитета Абхазии. Сухуми. 2005, с. 5—6.
8. Конституция Грузинской ССР, 1922.
9. ТОИДЗЕ Л. К вопросу о политическом статусе Абхазии (страницы истории — 1921—1931). Тбилиси. 1996, с. 21.
10. Статус автономных регионов Абхазии и Юго-Осетии в составе Грузии (1917—1988). Сб. политико-правовых актов. Тбилиси. 1996, с. 13.
11. НОДИА Г. Ук. соч., с. 61.
12. ХОШТАРИЯ-БРОССЕ Э.В. История и современность. Абхазская проблема в конфликтологическом аспекте. Тбилиси. 1996, с. 117.
13. ТОТАДЗЕ А. Осетины в Грузии: миф и реальность. Тбилиси. 2004, с. 145.
14. Проблемы и перспектива грузино-осетинских отношений. Тбилиси. 2004, с. 70 (на груз. языке).

Сампсониевский собор Санкт-Петербурга в исследовательской практике прошлого и настоящего

С.Ю. Каргапольцев, И.Ю. Лапина

Аннотация. В публикации освещены результаты архитектурно-археологических исследований фундамента Сампсониевского собора и прилегающих к нему объектов, проведенных авторами в 2007—2008 годах. Изученный слой и архитектурные комплексы в широких пределах датируются XVIII — началом XX века. Представленный вниманию читателя материал предваряет краткая историческая справка об этапах строительства храмового комплекса собора, а также относящихся к нему некрополя, колокольни, часовни и служебного дома. .

Ключевые слова: Российская империя, Санкт-Петербург, Сампсониевский собор, архитектурно-археологические исследования.

Abstract. The publication highlights the results of architectural and archaeological studies of the foundation of the Sampsonievsky Cathedral and the objects adjacent to it, carried out by the authors in 2007—2008. The studied layer and architectural complexes are widely dated from the XVIII — the beginning of the XX century. Presented to the attention of the reader, the material is preceded by a brief historical note on the stages of the construction of the cathedral church complex, as well as the necropolis, bell tower, chapel and service house relating to it.

Key words: Russian Empire, St. Petersburg, Sampsonievsky Cathedral, architectural and archaeological research.

Величие памятника и время его возведения (вторая четверть XVIII в.) выделяют Сампсониевский собор как архитектурную доминанту всей Выборгской стороны Санкт-Петербурга. Закладка первоначального (деревянного) храма состоялась в конце ноября 1709 г., то есть вскоре после «Полтавской виктории» — блестящей победы русской армии над шведами 27 июня 1709 г. (по старому стилю), по личному по-

Каргапольцев Сергей Юрьевич — кандидат исторических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета. E-mail: clio@spbgasu.ru; *Лапина Ирина Юрьевна* — доктор исторических наук, доцент, зав. кафедрой Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета. E-mail: poli-kam@yandex.ru.

Kargapol'tsev Sergey Yu. — PhD (History), associate professor at the Saint-Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering. E-mail: clio@spbgasu.ru; *Lapina Irina Yu.* — doctor of historical sciences, associate professor, holder of the chair at the Saint-Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering. E-mail: poli-kam@yandex.ru.

велению Петра I (1772—1725; на престоле с 1782 по 1725 г.). Поскольку именно в этот день Русская православная церковь (РПЦ) чествует поминавание св. Сампсония Странноприимца (целитель и чудотворец, привечавший в Константинополе странников, нищих и больных, конец IV в.), вполне понятным стало и наречение его именем построенной церкви, освящение которой состоялось в 1710 году. Выбранное для храма место было также символично: совсем рядом находился бывший шведский город-крепость Ниеншанц, отбитый в мае 1703 г. войсками Петра I. Таким образом, церковь Св. Сампсония стала первым храмом-памятником, построенным в Санкт-Петербурге в честь военной победы России ¹. Общее впечатление о деревянном храме можно получить, созерцая его изображение на гравюре, представленной первым историком Петербурга Андреем Ивановичем Богдановым (1696—1766) в книге «Историческое, географическое и топографическое описание Санкт-Петербурга от начала заведения его, с 1703 по 1751 год», изданной в 1779 г., а также рисунок из фонда церковных древностей ГМЗ Ростова Великого.

В 1711 г. у Сампсониевской церкви начало действовать общегородское кладбище, где хоронили не только православных, но и христиан западных конфессий — католиков и протестантов (лютеран, кальвинистов, англиканцев, и проч.), а в 1714 г. при храме была открыта и первая столичная богадельня ². На Сампсониевском кладбище обрели покой многие известные люди XVIII в. — сподвижники Петра I (князя П. И. Бутурлин и М. П. Гагарин, лейб-медик Л. Блюментрост), архитекторы (Д. Трезини, А. Шлютер, Ж.-Б.-А. Леблон, Г. Маттарнови), скульпторы (К.-Б. Растрелли), художники (Л. Каравак, С. Торелли), ученые и др. И хотя в 1770—1772 гг. кладбище было закрыто по указу Екатерины II ³, оно сохранялось как мемориал вплоть до 1930-х гг., когда власти распорядились ликвидировать внешнее оформление могил (надгробия, мемориальные плиты и кресты, склепы и ограды), а на их месте устроить сквер для прогулок и отдыха трудящихся. На момент наших работ сохранились лишь несколько потревоженных надгробий (именных плит из известняка) в непосредственной близости от собора и памятник «Врагам Бирона» (архит. М. А. Щурупов, скульптор А. М. Опекушин), воздвигнутый в 1885 г. на месте погребения А. П. Волынского, П. М. Еропкина и А. Ф. Хрущева, которые были казнены в день Полтавской битвы 27 июня 1740 г. на Сытном рынке Санкт-Петербурга за участие в антибироновском заговоре. В 2009 г. с северной стороны собора, над братской могилой, куда были помещены все костные останки из траншей и шурфов некрополя, был установлен еще один знак — «В память о захоронениях Сампсониевского кладбища XVIII века» (крест на стеле изображен в смешанной, латинско-православной, традиции).

Деревянная церковь, возведенная без стационарного фундамента, просуществовала до 1737 г., после чего была разобрана (на ее месте построили символическую часовню). Можно предположить, что церковь еще и существенно затрудняла близостью своего расположения доступ к строительной площадке уже заложенного в 1725 г. большого каменного здания собора, поскольку в том же 1725 г. к ней пристроили

Михайловский придел (Св. архангела Михаила). Одноэтажное здание каменного храма появилось в 1728—1740 гг., что подтверждается проведенными в 1974 г. архитектурно-археологическими исследованиями (серией диагностических шурфов), как самого собора ⁴, так и прилегающего к нему некрополя ⁵. Фундамент собора, сложенный из плотного бутового камня, подстилал известняковый цоколь из лещадных плит, который продолжала кладка кирпичных стен. В результате работ исследователи согласились с предположением епархиального архитектора Андрея Петровича Аплаксина (1879—1931) о поэтапной постройке каменного храма, локализовав места сопряжений в кладке стен и фундаментов. Археолог Глеб Сергеевич Лебедев (1943—2003) и историк архитектуры Юрий Михайлович Денисов (1925—2001) установили, что на первом этапе (1728—1733 гг.) был сооружен первоначальный объем церкви с двумя приделами (так называемая «Трапезная»). Имя создавшего его архитектора до сих пор остается неизвестным. Некоторые специалисты предположительно связывают авторство проекта с именем Доменико Андреа Трезини (1670—1734), другие — с его племянником Карло Джузеппе Трезини (1697—1768), построившим в 1740—1760 гг. на 6-й линии Васильевского острова близкую по типу церковь Трех Святителей Вселенских (Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста). Есть сторонники авторства и Пьетро Антонио Трезини (1692—1760). На наш взгляд, нет смысла рассуждать об этом подробно и приводить ссылки, поскольку истину установить все равно уже невозможно.

Организацию строительства новой Сампсониевской церкви взял на себя ярославский купец Иван Андреевич Лапшин. Однако имевшихся 600 руб. хватило только на устройство фундаментов. Время для сбора новых средств оказалось неподходящим, так как в годы царствования малолетнего императора Петра II (1715—1730; на престоле с 1727 по 1730 г.) столица под влиянием князей Долгоруких вновь была перенесена в Москву. Ситуацию спасло воцарение императрицы Анны Иоанновны (1693—1740; на престоле с 1730 по 1740 г.), племянницы Петра I. Отпущенные из казны средства позволили не только продолжить работы, но и значительно увеличить размеры недавно построенного храма в восточную сторону, с чем связан уже второй этап его сооружения (1733—1740 гг.). Именно в эти годы под руководством неизвестного зодчего — по мнению некоторых исследователей, им мог быть ученик Д.-А. Трезини Михаил Григорьевич Земцов (1688—1743) — удалось решить сложнейшую задачу сопряжения уже построенного объема так называемой трапезной с новым барочным. Объединение их в единое пространство потребовало превращения центральной апсиды в проходную арку, а также полного демонтажа малых апсид приделов Архистратига Михаила и апостола-евангелиста Иоанна Богослова. Столбы и полуциркульные арки галерей, расположенные вдоль главного периметра церкви, пристроенного к ранее возведенному, выполняли еще и роль контрфорсов, сдерживавших распор 15-метрового коробового свода. Наличие крытых галерейных проходов (так называемых «гульбищ») отличало Сампсониевскую церковь от других храмов Санкт-Петербурга. Двухъярусный барабан купола

был глухим с фальшивыми (нарисованными) окнами прямоугольной формы, имитирующими характерные для барочного стиля люкарны (купол был поставлен на двухскатную крышу и не имел внутреннего пространства со стороны главного придела). Шесть типов лекального кирпича украшали профилированные базы и капители пилястр вдоль фасадов галерей, а также обрамление оконных и дверных проемов, определяя общую стилистику комплекса так называемым «аннинским барокко». Главная ценность храма — резной золоченый 11,2-метровый пятиярусный иконостас 1730-х гг. и подписные образа первой половины XVIII в. работы художников-иконописцев А. Квашнина, А. Пospelова и Т. Баженова ⁶. Помимо икон, иконостас был украшен 56 резными позолоченными фигурами, что опять же больше соответствовало дониконовской церковной традиции. 19 (28) августа 1740 г. состоялось освящение главного придела во имя преподобного Сампсония Странноприимца. Для справки отметим, что малые приделы, с перенесенными из деревянной церкви иконостасами, были освящены в 1733 году.

Практически одновременно — к апрелю 1740 г. — была возведена и трехъярусная каменная шатровая надвратная колокольня, нижний ярус которой прорезан сквозным арочным проходом с чугунными воротами, а стены и углы декорированы мощными рустованными лопатками и филенками. Второй же и третий ярусы были украшены пилястрами тосканского ордера. Таким образом, не имеющая единого архитектурного стиля звонница стала уникальным в своем роде сооружением имперского Петербурга, соединившим в себе и барочные элементы второй четверти XVIII в., и традиционные стилистические приемы русской храмовой архитектуры ярославской и московской школ XVI—XVII вв.: завершающий колокольню высокий восьмигранный шатер (шпирь) с ложными окнами — «слухами», увенчанный луковичной главкой (маковкой) с золоченым крестом. Примечательной особенностью новой церкви был одноглавый верх ее купола. Вид храма на данный период передает его изображение на аксонометрическом «Плане столичного города Санкт-Петербурга с изображением знатнейших оного проспектов» (1753 г.) Михаила Ивановича Махаева (1718—1770), чьи картины и гравюры, по мнению специалистов, отличаются выразительностью и документальной точностью ⁷. В реальности автором этого плана был не М.И. Махаев, создавший лишь приложение к плану из двенадцати гравюр с видами Петербурга, а топограф и картограф, адъютант Географического департамента Академии наук И.Ф. Трускот, в 1748—1749 гг. изготовивший первый подробный аксонометрический план Петербурга на девяти листах (в 1812 г. Географический департамент был преобразован в Военно-топографическое депо) ⁸.

Внутренне пространство храма делилось на две части: трапезную (так называемый «зимний храм») — квадратное в плане пространство, разделенное на три нефа (боковые приделы с малыми алтарями, а также центральный проходной), и главный придел Сампсония Странноприимца в восточной части здания (так называемый «летний храм»). Малые приделы трапезной, как уже указывалось, были посвящены Архистратигу Михаилу (южный) и апостолу-евангелисту Иоанну Бого-

слову (северный). Каждый придел имеет свои иконостасы с алтарями. К началу 1760-х гг. Сампсониевскому храму потребовался ремонт. Его организацией и проведением занялся богатый купец Михаил Яковлевич Грязновский-Лапшин (1719—1769), племянник Лапшина-первого. Свое имя он увековечил надписью на специально изготовленном в Москве 400-пудовом (6 т 400 кг) колоколе, размещенном 1 июня 1763 г. на третьем ярусе колокольни. Отлитый из оловянистой меди в мастерской Дмитрия Пирогова, 2,2-метровый в диаметре колокол был украшен барельефами серафимов, растительным орнаментом и четырьмя иконами — Архистратига Михаила, преподобного Сампсона Странноприимца, а также апостолов Петра и Иоанна Богослова. Отметим, что 255-летний колокол Сампсониевского собора является одним из старейших в Санкт-Петербурге.

Завершила многолетнее строительство и декорирование храма перестройка его одноглавого купола в соответствии с принятым в 1747 г. Елизаветой Петровной (1709—1761; на престоле с 1741 по 1761 г.) законом «об освященном пятиглавии», согласно которому в Петербурге стали возводить пятиглавые храмы в рамках идеологии и традиций «русского духа» допетровского времени (пять куполов символизировали Иисуса Христа и четырех апостолов-евангелистов). Именно тогда, в 1761 г., под занавес царствования Елизаветы Петровны (1741—1761), на средства М.Я. Грязновского-Лапшина (за свои заслуги последний удостоился чести упокоения под сводами южной галереи собора) был выполнен опять же декоративный пятиглавый верх с фигурными куполами в форме граненых луковиц. Оформление этого элемента означало окончание столь долгого возведения комплекса храма. Его уникальность определили удачные соединения древнерусской строительной традиции и современные приемы раннего петербургского зодчества.

Примерно в 1801 г. к северному фасаду колокольни была пристроена небольшая часовня, а чуть позднее к южному фасаду — сторожка. Изменения коснулись и внутренней части храма: в 1830-е гг. чугунные полы были заменены каменными, а в 1852 г. в некогда «летнем» главном приделе храма устроили отопительные печи (до этого в зимний период отапливались лишь малые приделы церкви, где и проходили богослужения). С 1874 г. при церкви действовало благотворительное общество, содержавшее богадельню и сиротский приют. В 1860—1890-х гг. несколько раз обновлялись старые и создавались новые росписи внутренних стен. В 1894 г. часть мощей преподобного Сампсония была перенесена из храма Св. великомученика целителя Пантелеймона в церковь Св. Сампсония.

Наиболее масштабную реставрацию церкви провели по инициативе министра внутренних дел и председателя Совета министров Российской империи Петра Аркадьевича Столыпина (1862—1911) в 1908—1909 гг., в преддверии двойного юбилея — 200-летия Полтавской битвы и 200-летия Сампсониевского храма. По предложению настоятеля — отца Иоанна Острогорского — в начале 1908 г. при церкви был организован «Комитет по организации празднования 200-летнего юбилея основания Сампсониевского храма, заложенного Петром I в память Полтавской победы 1709 года 27 июня». Под эгидой этого

временного комитета в 1908—1909 гг. была выпущена серия тематических журналов, в которых опубликовали свои исследования священник Владимир Алексеевич Покровский (?), архитектор Андрей Петрович Аплаксин (1879—1931) и другие ⁹. В 1909 г. на месте святого престола первой деревянной церкви и, соответственно, старой часовенки была построена новая часовня Спаса Нерукотворного Образа, стилизованная под растреллиевское барокко по проекту вышеупомянутого епархиального архитектора А.П. Аплаксона (исполнял функции епархиального архитектора с 1906 по 1917 г.), выпускника Института гражданских инженеров, женатого на племяннице митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Антония (1846—1912). Часовня работы Аплаксона полностью сохранилась ¹⁰. Утраченной оказалась лишь находившаяся в ней икона-плита с образом Пресвятой Троицы, выполненная в технике чеканки ¹¹. В тот же период к югу от храма возвели двухэтажный Юбилейный домик, предназначавшийся для новой сторожки, церковного архива и ризницы.

Функцию надзорного органа в ходе реставрации внешних фасадов и интерьера церкви осуществляла Императорская археологическая комиссия. Главной задачей работ было исправление всевозможных переделок, осуществленных во второй половине XVIII—XIX вв., ремонт иконостаса, колокольни и других элементов храмового комплекса. Так, было решено разобрать крытый соединительный коридор, ведущий от колокольни к церкви, вместо которого, по проекту архитектора Николая Евгеньевича Лансере (1879—1942), к западному фасаду собора была пристроена теплая паперть-притвор, оформленная как парадное крыльцо. Кроме того, были демонтированы и неуместные пристройки к колокольне — ампирная часовня и сторожка, кирпичи которых пошли на кладку вышеупомянутой паперти. Также было решено заменить каменную ограду чугунной на цоколях и придать стенам интерьера церкви первоначальный «иссера-зеленоватый» тон. Тогда же, по решению императора Николая II (1868—1918; на престоле с 1894 по 1917 г.), выделившего на ремонтные работы из собственных средств 3 тыс. руб., Сампсониевской церкви был присвоен статус собора. В 200-летнюю годовщину Полтавской битвы — 27 июня 1909 г. — у стен Сампсониевского собора состоялись торжественные мероприятия, на которых лично присутствовал Николай II: благодарственный молебен, артиллерийский салют со звоном колоколов и прохождение парадным строем мимо памятника Петру I сводных батальонов полков императорской гвардии.

Несмотря на значительный объем выполненных Аплаксиним работ (устройство гидроизоляции, установка новых дубовых дверей, замена печей, настилка паркета, восстановление утраченных наличников и рустов на фасадах собора и колокольни, закладка поздних проемов, демонтаж крытого прохода от колокольни до паперти-притвора, окраска стен, главы и крыши, позолота крестов, главок и граней шатра колокольни), реставрация оказалась не во всем удачной, поскольку уйти от стилизаторских тенденций в сторону аутентичности храмового комплекса не удалось. Архитектор стремился придать храму-памятнику цельный и гармоничный вид, убрав, как ему казалось, лишние напласто-

вания и элементы конструкций, что в научной реконструкции недопустимо. Так, по данным дендрохронологического анализа, выполненного в 1974 г. болгарской исследовательницей Е. И. Захариевой, была установлена имевшая место в 1909 г. переборка деревянных подкупольных конструкций собора. Как следствие, привнесенные Аплаксыным решения по исправлению форм купола и оконных наличников оказались неаутентичными по отношению к подлинному характеру сооружения. Знатокам и ценителям храмовой архитектуры остается утешать себя тем, что могло быть и хуже, учитывая реалии непростого во всех смыслах XX века.

Также в 1909 г. была оформлена и площадь перед главным входом в собор через ворота колокольни, доминантой которой стал памятник Петру I работы скульптора Марка Матвеевича Антокольского (1843—1902) и архитектора Н. Е. Лансере. Изображение парадного образа основателя Петербурга — в мундире Преображенского полка с орденом Андрея Первозванного на груди, левая рука держит подозрную трубу и придерживает палаш, правая опирается на трость — представляло собой бронзовую отливку со скульптуры, установленной в 1884 г. в Нижнем парке Петергофа (аналогичные скульптуры позднее появились в Таганроге, Архангельске и Петрокрепости). В качестве дополнительной информации укажем, что целый ряд дореволюционных видов Сампсониевского собора и колокольни находится в фондах Научного архива ИИМК РАН ¹².

Вскоре после революции и гражданской войны для Сампсониевского собора, как и других действовавших на тот момент храмов, настали тяжелые времена: с 1 февраля 1930 г. был запрещен колокольный звон, вследствие чего с колокольни Сампсониевского собора было снято 13 колоколов (остался лишь большой колокол). Большой Сампсониевский проспект стал носить имя Карла Маркса, в марте 1934 г. на заседании Президиума Выборгского райсовета было вынесено постановление о сносе памятника Петру I (под предлогом расширения проезжей части проспекта), а 27 июля 1938 г. в связи с решением административной комиссии Выборгского райкома (протокол от 11 июля 1938 г.) в храме были полностью прекращены богослужения ¹³, а само здание собора занял овощной склад (по другим сведениям — магазин готового платья). От полного разрушения храм спасло лишь то обстоятельство, что 20 марта 1935 г. Сампсониевский собор был взят под охрану государства как исторический мемориал-памятник ¹⁴. На месте же прилегающего к храму кладбища и некрополя, как выше уже указывалось, был разбит парк для отдыха трудящихся — сад им. Карла Маркса (ныне — Сампсониевский сад). Гравием для отсыпки дорожек послужили на месте раздробленные надгробия и могильные памятники. Довершила разгром Великая Отечественная война, в ходе которой собор (купол, иконостас, иконы, киоты и проч.), колокольня и колокол получили серьезные повреждения. Наспех проведенные после войны ремонтные работы никак не походили на реставрацию. С 1947 по 1950 г. здание храма занимала библиотека Академии наук СССР, с 1951 по 1972 — склады оптово-закупочной базы Главунивермага.

Некий просвет в судьбе Сампсониевского собора обозначился в 1953 г., когда в преддверии 250-летия города на Неве было решено

ликвидировать повреждения куполов, а также отремонтировать кровлю собора и галерей вдоль боковых фасадов. Работы были проведены в 1953—1957 гг. по проекту архитектора-реставратора Александра Александровича Кедринского (1917—2003). К сожалению, дальнейшего развития начатая реставрация не получила. В 1972 г. собор передали в качестве филиала Суворовскому музею, что повлекло проведение частичных реставрационных работ. Следует отметить, что в атеистические годы советского прошлого музеефикация храма уже была благом, так как гарантировала ему, как минимум, внешнюю сохранность и целостность архитектурных форм. Именно в этот период несущие конструкции Сампсониевского собора и прилегающая к нему часть некрополя обследовались археологами и искусствоведами исторического факультета Ленинградского государственного университета (вышеупомянутые работы 1974 г.). В 1984 г. Сампсониевский собор с прилегающими к нему сооружениями, продолжающий медленно разрушаться, по инициативе руководства ГИОП был передан в ведение ГМП «Исаакиевский собор». Хлопотал об этом решении и его директор, доктор культурологии Георгий Петрович Бутиков (1925—2002), занимавший эту должность с 1968 по 2002 год. Именно это событие спасло исторический памятник XVIII в., а также его уникальную иконописную коллекцию от дальнейшего разрушения. После многоэтапной комплексной реставрации 1986—1999 гг. Сампсониевский собор открылся как музей в 2000 году.

В нынешнем виде Сампсониевский собор представляет собой выразительный архитектурно-духовный комплекс, включающий храмовое здание, надвратную колокольню, часовню и Юбилейный дом. Сюда же можно отнести и соборную площадь, что образует единую историко-культурную зону (памятник Петру I на другой стороне Большого Сампсониевского проспекта был воссоздан в 2003 г. к 300-летию Санкт-Петербурга). С 21 мая 2002 г. в храме-памятнике «Сампсониевский собор» по воскресным и праздничным дням церковного календаря возобновились богослужения во вновь освященном приделе Иоанна Богослова. Тогда же, после 72-летнего перерыва, снова зазвучал и большой Сампсониевский колокол.

В завершение исторической справки укажем, что после заключительных реставрационных работ 2002—2009 гг., в ходе которых были восстановлены декоративная роспись стен главного придела и золочение главного иконостаса, осуществлены развеска храмовых икон, укрепление фундамента собора, устройство новой гидроизоляции, реставрация фасадов с их окраской в первоначальный цвет и проч., Сампсониевский собор вернул свой прежний величественный облик мемориального храма, воздвигнутого в честь победы русской армии под Полтавой. Торжества — презентация объекта и обзорная экскурсия для специалистов и чиновников по случаю завершения реставрации соборного комплекса и уникального резного иконостаса — состоялись 3 июля 2009 г., а 10 июля, как и 100-летие назад, перед стенами собора прошли военный парад с оркестром, концерт хорового пения, смотр исторических костюмов русской и шведской армий времен Северной войны, а также праздничный салют.

Однако и эти события не стали завершающими в столь многогранной истории Сампсониевского собора: 5 февраля 2017 г. состоялась процедура передачи Сампсониевского собора РПЦ¹⁵. Кроме собора, церкви также были переданы колокольня, часовня и Юбилейный домик, построенный в 1909 г. по проекту арх. Аплаклина при участии Лансере¹⁶. К сожалению, до этих торжеств не дожил генеральный директор ФГУК ГМП «Исаакиевский собор», доктор педагогических наук Николай Викторович Нагорский (1944—2008), занимавший эту должность с апреля 2002 по 14 января 2008 года. Н. В. Нагорский был признанным авторитетом в области музееведения и культурологии¹⁷.

По договоренности дирекции ГМП с настоятелем собора — архимандритом Серафимом (Шкредем) — в приделах собора остались музейные экспонаты, и осуществляется экскурсионная деятельность по аналогии с Казанским собором. За 33 года музейной жизни собор превратился в блистательный, великолепно отреставрированный храм. Многолетними усилиями специалистов — архитекторов, реставраторов, музееведов, хранителей — практически из небытия был возвращен не только архитектурный шедевр эпохи абсолютизма, но и важный культурно-религиозный центр светской и приходской жизни Выборгской стороны Санкт-Петербурга.

Переходя к архитектурно-археологической части данной публикации, отметим, что отчеты по изыскательским работам 2007—2008 гг. на объектах (комплексах) Сампсониевского собора хранятся в Научном архиве ФГУК ГМП «Исаакиевский собор»¹⁸. Данные зафиксированных промеров (нивелировочных отметок современной дневной поверхности и глубины выбранного грунта) будут даны в Балтийской системе высот (БСВ) от Кронштадтского ординара.

Первый этап работ, осуществленный в декабре 2007 — январе 2008 г., представлял собой археологический мониторинг раскрытого в ходе земляных работ поверхностного слоя грунта в западном секторе территории комплекса Сампсониевского собора. Выявленный слой был сильно и повсеместно переотложен, поддерновые же прослойки гумуса и суглинка насыщены битым кирпичом и щебнем. Выбранные траншеи в нескольких местах пересекали на верхнем и нижнем уровнях ранее проложенные коммуникации, в том числе бетонный водопроводный коллектор шириной 1,1 м, локализованный южнее часовни. Следов погребений встречено не было. Ни на одном из участков траншеи рабочие не достигли «материкового» уровня, то есть стерильной поверхности грунта, подстилающей культурные наслоения. Не было отмечено и пересечения уровня грунтовых вод (УГВ). В качестве дополнительного комментария к стратиграфии необходимо отметить лишь диагностирование четко выраженного слоя строительного мусора (фрагменты деревянных конструкций, кованые железные гвозди, фрагменты битого кирпича, мелкие валуны) в районе непосредственного примыкания траншеи к часовне. В этом слое были также обнаружены кованый строительный винт и обрезок медного листа кровельного покрытия. Данные находки можно связать со строительными и реставрационными работами начала прошлого века. На верхнем уровне западного и южного участков траншеи отмечено присутствие мощного слоя набивного

щебня (гравийной отсыпки), что связано с устройством въездных площадок и дорожек.

Таким образом, ничего примечательного с археологической точки зрения на данном этапе работ зафиксировано не было.

Гораздо больший интерес и научно-практическую значимость представляли сопроводительные архитектурно-археологические исследования второго этапа работ, проведенные в июле-октябре 2008 года. К основному объему задач исследований относились наблюдение и фиксация (графическая и фотографическая) земляных работ по раскрытию фундамента здания собора (общая площадь обследованной территории — 970 кв. м); оценка его состояния, конструктивных особенностей и глубины залегания; анализ выявленной стратиграфии *in situ*; сбор и систематизация сопутствующих находок; обследование прилегающей к собору территории некрополя. Кроме того, осуществлялся общий контроль при производстве ремонтных работ ступеней крыльца и укреплении воротного столба (пилона) внешней ограды в западном секторе территории соборного комплекса.

Отметим, что наблюдение за технологией и этапностью проведения земляных работ по раскрытию фундамента с последующим устройством гидроизоляции его стенок и дренажной системы водоотвода, нарушений правил выборки слоя, применяемых при обследовании исторических памятников архитектуры, не выявило. Выемка грунта вдоль фасадов здания и демонтаж плит отмостки производились участками по 5—10 м при ширине до 5 м и глубине 2,25—2,6 м от современного УДП (диапазон отметок от 4,82 до 5,19 м БСВ). Поскольку диагностические зондажи выявили сильную переотложенность слоя, для земляных работ стало возможным применение экскаватора с узкозаборным ковшом. Выемка же грунта в непосредственной близости от фундамента, как и его расчистка, осуществлялись исключительно вручную. Костные останки погребенных и сопутствующие им предметы помещались в мешки и по завершении работ были перезахоронены в братской могиле. Настоятель собора отслужил по этому поводу поминальную панихиду.

Выбираемый грунт был насыщен присутствием костных останков погребенных и сопроводительным инвентарем разрушенного горизонта прилегающих к собору захоронений — гвоздями, оковками и ручками гробов, нательными крестиками, медными пуговицами, и проч. У апсиды восточного фасада при разборке слоя были найдены намогильные плиты XVIII в. из серого известняка, одна из которых была поднята и сдана в экспозицию. Также в прилегающем к собору слое были встречены обломки настенных надмогильных плит из желтого и серого известняка (на одной из них сохранилось указание даты — 1739 г.). Вследствие бессмысленности детального изучения исторической стратиграфии грунта в профилях стенок траншеи, главной задачей архитектурно-археологического мониторинга стало обследование и фиксация внешних параметров фундаментных конструкций Сампсониевского собора. По мере его раскрытия производилась очистка сухой поверхности кладки сжатым воздухом и сметками. Производимые работы не нанесли фундаменту каких-либо повреждений. Выпавшие

в нескольких местах камни и блоки из пиленого известняка устанавливались на свое место.

К задачам археологического сопровождения строительно-реставрационных работ также относился контроль над обновлением ступеней крыльца западного фасада собора и усилением просевшего фундамента столпа-пилона внешней (западной) ограды, расположенного чуть севернее надвратной колокольни. Ступени крыльца паперти собора были частично поправлены на месте, частично заменены новыми элементами. Выпрямление столба ограды, отклонившегося к востоку от вертикальной оси, выполненной по рисункам архитектора и художника Лансере, потребовало раскрытия восточного сектора его фундамента (глубина шурфа — 2 м). УДП в районе проведения работ имел показатель 4,45 м БСВ. Интерес представляли не сама технология придания покосившемуся столбу строго вертикального положения и укладка отсутствовавших плит белого известняка внешней облицовки его цоколя с восточной (внутренней) стороны, а конструктивные особенности фундамента, который был усилен путем замены нескольких рассыпавшихся блоков известняка. Кладка фундамента состояла из плотных серо-розовых известняковых плит, скрепленных цемяночным раствором. Для справки укажем, что цемянка (лат. *saementum* — «щебень, битый камень») это название кирпичной или керамической крошки, добавляемой в известковый раствор для кладки стен (иногда в такой раствор добавлялись белки куриных яиц и глиняная мука). Известный с древнерусского времени (заимствование у византийцев), цемяночный раствор активно использовался и в XVIII—XIX вв., а также первой четверти XX века. От цементного он отличался большей пластичностью и более длительным сроком хранения на строительной площадке в разведенном состоянии. Присутствие более поздних вкраплений цементного раствора на лицевых швах кладки верхнего горизонта фундамента указывает на производившиеся ранее ремонтные работы косметического характера. Находящаяся ниже УДП часть кладки была выполнена в иррегулярной технике, верхняя (цокольная) имела декоративную обкладку из отшлифованных гранитных и известняковых плит. Нижняя часть и основание фундамента (валунная кладка на глиняном замке) полностью раскрыты не были.

Касаемо археологического сопровождения работ по раскрытию фундамента Сампсониевского собора, обратим внимание на ряд принципиальных фактов. Так, кладка фундамента ленточного типа была в верхней части выполнена из плит пиленого известняка (так называемого бутового камня) на известковом (цемяночном) растворе, в нижней — из валунного камня на глиняной подушке. Три-четыре ряда потемневших вследствие эрозии неоштукатуренных известняковых плит образуют видимый над УДП ярус цоколя. Его подстилает ряд из более тонких известняковых плиток, выполнявших роль бордюра по уровню отмостки. Незначительные колебания высоты цоколя (от 0,3 до 0,4 м) объясняются разницей показателей УДП внешнего периметра здания. Промер общей высоты раскрытого фундамента составил 2,0—2,3 м. Фактически это и есть глубина выбранной траншеи, раскрывшей верхний уровень валунной кладки основания фундамента.

Некоторые конструктивные отличия имеют фундаменты колонн галерей. Так, их базы, сложенные из оштукатуренного кирпича, не имеют выступающей над УДП видимой части фундамента (цоколя). Таким образом, нижняя часть баз колонн напрямую переходит в уровень отмостки здания и прилегающей к ней обходной дорожки. С целью усиления фундаменты колонн имеют на нижнем (подземном) уровне примыкание кладок из валунного камня и необработанных известняковых (лещадных) плит. Эти своеобразные контрфорсы с основным фундаментом не перевязаны. Такая же примыкающая кладка из известкового камня усиливала и фундамент восточной стены здания собора, уходя ниже УГВ. С внешней стороны валунные подпорные выкладки имели глиняную обмазку с выраженным внешним уклоном расширения на конус (в процессе ремонтно-восстановительных работ они частично демонтировались). Подземную часть фундаментов колонн северной и южной галерей также усиливали кирпичные кладки толщиной 600 мм. В ходе работ по устройству гидроизоляции фундаментов колонн они были соединены в подземной части так называемыми «забирками» — кирпичными стенками-связями толщиной 250 мм. Данная технология позволила решить задачу по усилению конструкции фундамента, а также замкнуть внешний обвод его гидроизоляции по всему контуру здания. Это обстоятельство сделало систему «водозащиты» более надежной и эффективной.

Как уже отмечалось, прилегающий к стенкам фундамента грунт (бурый песок, суглинок, темный гумус и кирпичная крошка) был сильно переотложен. Верхний его горизонт содержал бессистемные прослойки и отдельные фракции щебня и гравия — следы прежних заполнений траншей и наслоений старых отсыпок набивной дорожки, проходящей вокруг собора. Отмостка здания была выполнена из известковых плит толщиной 70—120 мм, которую подстилал замок из мятой тугопластичной глины толщиной около 200 мм. Несмотря на значительную глубину прифундаментных траншей, «материк», то есть стерильный от наслоений горизонт грунта, нигде не был достигнут и на втором этапе работ. Слой переотложенного грунта, помимо массового присутствия битого кирпича и щебня, диагностирует прослойку погребенного дерна, то есть «старую» дневную поверхность, представленную серым гумусом. Еще ниже отмечены наслоения черного гумуса и гумусированного суглинка, что диагностирует горизонт погребений (глубина его залегания колеблется в диапазоне 0,7—2,0 м от УДП). Непосредственно у стен здания, под глиняным замком, отмечен слой строительного мусора толщиной 1,9 м (известковый камень, бой кирпича и пр.), уходящий ниже УГВ. Грунт основания, расположенный ниже слоя строительного мусора, — однородный плотный пылеватый песок, насыщенный водой. Диагностику слоя дополнительно осложняли проложенные ранее коммуникации. Из сопроводительных находок, помимо инвентаря горизонта погребений, упомянем обнаруженную в слое артельную пломбировочную или сургучную печать (штамп) предположительно 1920-х годов.

Единственное непотревоженное погребение было зафиксировано в западном секторе южной галереи. Приподнятые в ходе работ гранит-

ные плиты напольного покрытия толщиной 0,21 м (южная имела размеры 2,56х1,38 м; северная — 2,56х1,42 м) оказались сводом погребального склепа, состоявшего из двух камер. Северная камера была пуста, а южная содержала захоронение церковного старосты М. Я. Грязновского-Лапшина. Михаил Яковлевич, как указано в сопроводительной надписи надмогильной плиты (вмурованной во внутреннюю стенку ближайшей колонны), был купцом-меценатом, окормлявшим приходскую жизнь Сампсониевского собора делами и средствами: «Директор, попечитель и украститель храма сего». Для сохранения данного погребения было решено гидроизоляционные работы провести только по внешней кладке фундамента.

В заключение отметим, что весь объем задач по архитектурно-археологическому надзору за ходом строительно-реставрационных работ на территории Сампсониевского собора был полностью выполнен. Будет ли осуществлен следующий этап исследований старейшего духовного центра Санкт-Петербурга, покажет время.

Примечания

1. ГУСАРОВ А. Ю. Памятники воинской славы Петербурга. СПб. 2010.
2. БАТОРЕВИЧ Н. И., КОЖИЦЕВА Т. Д. Храмы — памятники Санкт-Петербурга: во славу и память российского воинства. СПб. 2008, с. 173.
3. Там же, с. 172.
4. ВОИНОВ В. С., ДЕНИСОВ Ю. М., ЛЕБЕДЕВ Г. С. В память о русской славе. Реставрация собора на Выборгской стороне. — Строительство и архитектура Ленинграда. 1975, № 9 (сентябрь), с. 40—42; ЛЕБЕДЕВ Г. С., ДЕНИСОВ Ю. М., ВОИНОВ В. С. Отчет об археологических исследованиях 1974 года в Сампсониевском соборе на Выборгской стороне. Л. 1976. Архив КГИОП. Инв. № 1868.
5. КОРЕНЦВИТ В. А. Краткий отчет о работе архитектурно-археологического отряда в Сампсониевском соборе с 18 по 30 июня 1974 года. Л. 1976. Архив КГИОП. Инв. № 1869; ПЛОТКИН К. М. История археологического изучения Петербурга. В кн.: Памятники истории и культуры Санкт-Петербурга. Исследования и материалы. СПб. 2005, с. 381.
6. НИКИФОРЕНКО Е. М. Структура и художественные особенности Главного иконостаса Сампсониевского собора в Санкт-Петербурге. — Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2006, № 12, с. 107—112.
7. МАЛИНОВСКИЙ К. В. Михаил Иванович Махаев. СПб. 2008.
8. СЕМЕНЦОВ С. В. Планы Санкт-Петербурга и карты Санкт-Петербургской губернии как важнейшие источники. В кн.: Собрания карт Санкт-Петербурга в библиотеках, архивах и музеях: материалы 5-й конференции по информационным ресурсам петербурговедения 10 марта 2010 года. СПб. 2010, с. 10.
9. См., например: ПОКРОВСКИЙ В. А. Сампсоновский храм как исторический памятник. Врем. ком. по организации празднования 200-летнего юбилея основания Сампсоновского храма, заложенного императором Петром I в память Полтавской победы 1709 года 27 июня. СПб. 1908; АПЛАКСИН А. П. Сампсоновский собор в С.-Петербурге. 1709—1909. Издание Комитета по организации празднования 200-летнего юбилея основания Сампсоновского храма, заложенного императором Петром I в память Полтавской победы 1709 года 27 июня. СПб. 1909.
10. ФИЛИППОВА И. С. Музей-памятник Сампсониевский собор. СПб. 2002, с. 10.
11. ПАВЛОВ А. П. Храмы Санкт-Петербурга. Художественно-исторический очерк. СПб. 2001, с. 34.
12. Научный архив ИИМК РАН. О.322/398—402. инв. № 10783—10787, нег. 5, отп. 5. Собор Сампсониевский в Петербурге (Ленинград): детали колокольни. Снимок П. П. Покрыш-

- кина, 1908 г. Фонд Археологической Комиссии; Q.126/31—38. инв. № 96201—96208. Отп. 8. Собор Сампсониевский (пр. К. Маркса) в Петербурге (Ленинград). Наружные и внутренние виды. Снимок К.К. Булла. Ленинградский государственный музейный фонд.
13. БРАЖНИКОВ В. Научный паспорт на здание бывшего Сампсониевского собора. Л. 1939. Архив КГИОП. П-28. Инв. № 146, с. 107.
 14. НИКИФОРЕНКО Е.М. Между государством и церковью: судьба Сампсониевского собора. — Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусства. 2010, № 1, с. 23.
 15. ШТРАУС О. Музей стал храмом. Русской православной церкви передали Сампсониевский собор. — Российская газета. Федеральный выпуск № 7191 (25). rg.ru/2017/02/05/reg...russkoj-pravoslavnoj-cerkvi...; Митрополит Варсонофий выступил с докладом на епархиальном собрании. Санкт-Петербургская митрополия РПЦ. <http://mitropolia.spb.ru/news/mitropolit/?id=124694>.
 16. БЕЛОНОЖКИН А.Е. Санкт-Петербургский епархиальный архитектор А.П. Аплаксин. СПб. 2013, с. 124—125.
 17. НАГОРСКИЙ Н.В. Музей как институт социально-культурной деятельности. СПб. 1988; ЕГО ЖЕ. Новые слагаемые музейного пространства. — Музеи России. 2002, вып. 9, с. 2—7.
 18. Научный архив ФГУК ГМП «Исаакиевский собор», ф. 3, п. 65а, № 3.

Contents

The political archives of the Twentieth century: **P.A. Iskenderov**. Chronicle of the Great Victory (1941—1945). Articles: **N.L. Semenova**. Government policy in the Orenburg region at the end of the XVIII — first half of the XIX centuries. Historical profiles: **K.B. Nazarenko**. Aleksey Mikhaylovich Schastniy. Contributions: **E.D. Tverdyukova**. Bread baking in the USSR in 1960s — 1980s; **S.V. Vinogradov, E.E. Krasnozhnova**. The military Stalingrad in memoirs of contemporaries (1942—1943); **E.G. Kalkaev**. To the question of the beginning of “Chinese operation» of NKVD (1937—1938); **M.M. Frolova**. Military priests during the Russian-Turkish war 1877—1878 (Balkan front). International scientific cooperation: **I. Gashi, I. Miftari**. Ethnic and religious structure in the Vilayet of Kosovo (1877—1912). History and fates: **Iu.V. Krivosheev**. Historian A.I. Yakovlev and tsarist generales (A.A. Brusilov, L.G. Kornilov, A.I. Denikin). For teacher of history: **A.S. Stoletova**. Russian village in the life and work of V.I. Belov in 1960s. People. Events. Facts: **V.V. Filatov**. Composition of party and state persons in the Uralsk management system in the late 1920s-1930s; **N.V. Kudryavtsev, I.V. Skipina**. Loud trials of the Tyumen Province Revolutionary Tribunal; **A.K. Amirkhanova, L.B. Salikhova**. Marriage and forms of its conclusion in cities of Dagestan: transformation of traditions; **J. Kvitsiani**. Modernisation and state-territorial structure of Georgia in the 20th — 21st centuries. From history of religions: **S. Yu. Kargapoltsev, I. Yu. Lapina**. Sampsonievsky Cathedral of St. Petersburg in the research practice of the past and present.

Учредитель: Искендеров Пётр Ахмедович

**Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати 11 сентября 1996 г.
Регистрационный номер № 894**

Главный редактор П.А ИСКЕНДЕРОВ

Редакционная коллегия:

М.Ц. Арзаканян, Б.Д. Гальперина, Г.А. Гребенщикова, В.Г. Кикнадзе, М.А. Лагода,
Р.Г. Ланда, Е.П. Лебедева, Е.А. Мельникова, З.И. Перегудова, В.В. Поликарпов,
О.А. Ржешевский, А.Н. Цамутали, В.Л. Янин

Перепечатка допускается по соглашению с редакцией, ссылка на «Вопросы истории» обязательна

Присланные материалы после рецензирования не возвращаются

Редакция не имеет возможности вступать в переписку

Мнение редакции может не совпадать с позицией авторов опубликованных материалов

«Вопросы истории» № 12, 2018

Адрес: Журнал «Вопросы истории».

Селезнёвская улица, дом 11А, строение 2, 7-й этаж, офис 14, Москва, 127473.

Телефоны: (495) 741-65-18, (495) 741-65-17. E-mail: 095history@mail.ru

Оригинал-макет номера подготовлен в редакции

Подписано в печать 25.11.2018. Формат 70x108/16. Бумага газетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 15,4. Уч-изд. л. 18,00. Тираж 900. Заказ 2467-2018. Индекс 70145.

Цена свободная.

ООО Журнал «Вопросы истории»

Отпечатано АО «Красная Звезда».
123007, Москва, Хорошевское шоссе, 38.

Тел.: (495) 941-32-09
E-mail: kr_zvezda@mail.ru www.redstarph.ru